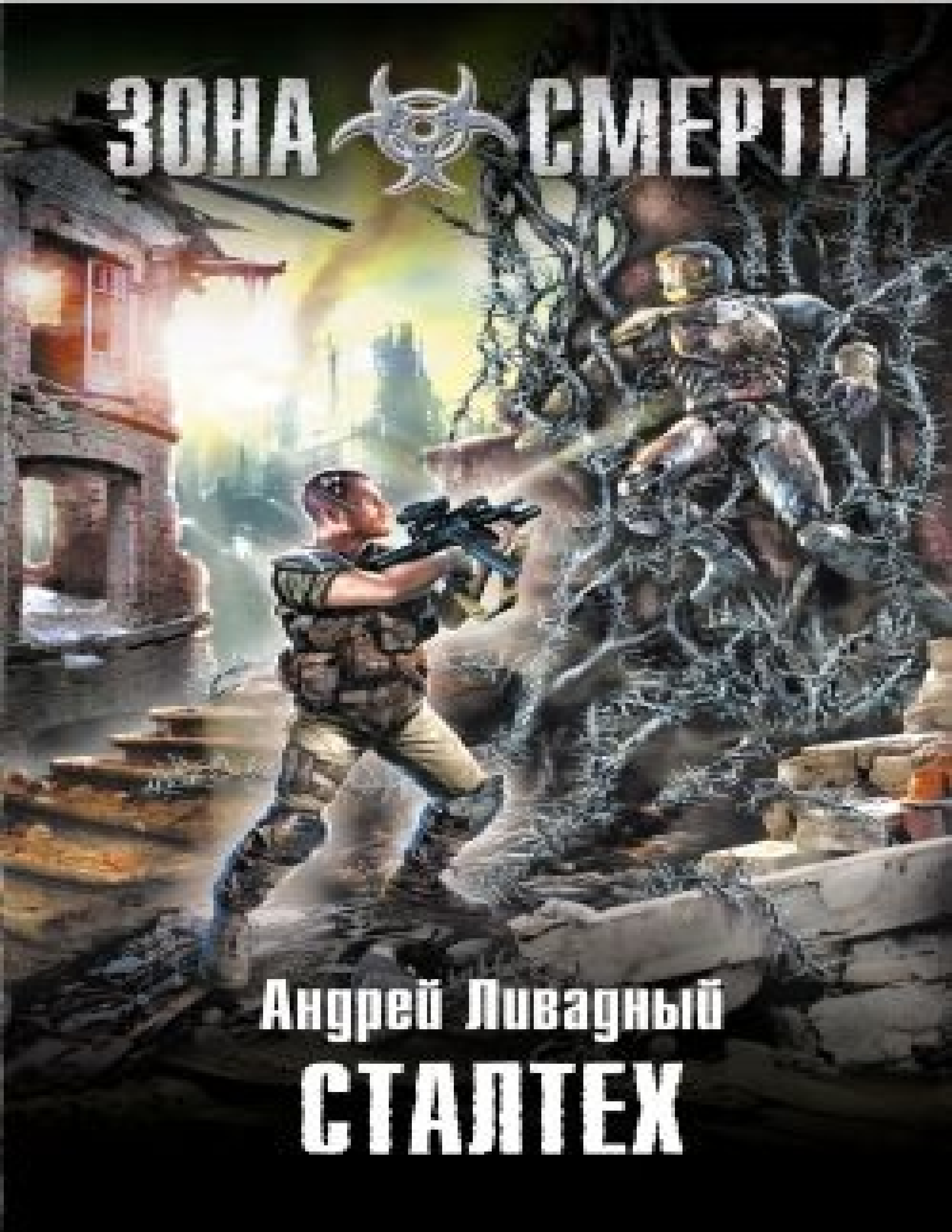

ЗОНА СМЕРТИ
Андрей Ливадный
СТАЛТЕХ

Annotation

Он попал в отчужденные пространства по воле злого рока. Он хотел выжить любой ценой, но ему предстояло пройти все круги техногенного ада, познать, сколь глубока человеческая подлость и сколь беспощадна равнодушная к людям сила техноса. Начинающий сталкер Максим не подозревал, что попал в неумолимый водоворот событий. Кому есть дело до инфицированного скоргами, погибающего новичка, когда военные и Орден Сталкеров стоят у порога разгадки тайны Узла, а армии механоидов сходятся в решающей битве? Но не все решают сильные мира сего. Только Максим и группа легендарной Титановой Лозы способны повлиять на неумолимый ход событий, открыть зловещие замыслы техноса, заглянуть за черту жизни и смерти, чтобы разгадать тайну мрачного здания с логотипом «DRG».

Андрей Ливадный Сталтех

Пролог

Новосибирская зона отчужденных пространств. Ноябрь 2056 года…

Мощная дверь, усиленная композитной броней, плавно сдвинулась в сторону, открывая вход в подвальное помещение.

Антрацит слился с сумраком. Импульсный пулемет в его руках казался игрушкой. Стук в дверь был правильным, условным, но после бегства из Ордена вольный мастер-мнемотехник соблюдал железное, не раз спасавшее его правило: не доверять никому.

Снаружи, на улице завывал ветер, скрипел ржавый лист железа, выше фрагмента темных угловатых руин в разрывах облаков помаргивала одинокая звезда.

«Зря открыл обе двери!..» – с запоздалой досадой подумал Антрацит, чувствуя, как зимний морозный воздух проникает в подвальное помещение. Защитные установки, подвешенные под потолком, простреливающие короткий тесный тамбур, он накануне деактивировал для планового технического обслуживания, вот теперь стоял, глядя в темноту, ожидая, пока незваный гость как-то проявит себя.

Механоиды[1] нынче пошли – один другого сообразительнее. Сенсоры у них чуткие, да и мозгов явно прибавилось. Что им стоит подслушать и воспроизвести несложную последовательность условного стука? И на мониторах внешнего рубежа охраны – ничего. Словно призрак постучался.

Исчадия техноса, конечно, твари еще те, эволюционируют с невероятной скоростью, но до людей им все же далеко. Антрацит напряженно ждал, недоумевая: почему никто не входит? На душе было неуютно. Все же Ковчег считай под самым боком, отсюда до руин Новосибирского Академгородка, где обосновалась группировка, километра три. Бывает, что и патрули мимо проходят. Состав боевых групп егерей известен, в них, как правило, входят сталкеры всех специализаций. Так что молчание датчиков наружного рубежа охраны вполне может быть делом рук метаморфа, прикрывающего группу от обнаружения.

Как же они меня вычислили? – Антрацит живо представил, что боевики Ковчега сейчас окружают вход в обнаруженное убежище вольного мнемотехника, готовясь к молниеносному штурму.

Палец лег на мягкую гашетку, заглубленную в рукоять оружия. Запирать двери, пытаться удрать через тайный ход означало обречь все имущество, уникальную аппаратуру, собранную своими руками, на

разграбление и уничтожение. «Ничего не получат!» – зло подумал Антрацит, намереваясь защищать свое убежище. Отдав мысленную команду, он запер внутреннюю дверь, обезопасив себя от броска гранаты, затем разблокировал узкую бойницу, не прекращая сканировать доступные фрагменты руин.

На улице, среди поднимаемой порывистым ветром поземки, импланты наконец зафиксировали движение.

Мгновенный анализ нечеткой сигнатуры[2] удержал мнемотехника от выстрела.

Сталкер. Если судить по экипировке – явно не боевик Ковчега… Но искажение поставил грамотно. Подкрался, постучал – и назад в руины. Метаморф-одиночка? Антрацит, сосредоточившись на сканировании, локализовал фрагмент измененной реальности, скрывающий нежданного визитера. Тот притаился за нагромождением бетонных обломков, чего-то выжидая.

«Боевики Ковчега так не действуют, – мысленно рассудил Антрацит. – Если только сталкер не исполняет роль приманки», – он запустил автоматическое сканирование частот мью-фонной связи и замер в ожидании отклика.

Так и есть – одиночка. Ответ пришел на частоте вольных сталкеров.

Опознавательный код имплантов оказался ковчеговским, но это обстоятельство уже не смутило Антрацита. Он догадался, кто именно скрывается в руинах, и мысленно выругался в адрес бестолочи, испортившей ему столько нервов.

– Выходи, что прячешься?

Тень, скрытая искажением, шевельнулась. Если бы не узкофокусированное, направленное сканирование, нацеленное в заранее определенную точку, то обнаружить сталкера было бы очень трудно.

Ему пришлось снять маскировку, чтобы ответить:

– Ты двери-то открой, а?

– Покажись сначала. Только выходи медленно.

Искажение окончательно исчезло. На фоне руин появилась фигура сталкера – щуплого, невысокого, экипированного в потрепанную, изрядно побитую пулями и лазерными разрядами броню, в которой Антрацит с большим трудом узнал свой давний подарок.

– Гляжу, тебе скорги[3] совсем мозги сожрали? – Мастер-мнемотехник хоть и отпер внутреннюю дверь, но гостя встретил неприветливо. – Зачем явился? И что в руинах прячешься, если постучал? Жить надоело? Пулю

решил схлопотать?

Сталкер дождался, пока закроется дверь, затем окинул взглядом сумеречный подвал, заставленный стеллажами, с наваленными как попало техноартефактами, странного вида устройствами, емкостями, в каких обычно хранят н-капсулы[4].

– Не злись, Антрацит. Проблемы у меня, – произнес он, отстегивая мягкое забрало защитного шлема.

– Нечего было ковчеговские импланты вживлять, – пробурчал мнемотехник. Дверь сухо щелкнула электрозамками, и сразу стало спокойнее на душе. – Говорил тебе – дрянь они одноразовая. Теперь, конечно, – проблемы. Или я тебя не предупреждал?

– Предупреждал. – Сталкер сел, понурив голову, некоторое время молчал, затем взглянул исподлобья: – Пакость мне всякая мерещится.

Антрацит укоризненно посмотрел на него.

Да, потрепала Макса зловредная судьба. Лицо сталкера покрывали свежие, едва зарубцевавшиеся раны, следы ожога либо обморожения. Глядел он хмуро, озлобленно, с немым вызовом, адресованным всему окружающему миру.

– А в башку совать что попало, ты как думал – все обойдется, нормально будет? – укоризненно произнес Антрацит. – Ладно, – внезапно смягчился он. – Рассказывай.

– Да особо рассказывать-то нечего. Сталтех за мной по пятам ходит. Достал уже…

– Галлюцинации? – Мнемотехник положил увесистый «ИПК»[5] на один из стеллажей. – И как часто?

– Периодически. Главное, что не во сне, а наяву. Из-за обыкновенных кошмаров тревожить бы не стал.

– Так, может, сталтех настоящий?

– Нет. Я в него стрелял – пули насквозь проходят. Словно он – тень, мираж, понимаешь? И вообще «мой», – Макс криво усмехнулся, – мой на обычных сталтехов не похож.

– В смысле? – удивился Антрацит. – Ты толком говори! А то как будто бредишь!

Сталкер на миг задумался, подбирая слова, затем глухо произнес:

– Не человек он…

– Ну, ты, Макс, загнул! Не человек!.. – рассмеялся мнемотехник. – Конечно. Сталтех – он и есть сталтех.

– Не понимаешь ты меня! – Нервы у сталкера были на пределе, это

точно. – Говорю – необычный, странный! Он человеком и не был никогда! Метра полтора ростом… Морда жуткая, узкая, башка как будто к затылку вытянута. Конечности с двумя суставами, кисти рук – трехпалые. Появляется внезапно, буквально секунд на десять-пятнадцать, и что-то пытается мне сказать.

– О чем хоть говорит?

Максим зло посмотрел на мнемотехника. Издевается?

– Откуда я знаю?! В голове скрежет возникает – от него мороз по коже. И непонятно – не то помехи в мью-фоне, не то действительно сталтех…

Антрацит лишь покачал головой.

– Импланты сбоят, – категорично заявил он. – Таких сталтехов, как ты описываешь, не существует. Уж поверь, я механической нежити повидал достаточно. Скорги, когда носитель захватывают, структуру опорно-двигательного аппарата никогда не меняют, – со знанием дела пояснил Антрацит. – Металлизированных собак видел, кошки попадались, крысы, но таких тварей, как тебе грезится, в природе до катастрофы не существовало. Это у тебя галлюцинации от «левых» имплантов. В твоей собственной башке этот сталтех живет, понял?

– Проверь, а?

– С какой радости? Я ведь тебя предупреждал?

– Ну что ты заладил? Просто – проверь! Я тебе заплачу!

Мнемотехник указал на кресло, похожее на страшное устройство для средневековых пыток.

– Экипировку снимай и садись туда.

Отказать сталкеру в просьбе он не смог. В отчужденных пространствах добро мало кто помнит, но Антрацит никогда ничего не забывал. Однажды Максим спас ему жизнь, и этого оказалось достаточно, чтобы пустить побоку все старые обиды и недоразумения.

– Бестолковый ты, Макс. Устроился?

– Угу.

– Чего дрожишь-то?

– Кресло у тебя… жутковатое.

– Прекрати! Ты же не пятилетний ребенок на приеме у стоматолога! Прошлый раз сбежал да глупостей наделал. Сиди уж!..

Максим сглотнул. В прошлый раз действительно глупо все получилось.

– Глаза закрой. Мысленно отключись от имплантов. Думай о том времени, когда их еще не было в твоем теле.

Максим покорно закрыл глаза.

Антрацит сел на вращающийся табурет, включил блоки аппаратуры, посмотрел на показания приборов.

– Макс, я же попросил! Что у тебя в голове творится? Импланты гиперактивны! В таком состоянии я не смогу найти причину сбоев!

– Ну, вколи мне что-нибудь! – зло огрызнулся сталкер. – Выруби мой мозг и работай себе спокойно!

– Не выйдет. Если потеряешь сознание, скорги вообще взбесятся. Они ведь сосуществуют в симбиозе с организмом. – Мнемотехник на миг задумался. – Хорошо. Я введу твой рассудок в пограничное состояние. Но и ты мне помоги. Неужели нет никаких нейтральных воспоминаний? Ты ведь не в Пятизонье родился, верно?

Максим ничего не ответил.

Попытка сосредоточиться на прошлом лишь усугубила положение. В сознании возникла цепочка болезненных ассоциаций, нанизывая одно пронзительное воспоминание на другое…

Глава 1

Окрестности Соснового Бора. Прошлое…

…Стылое, хрупкое утро.

Первый ледок подкравшейся зимы сковал лужи. Липкое месиво грязи, вспаханное гусеницами военной и строительной техники, застыло на морозе, открывая доступ к островкам руин. В звонкой тишине бледного рассвета тяжелые шаги патрулей отсчитывали последние минуты до окончания комендантского часа.

Город просыпался.

Историческая часть мегаполиса, наименее пострадавшая во время Катастрофы пятьдесят первого, уже полнилась деловой суетой, а в зоне тотальных разрушений, на подступах к Барьеру, запечатавшему уничтоженную окраину города-гиганта сферической гравитационной аномалией, еще царила тишина.

Казалось, что тут никто не живет, лишь военные городки, обустроенные по периметру мутно-серого купола, отрезавшего Сосновый Бор от остального мира, выдавали присутствие людей.

Подле Барьера безраздельно властвовала армия, но в нескольких километрах, там, где заканчивались грязевые поля, а из земли начинали проступать невысокие огрызки стен зданий, жизнь постепенно брала свое. Тут, на самом дне жуткого подковообразного амфитеатра, образованного постепенно поднимающимися ввысь уступами зданий, за годы, прошедшие после Катастрофы, сформировался своеобразный мирок, существующий по собственным законам.

Там, где руины поднимались до уровня второго-третьего этажей, а стылый ветер гулял по расчищенным от обломков улицам и проспектам, после окончания комендантского часа появились редкие прохожие, подле недавно восстановленной станции метро бригады строителей, покинув уютное тепло подземки, ожидали подхода спецтранспорта.

Максим проснулся от холода.

Хотелось курить. Стылая сырость пробирала до костей, мышцы одеревенели, пустые, безрадостные мысли отражали лишь сиюминутные заботы и желания.

Кутаясь в старенькое пальто, он подошел к проему выбитого окна.

Сигарет не было. Внизу в разломе улицы уже появился народ. Бригады строителей, разгрузив материалы и инструмент, скрылись в одном

из соседних зданий, говорят, его собирались восстанавливать, а на улице кое-где уже открылись маленькие магазинчики. Бизнес большого города постепенно выпускал щупальца, проникал в руины, – на первых этажах сохранившихся построек некоторые помещения отремонтировали, приспособив под торговые точки и незатейливые кафе.

Здесь никого не волновали чьи-то отдельно взятые судьбы. Каждый сам по себе. Выживает, как может.

Максим подслеповато посмотрел вдаль. Утро было ясное, зимнее солнце светило, но не грело.

Так же и в душе. Холодно. Одиноко.

Пару лет назад ему повезло выжить. И не более. Судьба, сломанная вмиг, не срослась вновь. После пережитого шока, хаоса, нескольких дней скитаний среди наполненных агонией руин он как будто впал в моральную кому, не сумел вновь окунуться в теплую суету большого города, а остался тут, на дне исполинской воронки, вырезанной в теле мегаполиса титаническим взрывом.

Некоторое время он прятался в развалинах, не в силах преодолеть ужаса перед случившимся, постепенно теряя счет дням, а когда его отыскали и доставили во временный лагерь, то Максим, вновь оказавшись среди людей, внезапно понял, что большие скопления народа пугают его больше, чем ощущение глобального одиночества.

Моральный слом произошел мгновенно. Пережив катастрофу, он утратил спасительную для многих иллюзорность мышления. Максим видел превратившиеся в щебень кварталы, он теперь в точности знал, сколь ненадежен огромный город, как легко красивые и прочные с виду здания превращаются в пыль, не оставляя шанса на спасение… Страх перед повторным ударом жил глубоко внутри, он въелся в сознание, Максима не покидало ощущение, что множество людей, собранных в одном месте, каким-то мистическим образом притягивают беду. Если разбираться спокойно – глупость, но Макс поддался глодавшему его страху, бежал, снова ушел в руины.

Потребовались месяцы, чтобы прийти в себя, опомниться, а когда в душе вновь затлела искорка воли к жизни, оказалось, что его поезд давно ушел. Все, кого удалось спасти, были эвакуированы, зона руин объявлена запретной, а любой нарушитель рисковал получить пулю от патрулей, особенно в темное время суток.

Так он стал нелегалом. Человеком без документов и работы, числящимся в списке без вести пропавших, призраком, оказавшимся вне цивилизации, вне государства и общества.

Оказывается, не он один. Тысячи бродяг обитали на обломках мегаполиса, ведя нелегкую борьбу за существование. Максим стал одним из них, полностью погрузился в сумеречную, беспредельную жизнь, где банку найденных консервов приходилось отбивать у одичавших собак или того хуже – у себе подобных.

Уцелевшие городские кварталы он понемногу начал ненавидеть. В морозные или дождливые ночи оттуда сочился свет миллионов окон, казалось, что в многоэтажках притаились зрители, занявшие верхние ряды амфитеатра и теперь с интересом наблюдающие за жуткими драмами, разыгрывающимися внизу…

Может, он и ошибался. Шли дни, и Максим постепенно начал забывать прошлое, научился мыслить категориями одного дня, свыкся с лишениями, незаметно для себя стал худым, ловким и жилистым.

А жизнь текла мимо, события двигались своим чередом.

Примерно через год после катастрофы руины начали разбирать, основные улицы расчистили, режим запретной зоны стал не таким жестким, как вначале, появились строители, у восстановленной станции метро сначала возникали небольшие стихийные рынки – там можно было купить сигареты, водку и продукты, да и солдаты уже не стреляли без предупреждения. Максим, поначалу с опаской отнесшийся к переменам, понемногу начал втягиваться в новую реальность – иногда нанимался в строительные бригады, но чаще уходил в руины, где еще оставалось множество потаенных мест, куда так и не добрались ни спасатели, ни военные, ни строительные бригады.

Тусклые мысли скользнули где-то на краю сознания и исчезли, ушли, как вода в песок.

Хотелось курить.

Он зябко поежился, кутаясь в пальто. Рука ощутила рукоять раритетного «стечкина», достать патроны к которому стало настоящей проблемой. Пистолет он нашел в одном из зданий, среди обломков раздавленного сейфа. Там же удалось раздобыть и боеприпасы. За год, что минул со дня находки, Максим привык к оружию, оно часто спасало ему жизнь, расставаться с ним было жалко, но в обойме осталось всего три патрона, и здесь помочь не могли даже военные – армия вот уже несколько лет как перешла на импульсные типы вооружений.

Через некоторое время Максим, голодный, хмурый и злой, вышел из приютившего его на ночь здания.

Наниматься к строителям желания не было. Идти в неисследованные руины с тремя оставшимися патронами – рискованно. Наступивший день

ничем не отличался от других – он обещал лишь неопределенность…

Максим поднял воротник, сунул руки в карманы и побрел наугад по одной из улиц.

Он всегда так делал, если в точности не знал, чем заняться, куда идти.

* * *

На ближайшем перекрестке, подле покосившегося светофора, взирающего на мир выбитыми глазницами светофильтров, ошивался тип подозрительной наружности.

На нем было навешено громоздкое устройство, спрятанное в туристический рюкзак, вокруг, распространяя волны зеленоватого мерцания, в морозном воздухе медленно искажались панорамы иной реальности, созданные при помощи голографического проектора.

Максим остановился. Рука невольно сжала рукоять пистолета.

Пространство, открывшееся перед ним, завораживало. Заросли металлических растений густо покрывали руины какого-то города, средь оплывших холмов высился старый железнодорожный мост, покрытый коростой ржавчины, кое-где испятнанный кляксами серебристой субстанции, похожей на ртуть.

На переднем плане выделялся корпус механического создания, истекающий сизыми струйками дыма, высачивающимися сквозь многочисленные пробоины в корпусе.

Человек, экипированный в тяжелую броню, разбирал подбитого техномонстра, с удивительной легкостью извлекая из чрева механоида различные техноартефакты.

Максим немного успокоился.

Вербовщик.

Он слышал, что в руинах начали появляться так называемые зазывалы, вербующие будущих сталкеров, но еще ни разу не встречался ни с одним из них.

Об отчужденных пространствах Пятизонья ходило множество самых разнообразных слухов. Одна из таких аномальных территорий начиналась всего в нескольких километрах отсюда за границей купола Барьера[6].

Максим с интересом наблюдал за лазерным шоу, сопровождающимся громкими отрывистыми фразами вербовщика. Его голос, усиленный электронными устройствами, дробил настороженную тишину руин:

– Если вы остались за бортом жизни, если вам тесны оковы цивилизации, если нет никаких перспектив – присоединяйтесь к свободным сталкерам! Испытайте свою удачу, ведь цена одного

техноартефакта равняется годовой зарплате квалифицированного рабочего!..

В теснине одной из улиц внезапно показался военный патруль, и вербовщик, заметив его, тут же выключил аппаратуру, юркнув в ближайший пролом.

Максим все еще стоял подле покосившегося светофора. Военных в светлое время суток он не опасался, а вот фразы, сопровождавшие голографический рекламный ролик, почему-то задели его, продолжая звучать, будто эхо, в потревоженном рассудке:

Остались за бортом жизни… Присоединяйтесь… Испытайте удачу…

Сзади послышались шаркающие шаги. Оказывается, зрителей в прилегающих к перекрестку руинах было более чем достаточно.

Макс тряхнул головой, обернулся.

Какой-то старик, вышедший на свет из сумрака полуразрушенных зданий, остановился подле.

– Сволочи! – бормотал он. – Совсем страх потеряли! – Он обернулся к Максиму. – Ты слышал?! Они ведь зовут на верную гибель!

– Почему? – спросил Максим.

– Пятизонье – это проклятье человечества! – возмутился старик. – Кара! Кара за нашу самонадеянность! Там царит технос! Да, я знаю, – беспощадный технос! Созданные нами машины, восставшие против людей!

– Старик, ты бредишь, – бесцветным голосом ответил Максим. – Что же там опасного? Такие же руины, как тут?

– Технос! – словно заведенный, твердил старик. – Мы породили его! Породили скоргов – эту проказу, превращающую людей в нежить! Да, да, я знаю! Я видел сталкеров, пытавших вырваться оттуда! Они покрыты серебристыми пятнами, их тела стали пристанищем для микроскопических машин, разъедающих плоть, превращающих кости в металл!

– Врешь ты все. – Максим сплюнул, наблюдая за патрулем. Офицер и два солдата свернули в руины, наверное, заметили вербовщика и решили его перехватить.

Водянистые глаза старика вдруг вспыхнули мрачным безумием.

– Они ищут таких глупцов, как ты! Заманивают в пространства, откуда нет возврата! Мы все обречены!..

Максим не стал его слушать.

Военные свернули не в то здание. Вербовщик, если он знает руины, пойдет другой дорогой.

Надо бы догнать его, расспросить.

Оттолкнув старика, пытавшегося еще что-то сказать, он шагнул в пролом и скрылся в сумерках полуразрушенного здания.

* * *

Вербовщика он нагнал через пару улиц. Тот стоял, тяжело дыша после надрывного бега, привалившись к оплавленной, деформированной стене здания, в одном из проулков.

Максим, достав оружие, подошел ближе.

– Эй, как там тебя?

Вербовщик вздрогнул, резко обернулся и увидел пустой зрачок пистолетного ствола, нацеленного ему в переносицу.

– Закурить есть?

Тот вдруг часто закивал, хлопая себя по карманам. Его взгляд неотрывно следил за оружием.

– Тебя патруль заметил. – Максим опустил пистолет. – Не бойся, они в другой квартал побежали. – Он взял полупустую пачку сигарет, заметив, что пальцы вербовщика дрожат. – Да не трясись, не трону я тебя.

– Зачем гнался? – сглотнув, спросил тот.

– Курить охота. – Максим вытащил сигарету, а пачку сунул себе в карман. – Давай, расскажи: что ты там про сталкеров кричал?

– Я в Пятизонье народ вербую.

– Ну, это понятно. – Максим глубоко затянулся. – Мне тут старик один про какую-то «проказу Пятизонья» толковал. Ты что скажешь?

– Скорги… – Вербовщик сглотнул. – Они везде. Но их не нужно бояться! – внезапно опомнился он. – Есть хорошая экипировка, она реально защищает!

– И что? Допустим, я захочу стать сталкером?

– Да все просто! Отведу тебя на сборный пункт, тут неподалеку, в руинах. Там выдадут все, что нужно. Потом переправят за Барьер. Там, – он неопределенно кивнул в сторону мутного купола, – есть специально оборудованные лагеря. С герметичными убежищами, понимаешь? Оттуда будешь выходить, как на охоту, – завалил механоида, разобрал его, отнес добычу хозяину лагеря, а он с тебя долг за экипировку спишет. Еще раз вышел, снова с добычей вернулся – тебе деньги на счет. Так три-четыре ходки сделал, и можно новую жизнь начинать!

– А если не справлюсь?

– Да ты, парень, – прям вылитый сталкер, – польстил Максиму вербовщик. – Сколько уже в руинах выживаешь?

– Давно, – пожал плечами Максим. – Года два, может, больше… Не

помню уже.

– Вот и там не сложнее.

– Не врешь? Сам-то за Барьером бывал?

– Нет, – честно признал вербовщик. – Но оттуда все богатыми возвращаются. Уезжают за границу! Бывает, конечно, что и погибает кто-то из новеньких, но это уже… судьба! – нашелся он. – У кого на роду написано…

– Ладно, заткнись, – прервал его Максим. – Ты, мужик, идиотов ищешь, это понятно. Если там все так круто, деньги сами в руки лезут, так чего ты тут в руинах шатаешься? Почему сам в сталкеры не подался?

Вербовщик стрельнул взглядом по сторонам, затем начал снимать с себя туристический рюкзак, в котором был упакован голографический проектор.

– Скоргов боюсь, – признался он. Почему бы не сказать правду? Парень этот все равно в сталкеры не годится, у него полное безразличие к жизни на худом лице написано. Вон глаза ввалились, блеск в них диковатый. Может, больной или запойный, а может, просто – голодный. В любом случае нет у него азарта, той самой искорки, что толкает здоровых, вменяемых, зачастую хорошо обеспеченных людей в сущий ад, откуда действительно нет возврата.

– А чего ж ты их боишься? – продолжал допытываться Максим. – Сам ведь сказал – экипировка надежная и все такое? Ты толком-то расскажи: что за скорги такие?

– Сигареты отдай?

– Держи одну. Остальные оставлю, – отрезал Максим.

– Ладно. – Вербовщик взял сигарету, прикурил. – Я со многими сталкерами знаком был. – Его внезапно пробило на откровенный разговор. – Тема действительно такая, что лучше в нее не лезть. Дураки да обреченные попадаются. Ну, еще те, у кого понты зашкаливают. Мол, круче нас только горы… – Он выпустил сизую струйку дыма. – Скорги… Знаешь, один мнемотехник мне точно сказал: это такие нанороботы. Меньше пылинки. Их где-то у нас разработали, а когда Катастрофа случилась, они из секретных хранилищ вырвались, на свободе оказались, размножаться начали.

– И что? – не понял Максим.

– Ну, у них сбой произошел. Программы все стерлись или перепутались, в общем, стали эти наномашины сами по себе. Ну, как трава или микробы, понимаешь? Или вирус, так, наверное, правильнее будет. Они мелкие, вездесущие, разные. Некоторые просто металлорастениями

прорастают, металлы тянут из земли, как дерево – соки. Другие технику захватывают. Они ее ремонтируют, устройства там всякие навороченные выращивают, и получается из какого-нибудь ржавого трактора натуральный техномонстр. На языке сталкеров – механоид. Понимаешь?

– Не очень. – Максим попытался представить картину, скупо нарисованную словами вербовщика, но ничего не вышло, воображения не хватило. Ржавый трактор мысленно представить – пожалуйста. А вот восстановленный и модифицированный скоргами механизм – не вышло. Нелепица какая-то.

– Ну а если вдруг у сталкера с экипировкой не все в порядке, – тем временем продолжил вербовщик, видимо, напрочь забывший о своем непосредственном задании, – ну, там герметичность нарушилась, или ранило его, так серебристая пыль если на кожу попадет – все, хана. Скорги начинают в человеке размножаться.

– Они что, мясо жрут? – удивленно переспросил Максим.

– Тупой ты. – Мужик неприязненно покосился на Максима. – Нет. Им органика вообще ни к чему. Энергия им нужна. И носители, чтобы управлять ими, перемещаться, ну как тебе сказать – осознанно, что ли? Так их только пульсациями перебрасывает из одного пространства в другое да ветром, бывает, разносит. А внедрившись в носитель, они становятся сами себе хозяевами. Куда хочу, туда иду…

– А с человеком что происходит?

– Умирает. Но медленно. Пятна серебристой проказы по телу расползаются, плоть начинает разлагаться, вместо нее всякие устройства прорастают. Так постепенно из человека получается сталтех. Нежить… – Вербовщика передернуло.

Максиму стало интересно. Уж больно складно врет.

– А еще скорги в разные устройства внедряются, – продолжил тем временем вербовщик. – Сталкер один рассказывал: его дружок бинокль в руинах нашел. Старый такой, поцарапанный весь. А в нем скорги гнездились. Он посмотреть хотел, к глазам поднес, а там не видно ничего, муть одна. Хотел выкинуть, но он у него прямо в пальцах растекся, и все. Видели потом того сталкера уже полуразложившимся. Брел куда-то. Половина головы металлизировалась, руки, как механические протезы, вместо глаз какие-то устройства. А еще скорги в компьютерах гнездятся, в бытовых приборах, везде, где есть хоть немного энергии. Помнишь, еще до Катастрофы новые источники питания изобрели? Ну, целая рекламная кампания была – «Купите наш «уникум» и отключите свою бытовую технику от сети. Десять лет бесперебойной работы…» – Вербовщик

выкинул окурок. – Сколько такой техники с десятилетним запасом энергии в отчужденных пространствах осталось? Да не сосчитаешь. А микромашины энергию за версту чуют…

Максим слушал его, постепенно раздражаясь. Ну, загнул так загнул. Несет всякую околесицу. Сколько он брошенных «компов», да разной бытовой техники в руинах находил, и ничего. Некоторые устройства даже продать удавалось.

– Ага. – Он усмехнулся, поигрывая «стечкиным». – Допустим, в твой рюкзак скорги пролезли, и что станет?

– Не знаю… – Вербовщика передернуло. – А что?

– От любой взбесившейся машины есть хорошее средство, – зло произнес Максим. День и так начался угрюмо, безрадостно, а тут еще этот увалень со своими небылицами. Проучить бы его…

– Какое? – Мужик оказался наивным, видимо, в руинах работал недавно и нравы их обитателей знал плохо.

– Пуля. – Максим внезапно вскинул оружие и трижды выстрелил.

Вербовщик отшатнулся, побледнел, затем обернулся, с ужасом глядя на свой рюкзак, в котором истекали вонючим дымком три пулевых отверстия.

– Придурок! Что ты наделал?! Там же аппаратура! Она бешеных денег стоит!

– Нечего всякую чушь нести! – Максим сплюнул. Волна неконтролируемого гнева накатила и отхлынула. В такие минуты он сам плохо соображал, что и зачем делает. – Дуришь нормальным людям головы. – Он с досадой подумал, что зря истратил три оставшихся патрона. – Вали отсюда, сказочник!

В этот момент, привлеченные выстрелами, в глухом проулке показались двое мрачных типов.

– Вот урод… – процедил один из них сквозь сжатые зубы, при этом его верхняя губа хищно вздернулась. – Ну, ни на минуту нельзя оставить!.. Вечно в проблемы влезет!.. – Он уверенным заученным движением выхватил из-под одежды короткоствольный импульсный автомат, но затем, оценив ситуацию, передумал, подобрал с земли кусок ржавой арматурины и, подкравшись сзади, от души приложил Макса по затылку.

Перед глазами Максима вспыхнули кроваво-радужные пятна, ноги подкосились, он мешковато осел на землю и привычно сжался в комок, ожидая побоев.

Сознания он не потерял, но лежал не шевелясь, будто труп.

Один из громил подошел к рюкзаку, ослабил узел, заглянул внутрь.

– Ну, что там? – осведомился второй.
– На помойку. Проще новый купить. Ты куда смотрел, гаденыш? – Он обернулся к вербовщику. – Почему знак не подал? Мы думали, ты клиента обрабатываешь!
– Да какой он клиент?! Пристал, как репей! Больной на всю голову!
– Так тебя разве не инструктировали? Возникли проблемы, – знак подай, мы все уладим! А ты? Технику угробил, день теперь коту под хвост! А мы на утро борт у военных зафрахтовали! Для преодоления Барьера, сечешь? Он что, полупустой пойдет?
– Я не знаю! Этот придурок – больной! Бешеный какой-то! Откуда я знал, что он стрелять начнет?!
Оправдания вербовщика никто не слушал. Двое громил отошли в сторону, совещаясь.
– Ну, что делать будем?
– Да ничего. Сколько у нас человек не хватает?
– Троих.
– Ну, один у меня есть. Экстремал какой-то. В баре познакомились. И этих двоих заберем. Ты давай, Крамору отзвонись, пусть машину встречает.
Его напарник криво усмехнулся, взглянув на неподвижное тело Макса и бестолково суетящегося подле рюкзака горе-вербовщика.
– Хочешь их обоих в Пятизонье, к Греху отправить?!
– А какие варианты? Может, сам по руинам побегаешь, в поисках добровольцев? Ты главное, не тупи! Наше дело маленькое – народ набрать. А кто, как, почему – без разницы.
– Эй, я не согласен! – Вербовщик, слышавший их диалог, медленно попятился, пока не уперся спиной в огрызок стены. – Я никуда не пойду! Мы так не договаривались!
– Серый, угомони его! Думать надо было головой! Аппаратуру угробил?! А кто платить станет?
Максим лежал, по-прежнему не шевелясь.
После удара по затылку к горлу подступала тошнота, голова кружилась, и ему по большому счету было сейчас все равно, где он окажется через несколько часов, лишь бы не забили до смерти. В сказки о Пятизонье он не верил. Нет там никого за непроницаемым мутно-серым куполом. Ни людей, ни машин. Пустыня одна.
Он плотно зажмурил глаза. Ну, заставят отработать на какой-нибудь стройке или в подпольном цеху. Не впервой. Сбегу…
В глухом проулке раздалось несколько мягких ударов, сопровождаемых сиплым судорожным вздохом вербовщика, затем

прозвучал голос:

– Все, хватит! Подгоняй машину, грузим их! Нам по дороге еще ко мне надо заскочить! Давай в темпе, пока караул на блокпостах не сменили!

* * *

Что происходило дальше, Максим практически не помнил. После удара металлическим прутом по затылку в сознании все плыло, он оказался во власти багряных сумерек, на фоне которых изредка появлялись и исчезали мутные осколки реальности.

Его куда-то везли, в салоне старенького микроавтобуса нестерпимо воняло потом и бензином, прямо под ухом нудно, по-бабьи причитал тот самый вербовщик, похоже, он валялся, избитый и связанный, на полу между рядами сидений. Был с ними еще кто-то, но лица третьего пассажира Максим не запомнил, тот забился на последнее сиденье и притих.

Очередная остановка совпала с временным просветлением сознания. Максим сел, преодолевая дурноту, но тут с лязгом открылась боковая дверь, пахнуло холодом, свежестью, в клубах взвихрившегося пара появилась фигура одного из громил.

Вербовщик вдруг отчаянно закричал:

– Серый, не надо! Я заплачу! Я…

Хрусткий удар оборвал надрывную мольбу. Максим инстинктивно сжался, наблюдая, как вербовщику заткнули пасть кляпом, а третьему пассажиру зачем-то завязали глаза.

Он понял, что тихо отлежаться, а когда представится момент – ускользнуть не выйдет.

День заканчивался еще хуже, чем начался. Куда их привезли, бесполезно даже гадать.

– Встали! Быстро!

Максим зашевелился, кое-как поднялся на четвереньки, затем кто-то схватил его за шиворот и рывком поставил на ноги.

– Выходим по одному!

Он тупо подчинился. Ноги казались ватными, после сумрака салона микроавтобуса и долгой монотонной езды окружающее поначалу воспринималось нечетко, но холод, оглушительный рев двигателя и ледяной ветер быстро привели Максима в чувство.

Он хотел осмотреться, но новый окрик, сопровождаемый ударом приклада в спину, толкнул его в нужном направлении.

– Вперед! На борт!

Вертолет… Максиму вдруг стало по-настоящему страшно. Машина, притаившаяся во тьме, казалась огромным ревущим монстром. Ветер, бьющий из-под вращающихся лопастей, валил с ног, кто-то больно подталкивал в спину стволом автомата, вокруг расплескалась вязкая ночная мгла, под ногами дыбилась замерзшая комьями грязь, в голове плавал красноватый туман. Похоже, что, кроме удара по затылку, он получил дозу какого-то препарата, подавляющего волю, заставившего подчиняться, идти из последних сил, вскарабкаться в чрево металлического чудовища и снова притихнуть, в ожидании скорой, но явно не доброй развязки…

* * *

Он ошибся. Перелет был долгим и трудным.

Максиму казалось, что на него положили бетонную плиту. Сила тяжести постепенно росла, он молча извивался, как червяк, пытаясь выползти из-под навалившегося непосильного груза, кто-то гоготал, глядя на его потуги, потом, спустя некоторое время чуть отпустило, гравитация начала слабеть, зато пришло резкое и неприятное чувство зависания внутренностей.

Муть в голове так и не прошла.

Он лежал на полу, ощущая только холод металла, пока резкий толчок окончательно не привел его в чувство.

Снова окрик, резкий, будто удар хлыста:

– Встали! В темпе!

Военно-транспортный вертолет совершил посадку невдалеке от мрачного скопления руин, и Максим, которого пинками подняли на ноги и вытолкали наружу, увидел, как в кромешной тьме, метрах в ста от площадки приземления, над приземистыми, полуразрушенными постройками старой подстанции с равными интервалами бьют стелющиеся вдоль промерзшей земли ветвистые молнии.

В ослепительных вспышках были видны овраги, по склонам которых густо росли металлические кустарники. Исковерканная, покрытая воронками местность казалась холмистой из-за нагромождений разбитой техники: обгоревшие, частично расплавленные корпуса странных машин горами возвышались подле основания медленно вращающегося, пронизанного разрядами статического электричества мутного вихря, вздымающегося к хмурым небесам.

Максиму стало жутко. Чувство, сжавшее горло, нельзя было назвать страхом. Мгновенный инстинктивный ужас захлестнул, словно волна, накрыл, уже не давая опомниться, на фоне раздвоенности, нечеткости

восприятия внезапно промелькнула тоскливая мысль: все, отсюда уже точно не сбежишь…

В полной прострации он сел на мерзлую землю, неподалеку о чем-то разговаривали между собой несколько военных и двое гражданских, вокруг в разных позах застыли пораженные открывшимися картинами исковерканной реальности будущие сталкеры.

– Все, погнали! – Голос раздался в промежутке между вспышками молний и глухими раскатами грома. Из темноты вынырнула фигура здоровенного детины, экипированного не хуже, чем военные, доставившие их сюда. Его лицо скрывало сложное устройство, напоминающее гибрид защитного шлема и дыхательной маски, за спину уходили два гофрированных шланга, в руках он сжимал короткую рукоятку, из которой то и дело появлялись кончики неприятно потрескивающих энергетических щупалец.

– Я сказал – встали! – рявкнул он.

Максим машинально подчинился, но его сосед – тот самый вербовщик – вдруг начал что-то лопотать, не то заискивая, не то доказывая свою непричастность к происходящему.

Сталкер не стал его слушать. Он одной рукой схватил вербовщика за горло, приподнял, глядя, как тот извивается, вцепившись в его руку.

– Так, все смотрим сюда и слушаем! Вы в Пятизонье. Я проведу вас в пространство Новосибирской зоны отчуждения. Там расположен наш базовый лагерь. И запомните одну элементарную истину – здесь каждый вздох, каждая прожитая минута – уже удача и счастье. Так что подобрали сопли – и за мной! Нянчиться ни с кем не буду! Шаг в сторону, попытка бежать – убью. А если вдруг не попаду, скорги сожрут. Выбирайте сами.

* * *

Новосибирская зона отчужденных пространств

Как бы ни складывалась сила неодолимых обстоятельств, Максим инстинктивно выбирал жизнь. Первые дни в лагере «мотыльков» – так сталкеры называли неимплантированных искателей приключений, – стали сущим адом, и выжить Максиму помог лишь опыт, приобретенный за несколько лет скитаний по руинам мегаполиса.

Здесь все было иначе, чем во Внешнем Мире. Жестче, откровеннее, словно незримая аномальная энергия, дающая жизнь механоидам и скоргам, вмиг сжигала все защитные оболочки, скрывающие сущность человека.

Максим, в отличие от других, поначалу ожил, очнулся. Он не

понимал, как и что устроено в Пятизонье, лишь скалился, словно зверь, но не сломался, не пал духом. По привычке замкнулся в себе, сторонясь общения, только наблюдал, постепенно начиная соображать, что к чему.

Лагерь мотыльков представлял собой несколько кое-как загерметизированных подвалов. Заправлял всем торговец по прозвищу Грех. Невысокого роста, коренастый, еще не старый, покрытый металлизированными струпьями от многочисленных инфицирований, он ни с кем не церемонился, дисциплину поддерживал просто, но эффективно. Лагерь условно делился на четыре сегмента. В первом жили искатели приключений, добровольно пришедшие в Пятизонье. Они оплачивали еду, экипировку и считались свободными. Второй сегмент предназначался для невольников, попавших сюда по принуждению, как Максим, в третьем подвале располагались настоящие сталкеры, из одиночек. Четвертый подвал совмещал в себе магазин, склад и мнемотехническую мастерскую.

По прибытии их согнали в рабский подвал, накормили и велели спать.

Видимо, в еду было что-то подмешано – Максим вырубился прямо за столом, а когда очнулся, уже наступило утро.

Первая мысль, конечно, была о побеге. «Уйду в руины, – мрачно размышлял он. – Как только представится случай. Все равно куда-нибудь поведут».

Он как в воду глядел. Только еще не понимал, насколько все серьезно.

Здоровенный сталкер, что привел их в лагерь, появился в подвале примерно через четверть часа после того, как Максим очнулся от тяжкого забытья. Окинув взглядом длинное помещение с низким, давящим потолком, он почему-то остановил свой выбор именно на Максиме, который по-прежнему сидел за столом, мрачно размышляя на тему ближайших перспектив.

– Пошли.

– Куда? – Максим встал. Побоев он не хотел, поначалу проще подчиниться, а там уже видно будет.

– Сейчас узнаешь. Давай, шевелись!

Все подвалы «Греховного Пристанища» (так называли лагерь сами сталкеры) были соединены между собой подземными ходами.

– Это четвертый сектор. – Сталкер остановился подле массивной двери, перегораживающей тоннель. – Сюда будешь приходить каждый день. – Он коснулся пальцем сенсорной пластины, и дверь, подрагивая, рывками сдвинулась вбок.

Подвал, куда они попали, был разделен кирпичными перегородками на несколько помещений.

– Магазин прямо. Направо – склад. А тебе сюда. – Сталкер указал в правое ответвление.

– Что там?

– Обитель нашего мнемотехника, – криво усмехнулся сталкер. – Заходи, не стесняйся.

* * *

В помещении горел яркий свет. В лицо дохнуло чем-то давно позабытым, здесь смешивались запахи медикаментов, металла, каких-то химикатов, повсюду на столах, похожих на слесарные верстаки, громоздилось непонятное оборудование.

Мнемотехник оказался абсолютно лысым мужиком средних лет. На нем не было защитной экипировки, он носил джинсы и драный свитер, обут был в стоптанные кроссовки, по «лаборатории» передвигался вразвалку, прихрамывая, чудом вписываясь в узкие проходы между стеллажами.

– Садись. – Он указал на кресло с широкими подлокотниками. Прочные ремни, которыми, по всей видимости, пристегивали «пациентов», свисали до самого пола, и Максим невольно отступил на шаг.

– Не робей. У тебя уже все позади. Не хочешь садиться, стой – мне все равно. – Мнемотехник доковылял до своего рабочего места, грузно сел, сцепив пальцы рук в замок. – Значит, так. Слушай внимательно, повторять не буду. Видишь этот прибор? – Он взглядом указал на странного вида агрегат, установленный подле жутковатого кресла.

Дождавшись кивка, он продолжил:

– Это излучатель. Он способен воздействовать на колонии скоргов, не давая им размножаться. Ты у нас новенький, к местным порядкам еще не приучен, наверное, думаешь сбежать при первом удобном случае, верно?

Максим промолчал.

– Так вот, даже не пытайся. Если жизнь дорога.

Максим нахмурился.

– Ага, пытаешься сообразить, что же тебя удержит? – Мнемотехник ехидно хихикнул. – Правый рукав закатай, узнаешь.

Максим с недобрым, жутковатым предчувствием подчинился. Расстегнув липучку, он поддернул вверх рукав одежды, и вдруг в голове все помутилось от внезапного ужаса.

На его запястье серебрилось похожее на кляксу пятно неправильной формы.

– Надеюсь, о скоргах ты слышал? Эй, только в обморок тут не

падай! – Мнемотехник привстал. – Сказал же, присядь, легче будет. Вот так. А теперь дыши. Глубоко и ровно.

– Что это значит? – наконец справившись с собой, выдавил Максим.

– Подстраховка. Элементарная подстраховка. Всем новичкам дают с едой снотворное. Пока ты спал, я вживил тебе колонию диких скоргов. Они не опасны. Ничем не помогут, это не имплант, но и вреда не принесут. При одном условии – каждый день ты должен приходить сюда. Я буду облучать пятнышко, иначе скорги начнут размножаться. Пропустишь хотя бы один сеанс воздействия, и сквозь твою кожу станут прорастать тонкие серебристые нити, они быстро доберутся до костей, до мозга, знаешь – это жуткая боль. Врагу бы не пожелал. – Он говорил спокойно, даже соболезнуя. – Поверь, я не хочу, чтобы ты превратился в сталтеха – нежить, которая бродит по отчужденным пространствам. Так что веди себя хорошо. И запомни, другой мнемотехник, даже если тебе повезет отыскать настоящего мастера, ничем не поможет. Только мне известны параметры облучения, стабилизирующие колонию. – Он выжидательно посмотрел на Максима. – Все понял?

Максим вынужденно кивнул.

Он чувствовал, как дикий, ни с чем не сравнимый ужас вновь крепко схватил его за горло.

Выхода не было…

– Иди, получай экипировку и оружие. – Голос хромого мнемотехника доносился как-будто издалека. – Иди, я сказал. И не забудь – вечером ко мне!

* * *

Получив экипировку, Максим вдруг оказался предоставлен самому себе.

Сначала он растерялся, а затем, задумавшись, зло усмехнулся.

Ну конечно. Зачем кому-то за ним приглядывать, сторожить?

Страх, желание жить, отголоски перенесенного шока – все смешивалось в душе и рассудке, сбивая с толка, оставляя ощущение пустоты и растерянности.

Сталкер по прозвищу Крюк, выдавший ему снаряжение, скупо изложил права и обязанности мотылька:

– Тебя в лагере никто не держит. Захотел – хоть сейчас в руины отправляйся. Но поосторожнее там. Новички обычно далеко не заходят. На рожон не лезь. Сначала к механоидам издалека присмотрись, понаблюдай за повадками. Твари опасные, считай, что я тебя предупредил. Найдешь

что-то стоящее или тварь какую подобьешь, добычу неси в магазин, к Греху. Он сам решит, что чего стоит.

– За экипировку не боишься? – зло выдавил Максим. – Вдруг испорчу?

– Мне-то чего бояться? Это ты трясись, не дай бог, где-нибудь порвешь или обо что-то поранишься. Скоргам любая, самая маленькая лазейка подойдет. А твое снаряжение другие принесут, когда труп отыщут. В общем, вали, у меня очередь.

Его действительно никто не задерживал.

Надев защитную дыхательную маску, накинув сверху капюшон из мягкой материи, мгновенно сжавшийся, плотно обтянувший голову, как будто присосавшийся к коже и материалу дыхательного устройства, Максим поднялся наверх.

От всего пережитого кружилась голова. Не хотелось ни есть, ни пить, даже двигаться и думать удавалось с трудом.

На улице шел моросящий дождь. Окрестные руины вздымались к хмурым небесам серыми, унылыми, иззубренными громадами. Кое-где целые этажи зданий были искажены, словно их материал на доли секунд размягчился и тут же застыл.

Вдалеке мятущимися отсветами мельтешили вспышки.

– Это боевые группы Ковчега с механоидами возле плотины схлестнулись, – прозвучал рядом чей-то голос. – С самого утра бой идет.

Максим обернулся. Рядом стоял сталкер. Это было понятно сразу, удобная, не стесняющая движений экипировка не так плотно облегала лицо и тело.

– Новенький?

Максим кивнул.

– Не робей. Притрешься. Будешь исправно добычу приносить, торговец тебя отпустит. Я тоже когда-то мотыльком начинал.

– И как?

Сталкер лишь пожал плечами, усмехнувшись.

– По-разному. Тут что ни день, то сюрприз. Всего не упомнишь и не расскажешь.

– А Ковчег? Это кто?

– Группировка такая. Академгородок держит. Хистер у них за главного. Только ты туда не лезь. С нашим мнемотехником уже познакомился?

– С хромым?

– Ну, да. Пингвином его кличут, – наставительно произнес сталкер. –

Так вот, он когда-то в Ковчеге обретался. Сволочь, конечно, еще та, но до хистеровских отморозков ему далеко. Если сравнивать, то Пингвин считай что добряк. Они там опыты над людьми ставят. Хистер завоеванием Пятизонья все грезит, мечтает универсального солдата создать. Ну, типа сталтеха, только чтоб ему, а не техносу подчинялся. Так что с егерями будь поосторожнее, если не хочешь прямиком на операционный стол попасть.

Нельзя сказать, что короткий разговор с вольным сталкером воодушевил Максима. Единственное, что он понял наверняка: выжить будет сложно, а вырваться из рабской зависимости еще труднее.

Он хотел подробнее расспросить о механоидах, но сталкер уже куда-то ушел. Зато двое мотыльков, как и он, полностью герметично упакованных, вытаскивали из подвала что-то мягкое, тяжелое, обернутое в черный полиэтилен, подозрительно похожее на человеческое тело.

Внезапный порыв ветра отвернул край черного шуршащего материала, и Макс вдруг увидел перекошенное, посиневшее лицо того самого вербовщика.

Его язык был прикушен, глаза выкатились из орбит.

– Что с ним? – сглотнув, выдавил Максим.

– Сердечко не выдержало. У мнемотехника на приеме загнулся, – глухо ответил один из мотыльков.

Максим отвернулся.

Вот так, меньше чем за сутки, круто и необратимо меняется жизнь…

* * *

Новосибирская зона отчужденных пространств

Первая ночь, проведенная в лагере мотыльков, неожиданно стала для Макса тяжелейшим испытанием.

Казалось бы, жизнь среди руин мегаполиса приучила его к лишениям, ограничила круг интересов и потребностей – чего желать недавнему бродяге, когда есть крыша над головой, еда, возможность выспаться в тепле, под защитой надежных, толстых стен, не вздрагивая от каждого шороха?

Действительно, стены подвала создавали некоторую иллюзию защищенности, внутри тускло горели несколько лампочек, сухое тепло подавалось в помещение через систему принудительной вентиляции, жесткие койки стояли с интервалом в три-четыре метра одна от другой, отгороженные кусками плотной материи, свисающими с потолка.

Сон не шел.

Глухие голоса обитателей герметичного убежища сливались в

монотонный, лишенный смысла гул. Максим не понимал и половины терминов сталкерского жаргона. Некоторое время он прислушивался, затем бросил, погрузившись в собственные мысли.

Рука отчаянно зудела. В районе запястья, где притаилось металлизированное пятнышко, ощущался жар, хотя вечером он побывал у Пингвина, пройдя процедуру облучения.

Максим долго лежал, глядя в шероховатый, потемневший от времени бетонный потолок, следя взглядом за замысловатыми узорами покрывающих его микроскопических трещинок.

Наконец шум голосов постепенно начал стихать, но воцарившаяся тишина не принесла покоя. Стало еще тревожнее, будто странный, жутковатый, запечатленный в сознании лишь фрагментами мир, простирающийся за стенами подвала, притаился в ожидании какого-то страшного события, которое непременно заденет и его.

Максим, кряхтя, встал.

Жизнь в руинах мегаполиса научила его многому, в том числе выработала звериное чутье на опасность, но здесь она сочилась отовсюду! «Толстые стены, массивные двери – это лишь иллюзия защищенности», – шептал внезапно очнувшийся внутренний голос.

Какой тут сон? Глаза закрываешь, и воображение, словно сорвавшись с привязи, лихорадочно рисует картины одна страшнее другой. То грезится объятая сполохами молний подстанция в Сосновом Бору, то лицо вербовщика, имени которого он так и не узнал, перекошенное, посиневшее, искаженное внезапной агонией, то вообще начинает грезиться всякая чушь – огромные металлические монстры, тянущие к нему свои цепкие лапы-манипуляторы, норовя ухватить за горло…

Злясь на самого себя Максим, пересек подвал, направляясь к выходу.

В смежном помещении, похожем на длинный узкий тамбур, вдоль стен выстроились пластиковые шкафчики с экипировкой. Он отыскал табличку со своим именем и начал надевать защитный костюм, состоящий из десятка отдельных элементов, плотно облегающих тело, стыкующихся внахлест, материал защитной оболочки тут же слипался, образуя герметичные швы.

– Наружу собрался? – раздался голос из глубины полутемного помещения.

Максим вздрогнул, обернулся.

У выхода за небольшим столом сидел сталкер. Перед ним был развернут нанокомп, на небольшом экране, спроецированном на поверхность стены, появлялись и исчезали строки каких-то сообщений.

– Оружие не забудь. – Сталкер, похоже, не собирался препятствовать Максиму. – На, возьми. – Он протянул ему небольшой чип. – К виску прижми, сам прилипнет.

– Что это?

– Мью-фон. Устройство связи.

– Он тоже из этих… скоргов состоит?

– А кто его знает? – пожал плечами сталкер. – Говорят, мью-фонную связь разрабатывали военные. Новое поколение коммуникаторов для специального применения. Есть там внутри скорги или нет – понятия не имею. Но чип безопасен, проверено. Мне такой же вживлен прямо под кожу. – Он машинально коснулся правого виска. – И ничего, жив, как видишь.

Максим с опаской взял чип, некоторое время грел его между пальцами, затем резким отчаянным движением прижал к виску.

Сначала он ничего не почувствовал, лишь через несколько секунд кольнуло, как иголочками, и все – небольшое устройство действительно плотно прилипло к коже.

– Держи. – Сталкер протянул ему короткоствольный импульсный автомат. – Обращаться умеешь?

– Умею, – солгал Максим. На самом деле импульсное оружие он вообще впервые держал в руках. До этого пользовался только огнестрельным, но дают – бери. Там разберусь, мысленно решил он, лихорадочно желая лишь одного – выйти наружу. Что он станет делать ночью один среди руин незнакомого города, сейчас не важно. Подвал казался ему ловушкой, в которой ждала скорая, неотвратимая смерть. Что-то гнало на улицу, и он не стал противиться интуитивному порыву.

– Сдашь, когда вернешься. – Сталкер подмигнул ему. – Не робей.

Максим ничего не ответил. Натянув на лицо защитную маску с дыхательным аппаратом, он шагнул по направлению двери. Сухо щелкнули электрозамки, и тяжелая преграда сдвинулась вбок, открывая доступ в тесный шлюз.

Еще минута, и он вышел наружу.

Внутренний дворик лагеря, огороженный символическим периметром бетонных блоков, тонул во мраке. Ни одного огня, выдающего, что тут кто-то живет.

Максим кое-как сориентировался, элементы примитивных сканирующих систем, встроенные в экипировку, включились автоматически, выданные ему темные очки, оказывается, работали как проекционный стереоэкран, и мир вокруг внезапно стал чуть светлее, на

фоне сумрака четче выделились контуры предметов и зданий.

Ага, выход из лагеря. Он заметил разрыв в сплошной стене бетонных блоков, затем, подняв голову, осмотрел окрестные руины, с удивлением отметив, что на них проецируются контуры нескольких человеческих фигур.

Дежурная смена снайперов и наблюдателей, – услужливо подсказала информационная строка.

На него опять не обратили внимания. Ни окрика, ни вопроса, ни попытки задержать.

В ту ночь это показалось удивительным, но позже, уже освоившись в аномальных пространствах, Максим понял – здесь каждый выбирает собственный способ свести счеты с жизнью. Никто не станет останавливать новичка или мешать ему. Это как в природе: упал в воду – либо тони, либо плыви. Третьего не дано.

Удалившись от лагеря метров на сто, он свернул из пространства похожей на ущелье улицы в руины многоэтажного здания.

Ночь плескалась вокруг до странного тихая, теплая, несмотря на начало зимы. Небо над головой отражало сполохи света: где-то невдалеке шел бой, и по серому подбрюшью напитанных влагой облаков скользили отсветы, отражаясь в лужах талой воды мертвенными сполохами.

Максим не знал, куда и зачем идет.

Ему хотелось забраться повыше, увидеть город, вернее, то, что от него осталось, понять: куда же его занесло злым капризом судьбы?

Он начал подниматься по лестнице. Бетонные ступени кое-где треснули, выкрошились, некоторые пролеты держались лишь на ржавых прутьях обнажившейся арматуры, восхождение к верхним этажам попахивало безумием, но Максим непременно хотел подняться на самый верхний этаж и осмотреться…

Что толку сидеть в подвале или вжиматься в стену, спрятавшись в проулке руин, когда запястье горит огнем, мысли пылают жуткими предчувствиями, которые, как он понял, можно подавить только одним способом – взглянуть в глаза этому миру, двигаться, идти по самому краю пропасти, чтобы не оставалось ни времени, ни сил на мысленные стенания. Как только он начинал думать о серебристом пятнышке на запястье, так перед внутренним взором сразу же возникало перекошенное, посиневшее лицо вербовщика, его прикушенный, вывалившийся изо рта язык…

Максим не хотел умереть столь же беспомощно и отвратительно.

* * *

Этаж за этажом он поднимался все выше.

Ноги гудели от непривычных физических усилий, сердце молотилось в груди, несколько раз ему приходилось перепрыгивать через зияющие провалы, где часть лестничных маршей обрушилась вниз. О том, как он будет спускаться, Максим пока не думал, и без того переживаний хватало с избытком.

Снизу, из ущелья улицы, дом казался невысоким, а на самом деле он насчитал уже семь пройденных этажей. Здание, накрененное, полуразрушенное, но непонятным образом устоявшее во время Катастрофы, господствовало над целым кварталом руин.

Наконец он выбрался на открытую всем ветрам площадку, окруженную огрызками искаженных стен. Дальше пути не было. Кое-где еще сохранились перекошенные оконные проемы, над головой, заслоняя часть неба, нависала прогнувшаяся, частично обрушившаяся плита бетонного перекрытия.

Он встал на четвереньки, чтобы порыв ветра не сбросил его вниз, добрался до ближайшего оконного проема и взглянул на город.

Панорама руин, открывшаяся взгляду, потрясла воображение Максима.

Ночь плескалась множеством красок. Кое-где пылали пожары, внизу среди коробок обвалившихся зданий мелькали тени, на проекционном забрале шлема то и дело возникали странные, с точки зрения неподготовленного наблюдателя, фигуры различных механических исчадий. Если присмотреться, то в них еще можно было узнать некоторые хорошо знакомые из прошлой жизни машины, действующие теперь сами по себе…

Картина увиденного поначалу не нашла адекватного отклика в сознании.

Каждая деталь казалась незнакомой, пугающей, панорама распластавшегося внизу города, затянутого тугими петлями дорог, вызывала ощущение, что ты попал в другой мир, параллельную вселенную…

С высоты жилой многоэтажки открывался вид на широкий проспект. По правой стороне, почти касаясь стен полуразрушенных зданий, катились пять или шесть шипастых шаров, то и дело огрызающихся разрядами когерентного излучения.

Сдавленно пискнул сигнал одной из подсистем, встроенных в экипировку. Перед глазами тут же спроецировалось оперативное окно, в котором возникла трехмерная модель такого же утыканного длинными

иглами шарообразного механизма.

Мигающая надпись гласила:

Объект: «Перекати-зона». Механоид семейства примитивов. Вооружение – четыре лазерных излучателя, одно импульсное орудие. Преобразованный техносом охранный бот.

Максим некоторое время наблюдал за шипастыми шарами, не понимая, с кем они вступили в схватку, пока вдалеке, почти на пределе видимости, не возникли еще более странные и грозные контуры. Два механизма, отдаленно похожие на облитые серебром танки, медленно двигались через руины, проламывая широкие проходы в иззубренных стенах, изредка начиная вести огонь вдоль проспекта, за ними следовали три образчика бывшей строительной техники – два бульдозера и экскаватор.

Поначалу Максиму показалось, что он видит дурной сон.

Не верилось, что устаревшая строительная техника и танки образца прошлого века – и есть те самые механоиды, загадочные порождения техноса.

Иное восприятие пришло после внезапного, сокрушительного удара, нанесенного «бронезаврами» (так классифицировала механических исчадий система распознавания целей) по нескольким движущимся вдоль проспекта «примитивам».

Нестерпимо яркий волдырь плазмы, вспухший посреди проспекта, на миг ослепил Максима.

Он невольно отшатнулся от оконного проема, некоторое время сидел, дожидаясь, пока перед глазами перестанут мельтешить огненные круги, а когда выглянул вновь, то увидел лишь истекающую жаром остекленевшую воронку да обломки шипастых механизмов, превратившиеся в груды оплавленного, потерявшего форму металла, – их размягчило энергией взрыва, ударило о стены зданий и размазало по ним!.. Некоторое время Максим наблюдал, как в лужах серебристого расплава тонут отдельные детали уничтоженных плазменной вспышкой механизмов, затем его внимание переключилось на бронированных монстров. Два бронезавра в сопровождении трех строительных механизмов свернули в сторону, проламывая себе путь через руины разрушенного почти до основания квартала. Их путь лежал к серебристым зарослям металлорастений. Автоны (так назывались эти странные образчики техноса) густо проросли на оплывших холмах строительного мусора. Их металлические ветви, не гнущиеся под порывами ветра, щедро сыпали искрами, казалось, что цепь оплывших возвышенностей буквально напитана какой-то энергией.

Крупные техномонстры, уничтожившие пытавшихся встать на их пути конкурентов, медленно вползли в границы очерченного сполохами статики энергетического поля и застыли. Их омывали волны зеленоватого сияния, по серебристой, покрытой наростами броне змеились разряды микроскопических молний, но механоиды воспринимали эти явления, как должное, они словно купались в разрядах энергии, Максиму почудилось, что в поведении исчадий техноса есть что-то природное, стихийное, схожее с поведением стада крупных животных, добравшихся в период засухи до источника воды…

Устав наблюдать за бронезаврами, он присел, привалившись спиной к огрызку стены.

Хотелось закурить, но нельзя снимать защитную дыхательную маску.

Противоположную стену этажа снесло до основания каким-то давним взрывом, и Максим, все еще находясь под впечатлением увиденного, некоторое время просто смотрел в ночь, затем он внезапно ощутил беспокойство, привстал, вновь выглянув в окно, но в границах проспекта и прилегающих к нему кварталов не происходило ничего нового.

Ощущение опасности стало острее.

Он вдруг поддался панике, лихорадочно пытаясь сообразить: что же так сильно давит на психику?

Снова взглянув в ту сторону, где полностью отсутствовала стена верхнего этажа, он заметил в темном ночном небе несколько полос зеленоватого мерцания.

Холодный неживой свет переливался над землей, постепенно выдавливая из мрака контур исполинского вихря, точно так же, как и в Сосновом Бору, царящего над отчужденным пространством.

Сияние становилось все ярче, по периметру мутной, медленно вращающейся воронки уплотненного воздуха внезапно начали бить изломанные высоковольтные разряды, словно молнии окольцовывали вихрь, сжимая его энергетическими оковами.

Чип мью-фона, о котором Максим уже успел позабыть, внезапно заработал:

– Всем сталкерам! Видны признаки пульсации! Ищите укрытия!

Максим растерялся.

Он мгновенно вспомнил то немногое, что успели ему рассказать в лагере мотыльков. Пульсация загадочного Узла – самое страшное, катастрофическое явление отчужденных пространств. Если ты вовремя не нашел укрытия, не затаился где-нибудь в подвале, последствия наступят непредсказуемые.

Спускаться долго. Не успею, – лихорадочно подумал Максим. Он запомнил, что между первыми признаками и самой пульсацией проходит, как правило, не больше двух-трех минут.

Единственное, что он мог предпринять, – это спуститься хотя бы на один-два этажа и затаиться в глубине разгромленных квартир, в надежде что вал аномальной энергии минует его…

* * *

Бегом спустившись по пролетам уцелевших лестничных маршей, он оказался на площадке шестого этажа. Выбитые двери квартир приглашали войти, и он метнулся внутрь одной из них.

Как назло, окно комнаты выходило в сторону Академгородка, где пульсировал чудовищно распухший вихрь.

Максим подался назад, но было поздно.

Небо от горизонта до горизонта вдруг озарилось вспышкой ядовито-зеленого света, исполинский конус уплотненного воздуха словно взорвался, вздымая тучи пепла и пыли, от него во все стороны устремились клубящиеся выбросы, а вслед им ударил ясно различимый, движущийся вдоль земли кольцевой вал искажения.

Максим замер, пораженный увиденным, не в силах даже шевельнуться.

Волны зеленоватого мерцания скользили вдоль земли, они двигались медленно, неторопливо, но сила их сокрушительного воздействия переображала кварталы руин, отдельные уцелевшие здания вдруг начинали менять форму, словно состояли не из стали и бетона, а из мягкой податливой глины, попавшей в руки незримого скульптора…

Первая кольцевая волна приближалась, за ней виднелась вторая, третья, а в небе над разрушенным городом вдруг начали происходить еще более страшные, катастрофические явления: среди сумрака, высоко над землей, возникали ослепительные точки, мгновенно превращающиеся в лучевидные разряды все того же холодного, зеленоватого света.

Максим сжался в ожидании неотвратимой гибели. Его обуял не страх, а чувство непонятной, противоречащей инстинкту самосохранения эйфории, губительного фатализма. Все происходящее вокруг выходило далеко за рамки понимания, сердце замедлило темп ударов, в ушах возник гул, ноги подкосились, он рухнул на колени, но так и не сумел отвести взгляд от сводящих с ума, фантастически красивых, несущих зловещую мощь явлений.

Точки ослепительного света взрывались, превращаясь в лучи, бьющие

в произвольных направлениях, через секунду они гасли, оставляя в воздухе полосы слабого, постепенно затухающего мерцания.

Один из таких разрядов ударил в здание, где находился Максим. Ему повезло: луч вонзился в строение где-то на уровне третьего или четвертого этажа, пол под ним вздрогнул, затем раздался оглушительный скрежет, хруст, следом ударил взрыв, выметнувший наружу облако пыли и мелких обломков.

Несколько секунд все вокруг ходило ходуном, по стенам бежали трещины, перекрытие над головой разломилось, издавая звон лопающейся арматуры, на Максима посыпался бетонный щебень, но это было лишь началом: он едва пришел в себя после удара стреловидного разряда, как до здания докатилась первая кольцевая волна искажений.

Его ощущения трудно описать. Что должен чувствовать человек, находясь на высоте шестого этажа, когда строение вдруг превращается в мягкую, податливую массу? Нижняя часть постройки внезапно утратила прочность и начала угрожающе проседать, затем вновь раздался ужасающий треск и… все застыло, стихло, замерло…

Максим, сжавшийся в комок, запорошенный бетонной пылью, простившийся с жизнью, некоторое время лежал на полу, не смея пошевелиться.

После грохота и скрежета его внезапно окутала вязкая тишина, в которой слышался лишь отдаленный перестук падающих с большой высоты камешков.

Он открыл глаза.

Произошедшее с ним было похоже на смерть и внезапное возрождение. Таких сильных, шоковых, противоречащих друг другу эмоций он не испытывал никогда. Все, что происходило с ним прежде, мгновенно поблекло, превратившись в тусклые, ничего не значащие воспоминания о какой-то прошлой, серой, обыденной жизни.

Пульсация, продолжавшаяся несколько секунд, каким-то чудом минула его в физическом смысле, но в моральном Максим получил по полной программе. Поднявшийся с пола человек был уже не тем бродягой, что тупо и безразлично относился к собственной судьбе, покорно принимая силу сложившихся обстоятельств.

Пульсация не сделала его храбрецом, не наделила каким-то чудесными способностями – она обожгла, затронув глубины сознания, – он испытал столь всеобъемлющий ужас, такое неистовое желание жить, что вернуться в прежнее состояние уже не мог.

Перед глазами еще стыли холодные росчерки зеленоватого света, а он,

кое-как встав на ноги, машинально осмотрелся, впитывая все новые и новые ощущения, словно пульсация породнила его с аномальным пространством, вдохнула в Максима иную сущность… а может быть, она сожгла кокон безразличия, конформизма, уничтожила тысячи мелких страхов, бывших стенами узилища для надломленного катастрофой сознания?

Напряженная, не предрекающая ничего доброго тишина окутала руины города.

Постепенно поднимался ветер. Здание уже не вибрировало, оно устояло, вобрав новую порцию искажений. Максим взглянул на потолок, изогнутый плавной синусоидой, еще раз остро осознавая, как близко прошла от него смерть.

Что же дальше?

Он растерялся. Вполне понятное состояние, ведь опыта выживания в аномальном пространстве у него не было вообще. Что делать? Куда идти? Выбираться из здания или еще немного переждать?

Шагнув к окну, он выглянул наружу.

Плавно изогнутая стена обрывалась пропастью. Внизу, среди вздыбленного ландшафта, отчетливо виднелись новые разрушения, возникшие под воздействием титанической энергии пульсации, – во многих местах истекали жаром огромные воронки, из руин высачивались сотни дымов, ветер, набрав порывистую силу урагана, сминал тучи пепла и пыли, размазывая их вдоль земли.

Максим смотрел на панораму руин, одной рукой вцепившись в оконный проем, в другой сжимая оружие. Его взгляд стал более осмысленным, исчезла поволока мелких страхов, во взгляде читалась искорка здорового любопытства.

Красноватое свечение заставило его обратить внимание на изменившуюся стену дома.

На уровне третьего этажа, примерно там, куда угодил лучевидный разряд холодного зеленоватого света, зиял огромный пролом. Изнутри сочился жар, но что являлось его источником, оставалось загадкой. Физика аномальных процессов была непостижима, но воспринимать реальность можно по-разному. Максим уже понял, что в большинстве случаев придется довольствоваться констатацией фактов, и это вполне устраивало его. Ломать голову над природой явлений – удел ученых.

Чувствуя, что ураганные порывы ветра только усиливаются, он отошел от окна.

Здание начало мелко подрагивать, вибрируя под напором

разбушевавшейся стихии.

Выбравшись на лестничную площадку, он решил спускаться, еще не подозревая, что оказался в уникальной ситуации – поймать первые минуты после пульсации мечтает каждый сталкер, но, сидя глубоко под землей, в убежищах, трудно определить, что очередной катаклизм завершился и можно выходить наружу. Дело в том, что пульсация перемещает между отчужденными пространствами миллионы тонн вещества. Огромное количество предметов, механоидов, не успевших найти укрытие сталкеров, тонны мусора, обломки зданий – все это причудливо разбросано по округе, вкраплено в земную поверхность, совмещено с изувеченными зданиями. Исчадия техноса и колонии скоргов после удара аномальной энергии находятся в состоянии временного сбоя, они неспособны нападать или оказывать сопротивление.

Максим спускался по искаженным ступеням, не понимая, что вокруг простирается настоящий Клондайк, который исчезнет спустя десять-пятнадцать минут.

На лестничной площадке третьего этажа ощущался жар.

Стену одной из квартир вспучило волдырем, в бетон, растрескавшийся от высокой температуры, были невероятным образом вкраплены различные, наполовину расплавившиеся детали незнакомых Максиму механизмов.

Интересно, что же там внутри?!

Он ошарашенно посмотрел на стену, затем перевел взгляд на перекошенный дверной проем и внезапно решился войти.

Сразу за порогом пол обрывался, участок перекрытия между этажами испарился, огромная дыра светилась по краям тонкими ниточками раскаленной арматуры.

В сумраке, сразу за провалом, что-то тускло отблескивало. Максим, охваченный внезапным губительным азартом, прикинул ширину пролома, отступил на несколько шагов и, коротко разбежавшись, перепрыгнул его.

Несколько секунд он стоял, вжавшись в горячую стену, затем осторожно, мелкими приставными шагами прошел по узкому карнизу и, наконец, оказался в следующем помещении.

Картина, открывшаяся взгляду, потрясла Максима до глубины души. В первый момент он инстинктивно отшатнулся, но вовремя вспомнил, что позади него огромная дыра.

Прямо перед ним в пространстве комнаты застыл механоид. Сила пульсации захватила исчадие техноса где-то в другом регионе Пятизонья и принесла сюда. По стечению обстоятельств в момент материализации

механическая тварь оказалась совмещенной со стеной здания, что и вызвало взрыв.

Механоид выглядел огромным и устрашающим, но, присмотревшись, Максим понял, что перед ним лишь небольшой фрагмент техномонстра – остальное попросту испарилось вместе со стенами и частью межэтажного перекрытия.

Подойдя ближе, он некоторое время всматривался в наплывы серебристого материала, пытаясь угадать, что же послужило исходным носителем, на основе которого скорги сформировали гигантского обитателя аномальных пространств.

Узнать это так и не удалось. Искореженный фрагмент, занимавший всю комнату, внедрившийся в выпученные наружу стены прожилками серебра, все же являлся лишь ничтожно малой частью какого-то огромного, уже не поддающегося точной идентификации механизма.

Осматривая его, Максим обратил внимание на множество различных устройств, расположенных за взломанной броней, в нескольких внутренних отсеках техномонстра.

Преодолевая понятную робость, он подошел вплотную к обломку, затем, стараясь не порвать экипировку об острые края развороченной обшивки, заглянул внутрь. Не зная названий различных техноартефактов, он брал их наугад, сортируя по критерию доступности. Те, что отделялись легко и весили немного, он спешно укладывал в специальный рюкзак, являвшийся частью выданного ему снаряжения, те, что не хотели отсоединяться или весили слишком много, он оставлял на месте, надеясь вернуться за ними позже.

Им внезапно овладел азарт.

Доверху набив рюкзак, он отделил еще несколько узлов механоида, но, в конечном счете, все же не стал их забирать, а положил на пол.

Два огромных импульсных орудия, торчащих в разные стороны, он даже не тронул. Они весили по нескольку центнеров каждое, и, чтобы извлечь их из механоида, нужен по меньшей мере подъемный кран…

Максим действовал быстро, в лихорадочном возбуждении. Набив рюкзак, поборов в себе желание утащить побольше, он сделал короткую передышку, чувствуя, как пот струится по спине.

Ощущения били через край. Говорят – новичкам везет. Он то и дело поглядывал на обломок исчадия техноса, не уставая поражаться его размерам. Надо же… Трудно представить: смог бы человек противостоять такому механическому чудовищу? Наверное, нет. Максим отдышался, поднял рюкзак, прикидывая его вес, затем, изловчившись, швырнул добычу

через пролом.

Прежде чем прыгать самому, он обернулся.

По изломанному, смятому, еще источающему жар обломку змеились искажения. Серебристый материал как будто плавился: прямо на глазах появлялись сотни локальных очагов, где металл по непонятной причине становился мягким, его вспучивало волдырями, замысловато закручивало, словно миллиарды мельчайших металлизированных частичек вдруг отделились друг от друга и теперь перестраивались, пытаясь создать какую-то новую конфигурацию…

Скорги… – Максима передернуло. – *Нужно убираться отсюда, чем скорее, тем лучше!..*

Увиденное придало сил, он без особого трепета перепрыгнул зияющую дыру и вновь оказался на лестничной площадке. Оружие он закинул за спину, затем опасливо подошел к рюкзаку с добычей, который скатился вниз по ступеням.

А что, если собранные им техноартефакты уже превратились в лужицы серебристого расплава?

Он заглянул внутрь.

Нет, вроде все нормально. Потуже затянув горловину, он повесил рюкзак на плечо и начал торопливо спускаться.

* * *

Свою первую вылазку Максим запомнил навсегда – необычайная удача и огромная добыча сразу же выделили его среди других молодых старателей – он получил от торговца новую, более удобную и прочную экипировку, да и его авторитет поднялся с нулевой отметки, теперь уже ни Пингвин, ни охранники из числа наиболее жестоких, озверевших сталкеров не повышали на него голос.

От здания, где его настигла пульсация, до лагеря мотыльков было всего несколько сот метров. Максиму действительно крупно повезло в первой вылазке. Сколько он ни пытался в последующем повторить трюк с пульсацией, ничего не получалось. Во-первых, он уже знал, с какими разрушительными явлениями ему придется столкнуться, и еще раз встретить катаклизм на поверхности Максим так и не решился, а выходя раньше других из убежища, он успевал подобрать лишь что-то по мелочи, не более. Во-вторых, скорги очень быстро восстанавливали функциональность, а неразумный риск – отличительная черта мертвых сталкеров – эту нехитрую истину Максим усвоил достаточно быстро.

Здание, в котором он пережил удар пульсации, превратилось в

огромную коварную ловушку. Скорги оккупировали его, они распространились по всем помещениям от верхних этажей до подвала – уже на следующее утро многоэтажка серебрилась молодой порослью металлорастений, но несколько сталкеров, внимательно выслушав рассказ Максима, все же рискнули проникнуть внутрь, в надежде что выжившая колония скоргов трансформировалась в металлорастения и не причинит им вреда. Они хотели исследовать обломок техномонстра или хотя бы выяснить, осталось ли от него хоть что-то, но их вылазка закончилась трагически – ни один так и не вернулся назад, хотя в здании не было слышно ни выстрелов, ни криков. Группа отлично экипированных, опытных сталкеров просто исчезла, как в воду канула.

С тех пор за зданием закрепилась дурная слава гиблого места, а заодно к нему прилипло название – Адский Клондайк.

Впрочем, через несколько месяцев Максиму довелось еще раз побывать в оплетенной автонами высотке, но уже при других обстоятельствах.

Глава 2

Руины Новосибирска. Два месяца спустя…

Редко кому из мотыльков удавалось продержаться в Пятизонье больше месяца – неимплантированные старатели либо погибали, либо решались на вживление необходимых устройств, переходя в когорту вольных сталкеров-одиночек.

Макс и тут стал исключением из правила. Некоторые считали его отчаянным храбрецом, другие – трусом.

Удивительно, но он сочетал в себе оба эти качества. Отчаянно рискуя при каждой вылазке, он так же отчаянно боялся инфицирования скоргами. То серебристое пятнышко на запястье, которое держало его в рабской зависимости у Греха и Пингвина, не разрасталось, напротив, оно потускнело, въевшись в кожу, и больше не беспокоило фантомными ощущениями жжения. Максим каждый вечер исправно ходил на прием к мнемотехнику, мысленно обещая себе убить Пингвина, как только… Дальше мысль начинала буксовать. Он чувствовал, что движется по замкнутому кругу.

Имплантация.

От самого термина Максима бросало в дрожь. Он не доверял Пингвину, сомневался в его способностях, и даже пример других мотыльков, которым тот успешно вживил метаболические импланты, выращенные из колоний скоргов, не убеждал Максима.

Шел день за днем. Выживать становилось все труднее. Окрестности лагеря техноартефактами не изобиловали, а удаляясь на два-три километра, Максим каждый раз рисковал пропустить обязательный ежедневный сеанс облучения.

Он то проклинал себя за нерешительность, то тупо злился на Греха и его приспешников, эксплуатирующих нехитрую схему сверхдоходного бизнеса. Жизнь мотылька ничего не стоила. Один самый захудалый техноартефакт с лихвой окупал все затраты на транспортировку потенциального сталкера через Барьер, его экипировку и проживание в герметичных убежищах.

Если бы не серебристое пятнышко на запястье, Максим давно бы ушел в руины, став вольным, но рабская зависимость, завязанная на инстинктивном страхе перед неконтролируемым размножением скоргов, каждый раз заставляла одуматься, снова и снова рисковать, доказывая свою

«ценность».

…Сегодня Максим вышел пораньше. В сумерках еще клубился туман, когда он обошел стороной памятную многоэтажку. Адский Клондайк за последние несколько недель погубил уже с десяток искателей легкой наживы. Здание, оккупированное скоргами, действительно таило немало техноартефактов – исследуя его в бинокль сквозь проломы в стенах, можно было с легкостью разглядеть, как на втором и третьем этажах среди серебрящейся паутины распластанных по стенам металлорастений скорги выращивают различные узлы и агрегаты. Кажется, только войди, протяни руку, и богатство само упадет в твои ладони.

Ага… Максим неприязненно покосился на здание, с которым были связаны самые страшные минуты его недолгого триумфа. В последний раз рассматривая Клондайк, он заметил троих сталтехов, накрепко пришпиленных к стенам впившимися в них побегами автонов. Лица бедолаг посинели, плоть уже начала отслаиваться от металлизированных черепов, но в оптику еще можно было узнать, кто именно попался в огромную ловушку. Всех троих Максим мельком видел в лагере, только имен и позывных не знал. Какая-то залетная группа, временно остановившаяся у Греха. Слухи о Клондайке распространялись быстро, и находилось достаточно рисковых ребят, кто был не прочь испытать удачу.

Теперь их удел – бродить по Пятизонью, став исчадиями техноса.

Максим пробирался через руины в туманном мареве занимающегося рассвета. Он постоянно контролировал окружающую обстановку, подмечая множество мелких деталей.

Справа серебрились заросли автонов. Накануне их еще не было. Через проспект у перекрестка протянулась свежая цепочка воронок – ночью, ворочаясь с боку на бок, он слышал звуки боя между механоидами, не поделившими тропу, ведущую к ближайшему энергополю.

Дрожь медленно ползла вдоль спины.

Он остановился, словно зверь, внимая мгновенно обострившемуся восприятию.

Здесь все построено на контрастах, а чувства не допускают полутонов. Любое впечатление, будь то торжество одержанной победы либо смертельная опасность, проходят на волне крайнего нервного возбуждения, потому и приобретенный опыт отпечатывается в сознании раз и навсегда.

Максим покинул лагерь раньше других, в надежде что на проспекте после ночного столкновения механоидов еще никто не побывал.

Сканеры экипировки работали со сбоями. Обилие металла мешало

восприятию. С имплантами, наверное, куда проще. Они мощнее стандартных сканеров, да и информацию передают непосредственно в рассудок, не надо ловить строки сообщений на проекционном забрале, отвлекаясь, когда каждое мгновенье может стоить жизни.

Думая о неизбежной имплантации, Максим почему-то сразу же представлял образ сталтеха. Как заклинило. Страх перед неконтролируемым размножением скоргов подступал к горлу, мешая дышать, мысли вдруг начинали путаться, и в такие минуты он ничего не мог поделать с собой. Знал, что рискует подцепить проказу зоны в любой из вылазок, мучился, тщательно подавляя гнев и отвращение при ежедневных посещениях лаборатории Пингвина, но принять волевое, осмысленное решение о добровольной имплантации до сих пор так и не отважился.

Пингвин лишь мерзко ухмылялся, глядя на его муки, торговцу и его банде было все равно – Максим давно уже окупил вложенные в него деньги и теперь приносил чистую прибыль. Выживет в очередной вылазке – хорошо. Погибнет, сгинет среди кишащих механоидами руин – особо горевать никто не станет. Найдутся другие, кто займет место погибшего мотылька.

Так и тянулись дни.

Максим короткой перебежкой пересек проспект, вжался в стену здания.

За цепочкой воронок в текучем мареве тумана сканеры фиксировали затухающую сигнатуру.

Подбитый механоид. Точно…

Максим осторожно двинулся вдоль стены. Железное правило: с одной стороны всегда лучше иметь надежную преграду. Он и так контролировал одновременно три направления, успевая осматривать тыл, постройки, расположенные по другую сторону улицы, слева от него, и при этом постоянно удерживал в центре внимания зафиксированное сканерами пятно слабой энергетической активности, расположенное впереди, по ходу движения.

Каждый нерв натянут в струну.

Тишина ватная.

Воронки, наискось перепахавшие проспект, вздыбившие старый асфальт, кое-где выбившие из-под земли ржавые трубы коммуникаций, уже не дымились.

Максим присел под защитой оползня битого кирпича, протянувшегося от бреши в стене здания до середины проспекта, и вытянул шею, стараясь

рассмотреть: что же там отсвечивает?

Подбитого примитива он заметил не сразу. Слабый сигнал, исходящий от энергосистем механоида, стушевывался старыми корпусами ржавеющих у перекрестка машин, по какой-то причине не захваченных скоргами и оставшихся там, где их настиг удар Катастрофы.

Максим не спешил покинуть укрытие. Фокусируя сканирующие устройства, он постепенно выделил контур опрокинутого набок, изрешеченного снарядами механоида. Его основу составлял примитивный механизм, из тех, что предназначены для ремонта дорожного покрытия улиц. Маленький, верткий, оснащенный устройством резки асфальта, расположенным за кабиной, и небольшим бульдозерным ножом впереди.

Скорги, захватившие его в качестве носителя, существенно модернизировали и усложнили устройство мини-трактора, теперь по бокам кабины выступали два лазерных излучателя, навесное устройство для резки асфальта превратилось в грозное оружие ближнего боя, скошенный бульдозерный нож был усеян острыми шипами, способными при столкновении пробить корпус другого механоида.

Максим медленно двинулся вперед.

Компьютерная схема его не устраивала. Нужно взглянуть собственными глазами, понять, что за повреждения получил механоид.

Вскарабкавшись на гору битого кирпича, он залег. Теперь в разрывах тающих полос тумана ему был виден корпус примитива. Опрокинувшийся набок механоид получил несколько снарядов в борт, один из армганов[7] снесло начисто, второй, похоже, уцелел, но добраться до него будет нелегко, приподнять в одиночку тяжеленного техномонстра нереально, а делать подкоп долго. Что в остатке? Сканеры фиксируют «Сердце зверя» – компактный накопитель энергии. Уже удача. Внутри развороченной снарядами кабины отблескивают непонятные устройства – наверняка элементы выращенного скоргами бортового компьютера. Обычно среди них попадается немало ценного: чипы мью-фонов, блоки памяти, процессоры, которые особо ценятся мнемотехниками.

В общем, есть смысл рискнуть.

Максим привстал, собираясь короткой перебежкой добраться до механоида, как вдруг со стороны Адского Клондайка раздался полный боли и невыносимой муки вопль.

В стылой тишине раннего утра крик прозвучал особенно жутко.

Следом вдруг зачастили выстрелы, затем одна за другой сверкнули две вспышки, снова раздался крик, словно внутри здания неведомые твари

рвали на части еще живого человека…

Максим застыл как вкопанный.

Ударная воздушная волна от взрывов двух гранат разметала полосы тумана, пронеслась вдоль проспекта, внезапно открыв взгляду Максима ловушку, в которую он едва не угодил. В нескольких метрах от подбитого механоида с фонарного столба, свиваясь в спирали, подергиваясь, будто живые, свисали несколько обрывков провода. Хищная колония скоргов безуспешно пыталась дотянуться до перевернутого на бок примитива, а вот человека, приблизившегося к нему, схватила бы обязательно, но это было еще не все, метрах в двадцати от перекрестка в руинах промелькнули и исчезли несколько фигур, облаченных во все черное.

Боевики Ковчега! Охотники, уничтожающие механоидов, а заодно не щадящие и сталкеров, не принадлежащих к их группировке.

Правильно все рассчитали, сволочи. Штурмовать лагерь мотыльков им не по силам, а вот подкараулить кого-то из сталкеров, используя подбитого механоида как приманку, – милое дело.

Максим понял, что его заметили, причем не сейчас, а гораздо раньше. Неожиданные события уберегли его от верной гибели – если бы не хищная колония скоргов, маскирующихся под оборванные провода, то боевики Ковчега точно пристрелили бы его, или еще хуже, взяли бы живым.

О том, что случается со сталкерами, попавшими в плен к егерям, Максим был наслышан. Их используют в качестве подопытного материала в лабораториях Хистера – лидера Ковчега, грезящего идеей создания универсального солдата.

Метнувшись назад, Максим избежал выпущенной по нему автоматной очереди – пули лишь вздыбили султаны кирпичной крошки по гребню оползня.

Быстро сориентировавшись и оценив обстановку, он понял, что дела у него – хуже некуда. Егеря разделились и уже успели обойти его с флангов, двигаясь под прикрытием руин. Открытым оставался лишь путь назад, к лагерю, мимо Адского Клондайка, внутри которого происходили какие-то странные события.

Прорвусь!..

Максим огрызнулся несколькими выстрелами по мелькнувшим среди руин фигурам, больше для острастки, надеясь привлечь внимание сталкеров, охраняющих подступы к лагерю, и что есть сил припустил назад, пока боевики Ковчега не взяли его в кольцо.

В Пятизонье несколько сот метров – уже расстояние. Два-три километра – почти дневной переход. Бывает так, что из здания в здание

пробираешься часами, особенно в разрушенных мегаполисах, где техники, захороненной в руинах, не счесть, а хищные колонии скоргов таятся повсюду, в ожидании шанса на получение носителя и дальнейшее развитие.

Пространство улиц для передвижения более удобно, но не менее коварно.

Максим, успев освоиться на небольшом пятачке отчужденных территорий, непосредственно примыкающих к лагерю мотыльков, неплохо ориентировался в окрестных руинах. По проспекту до здания Клондайка он пробежал, низко пригибаясь, петляя от одного укрытия к другому. Отсюда до лагеря метров четыреста. Как назло – путь к спасению вел через проулок. Снайперы, охраняющие периметр «Греховного Пристанища», Максима пока не видели и помочь, при всем желании, ничем не могли.

Перепрыгнув через широкий разлом, пересекающий проспект, Максим хотел нырнуть в спасительную, примыкающую к проспекту улицу, но не успел сделать и шага, как возникшая из сумрака руин фигура заставила его забыть о проверенных маршрутах, резко метнуться назад, скатиться по осыпи бетонного щебня, затаившись в нескольких шагах от подъезда зловещей высотки.

Силуэт, который он разглядел, принадлежал сталтеху.

Нет в Пятизонье противников опаснее, чем люди, инфицированные и захваченные скоргами в качестве носителей. Для обычного оружия они практически неуязвимы. Крупнокалиберный «ИПК» или армейский лазерный излучатель еще способен причинить ущерб сталтеху, а воевать против нежити с короткоствольным «Штормом» в руках – дело гиблое. Игольчатые пули только рикошетят от металлизированного эндоостова, не причиняя вреда человекоподобному исчадию.

Максим в отчаянье огляделся вокруг.

Дрожь рванула по спине. В паре метров – вход в жуткое здание, по другую сторону проспекта, в боковой улице – сталтех. Справа – боевики Ковчега, слева – полная неизвестность. Там простирались кварталы руин, богатые энергополями, эти места справедливо считались непроходимыми из-за обилия механоидов и густых зарослей металлокустарников.

Что же делать?!

Сталтехов Максим не просто боялся, они нагоняли на него мистический ужас. Сталкиваться в открытом бою с нежитью ему еще не приходилось, но различных рассказов о непобедимости и коварстве этих тварей он наслушался достаточно, да и разглядывая в бинокль металлизированные фигуры, различимые на втором этаже оплетенной автонами высотки, он испытывал лишь отвращение, его начинала колотить

нервная дрожь, стоило лишь подумать о вероятности встречи с подобным исчадием.

Все когда-нибудь случается впервые. Отчужденные пространства играют судьбами, словно кот с полузадушенной мышью, – то отпустят, дав немного пробежать, вкусить иллюзию свободы, то придушат, вмиг возвращая цену каждого вздоха, каждого удара сердца…

Максим, выбирая между боевиками Ковчега и сталтехом, мысленно решил, что уж лучше померится силами с егерями, чем стать добычей нежити.

Он лег на живот, ползком поднимаясь к гребню осыпи, по которой в панике скатился минуту назад.

Сканеры экипировки работали на пределе слабеньких возможностей. Сознание разрывалось между информацией, поступающей на проекционное забрало, которую следовало еще и осмыслить, и привычными для человека поставщиками сведений об окружающем – зрением, слухом, осязанием.

Жизнь мотылька полна неудобств, которые в критический момент оборачиваются настоящим проблемами. Без метаболического импланта, без расширителей сознания человек в Пятизонье похож на связанного по рукам и ногам смертника, брошенного в клетку с тиграми, на корм.

Максим залег на вершине оплывшей кучи гравия.

Мрачное здание Клондайка за спиной напоминало о себе на уровне подсознания, давило, источая смертельную угрозу. Крики, доносившиеся оттуда несколько минут назад, до сих пор стыли в ушах.

Он осмотрелся. Сталтех куда-то исчез, визуально путь к лагерю вновь был свободен, но Максим, помня рассказы о коварстве нежити, не обольщался. Сталтех наверняка затаился где-то поблизости. Ждет, пока я рвану.

Нет уж…

Туман окончательно рассеялся, солнце вставало над иззубренными руинами, и проспект просматривался хорошо. Егеря, потеряв из вида прыткого мотылька, двигались по противоположной стороне улицы. Их логика подсказывала, что насмерть перепуганный охотник за артефактами ни за что не сунется к зловещему зданию. Судя по уверенным действиям боевиков, сталтеха они пока не засекли.

Максим немного воспрял духом. Дел-то – лежать, не шевелясь, сканеры отключить, чтоб не выдавали, и все уладится само собой. Сейчас егеря выйдут прямиком на человекоподобного механоида, и мало им явно не покажется. «Может, еще и с добычей вернусь», – подумал Максим.

Мгновенная смена настроений – дело обычное. Секунду назад думал – все, крышка, а нет, живой пока, вот уже и мысли о хабаре вернулись…

Из здания за спиной послышался слабый стон.

Он вздрогнул, но лишь плотнее вжался в щебень. *Нет меня тут.*

– Помогите… – Едва слышный голос на самом деле доносился из зловещей постройки.

Максим опять никак не отреагировал. Ледяной пот выступил по всему телу, но он даже не повернул головы. Кем бы ни оказался бедолага, рискнувший пробраться в здание, ему уже никто не поможет. Да и вообще, тут каждый сам за себя.

Егеря тем временем поравнялись с позицией Максима, но к лагерю мотыльков сворачивать не стали, видимо, знали о его существовании и справедливо опасались снайперов, несущих посменное дежурство в окрестных руинах. Да и сталтех куда-то запропастился. Может, действительно – померещилось со страха?

Ситуация вновь становилась критической. Боевики Ковчега уходить не собирались – двое заняли укрытия, контролируя проспект, трое принялись осматривать руины.

– Сталкер, помоги!.. – Голос из здания прозвучал громче.

Проклятье!.. Егеря ведь услышат!..

Максим инстинктивно отполз чуть ниже, оглянулся.

Вход в Адский Клондайк, еще утром прочно замурованный сплетением металлокустарников, сейчас зиял черным провалом проделанного в автонах отверстия, похожего на беззубый рот, раскрывшийся в немом крике.

Так лихо разделаться с металлорастениями способен лишь мнемотехник. Макс, конечно, знал о «Фриче» – аномальной субстанции, не разрушающей органику, но зато превращающей металлы в подобие хрупкого стекла, крошащегося от малейшего усилия, но тут явно работали не артефактной жидкостью – автоны, запиравшие вход, как будто сами раздались в стороны, плавно изогнувшись.

Нет, туда я не полезу…

Он категорически отвергал столь необоснованный риск.

Заросли металлокустарников Максим старался обходить стороной, и на то были веские причины. В утолщениях ветвей металлических растений зрели н-капсулы. Своеобразные плоды, содержащие ртутную жидкость, являлись не чем иным, как колониями скоргов, ждущими лишь своего часа, чтобы внезапно раскрыться, разбрызгивая металлические плевки. Одно пятнышко, попавшее на дешевую экипировку, и мотылек обречен. Без

главного метаболического импланта, содержащего колонию скоргофагов[8], любое инфицирование фатально.

Егеря, к счастью, не услышали слабых призывов, доносившихся из многоэтажки. Они по-прежнему были заняты прочесыванием руин.

На что я им сдался? – с тоской подумал Максим. Было непонятно, почему боевики Ковчега проявляют упорство.

Через пару минут он понял – искали не его.

Вот отморозки! – промелькнула в голове почти восхищенная мысль, когда один из егерей внезапно вскинул руку в предупреждающем жесте, а затем, видимо, передав информацию через мью-фон, резко отпрянул в сторону, с хода открыв огонь по окнам здания, расположенного на углу т-образного перекрестка.

В ответ огрызнулся армган, а через пару мгновений в одном из окон вновь промелькнула фигура сталтеха. Тот двигался стремительно, не обращая внимания на град пуль, осыпавших стены полуразрушенного офиса, с выцветшей, уже нечитаемой табличкой, закрепленной у входа.

Пространство улицы мгновенно превратилось в зону боевых действий. Двое боевиков Ковчега, прикрывая товарищей, держали сталтеха под постоянным огнем тяжелых импульсных пулеметов: цепочки разрывов, испаряющих бетон, превращающих фрагменты кирпичной кладки в рыжую пыль, бежали по фасаду здания, преследуя серебристую тень, не позволяя исчадию техноса открыть ответный огонь.

Максим инстинктивно подался вперед.

Забыв о призывах, звучавших из недр Клондайка, он напряженно следил за скоротечной схваткой.

Сталтех попался матерый, из старых. Очереди крупнокалиберных «ИПК» его не впечатлили. По крайней мере, отступать он не собирался – стремительный силуэт внезапно рванулся вверх по иззубренной, наполовину разрушенной стене, образующей своеобразную шаткую лесенку.

Разрывы гнались за ним по пятам, но он благополучно достиг второго этажа, на секунду приостановился, резко разворачиваясь, и с его рук сорвались два лазерных разряда.

Один из боевиков Ковчега выскочил из-за укрытия.

Максим с немым ужасом заметил, что в шлеме егеря зияет огромная оплавленная дыра. Выронив «ИПК», тот инстинктивно пробежал несколько шагов и рухнул как подкошенный.

В следующий миг из руин хлопнули несколько выстрелов. Гранаты,

выпущенные из подствольников, пролетев по короткой баллистической траектории, взорвались за огрызками стен второго этажа, как раз там, где только что исчез сталтех.

Нестерпимые вспышки плазменных разрывов ударили в теснине полуразрушенных помещений, все здание как будто подернулось рябью, вдруг начав рассыпаться, – раскаленные кирпичи взрывались, арматура плавилась внутри столбов бетонных опор, и те покрывались трещинами, осыпались угловатыми глыбами, казалось, что на месте двухэтажных руин вдруг начал извергаться вулкан – клубящееся облако пыли мгновенно расползлось по улице, но егеря не обращали внимания на резко ухудшившуюся видимость – их импланты передавали достаточно информации, позволяя двигаться уверенно и стремительно.

Пыль еще не успела осесть, когда вне поля зрения Максима коротко рявкнула очередь «ИПК», затем на минуту все стихло, и вдруг на краю движущегося дымопылевого облака появились егеря – трое шли в охранении, четвертый волок за ногу обезглавленный, оплавленный, изуродованный эндоостов сталтеха.

Поравнявшись с погибшим товарищем, боевики остановились. Один из них быстро подобрал оружие и снял уцелевшие части экипировки, оставив тело лежать на середине улицы.

Максим, все время лежавший без движения, пошевелился, коснувшись виска, где под плотно прилегающей к голове тканью защитного костюма располагался чип мью-фона.

Автоматически подстроившаяся частота донесла обрывок переговоров:

– …да, не повезло. Сожги тело, чтобы скоргам не досталось.

Боевик, только что снявший экипировку с погибшего товарища, отложил в сторону окровавленную броню, достал какой-то баллончик, щедро опрыскал из него изуродованное тело и, отступив на шаг, выстрелил.

Посреди улицы вспыхнул чадный факел.

Зачем им сталтех? Почему они его не сожгут, как тело погибшего товарища? – промелькнула в голове Максима недоуменная мысль. Похоже, боевики Ковчега не собирались уничтожать жуткий трофей…

Устройство связи, опрометчиво активированное Максимом, продолжало работать.

– Сканер фиксирует чужой мью-фон, – внезапно резанула слух Максима фраза одного из боевиков. – Подстроен на нашу частоту.

– Откуда сигнал?

– Да вон, от высотки.

– Разберись.

У Максима все похолодело, сжалось в груди, но боевик, получив приказ, не стал рисковать, приближаясь к зловещему зданию. Он отцепил от пояса плазменную гранату и метнул ее прямо в Максима, притаившегося за грудой оплывшего щебня.

Ноги сами спружинили, поднимая тело.

Бежать по большому счету было некуда, но граната, стукнувшись о кучу бетонного гравия, покатилась вниз, преследуя Максима, бросившегося прочь.

От плазменной вспышки не убежишь.

Мозг работал на удивление быстро, ясно, а субъективное восприятие времени словно начало растягиваться: он видел, как подскакивает на камнях небольшой цилиндр, как часто взмаргивает световой индикатор, отсчитывая секунды задержки, установленной на взрывателе…

Ему не оставалось ничего иного, кроме как метнуться в черную прореху, зияющую в плотном сплетении автонов, уводящую внутрь жуткого Клондайка.

Он едва успел заскочить в подъезд и кубарем вкатиться под пролет лестничного марша, как снаружи полыхнул ослепительный взрыв.

Спустя секунду Максим, открыв глаза, понял, что все еще жив, и тут же с ужасом заметил, как металлокустарники, раскалившиеся от адской температуры плазменной вспышки, поникли, оплавились, медленно стекая по стене.

Прямо на его глазах округлый проем начал стремительно уменьшаться, затем и вовсе закрылся: раскаленная, размягчившаяся масса металлорастений, оплетавших стены здания, осела, наглухо замуровав вход.

Теперь только зловещее красноватое сияние слегка разгоняло мрак, царящий внутри Адского Клондайка.

* * *

Как и в прошлый раз во время пульсации, оказавшись перед лицом неодолимых обстоятельств, Максим хоть и испытывал ужас, но не поддался панике, не опустил руки, проклиная судьбу. Ему действительно стало очень страшно: вокруг в багряных сумерках шевелились неясные тени, температура внутри захваченного скоргами здания намного превышала уличную, приборы экипировки фиксировали, что источник аномального тепла расположен где-то под землей, скорее всего в подвалах.

Горячий сквозняк ощущался в районе лестниц – тут потоки нагретого

воздуха устремлялись вверх, набирая силу ветра.

После первых секунд отчаянья шоковые ощущения понемногу отпустили, и он, включив фонарик, осмотрелся.

Вход замуровало, вязкая масса нагретых металлорастений теперь медленно остывала, но не беда – Максим часто изучал зловещее здание в бинокль и точно знал, что на уровне второго-третьего этажей в стенах зияют огромные бреши. Металлорастения оплетали их лишь по краям, и при желании через обвалившиеся участки фасада можно выбраться наружу.

Вопрос: как подняться наверх? Лестничные марши, по которым он тогда продвигался бегом, теперь представляли собой сплошную ловушку, на каждой ступеньке хищно отблескивали пятна металлизированных поверхностей, по стенам и перилам вились замысловато сплетающиеся между собой автоны, кое-где виднелись тонкие усики молодых побегов и утолщения, таящие уже созревшие н-капсулы.

Для отчаянного сталкера – действительно Клондайк артефактов, а для неимплантированного мотылька, неспособного дышать в отравленной ядовитыми испарениями атмосфере здания, не имеющего возможности защитить себя от скоргов, каждая ступенька – почти неодолимый барьер.

Что делать?

Максим постепенно терял решимость. Он видел, как по стенам что-то движется, легкие волны искажений, сопровождаемые сполохами зеленоватого мерцания, напоминали о катастрофических событиях, той памятной пульсации. Внутри здания все выглядело более чем зловещим. Стены, покрытые металлической коркой, вспучивались узловатыми выступами – так из земли порой выпирают корни деревьев, – поверхность, расположенная между утолщениями, казалась разнородной, ее образовывали участки, шелушащиеся от окалины и окислов, кое-где из-под коросты проступали пятна светло-стального оттенка, именно по ним и струились искажения. Металл закручивался спиралевидными завихрениями, тек в разных направлениях, медленно, вязко; различные «течения» сталкивались, смешиваясь, и в таких местах на стенах образовывались потеки, капли серебристого вещества отблескивали лужицами на полу, а сполохи зеленоватого мерцания концентрировались, принимая вид медленно скользящих разрядов, возникающих в воздухе, соединяющихся с поверхностью стен и медленно движущихся вдоль преград, как будто энергетические усики, ощупывающие текучий рельефный рисунок…

Не смея шевельнуться, Максим продолжал озираться.

Постепенно к зрительному восприятию добавлялись иные детали,

шумный ток крови, породивший гул в ушах, истончился, исчез, и теперь он слышал легкое потрескивание, тихий протяжный скрежет, неприятно царапающий по нервам, какие-то скрипы, подвывание ветра.

Здание казалось огромным организмом, абсолютно непостижимым для человека, и ощущать себя находящимся *внутри* было настолько жутко, что мышцы цепенели.

Но мнемотехник как-то прошел, поднялся наверх… – промелькнула в голове мысль.

Он прислушался.

На фоне леденящих душу звуков сверху опять донесся слабый стон.

Нужно лишь решиться, сделать первый шаг. Он посветил фонариком в сторону лестницы. Присмотревшись, Максим нашел то, что искал: некоторые участки металлизированных поверхностей потускнели и потрескались, словно на них недавно воздействовала сила, парализовавшая или вовсе умертвившая скоргов.

Вот он – путь, проложенный мнемотехником!

Максим осторожно шагнул на растрескавшуюся поверхность ближнего к нему пятна. Ничего не случилось, лишь металлическая корка неприятно захрустела, словно неокрепший ледок, крошась под весом сталкера.

Поселившиеся в здании скорги как будто почувствовали движение. Энергетические щупальца застыли, прекратив свой жутковатый танец, вязкие металлические ручейки, текущие по стенам, вдруг начали покрываться вздутиями, из них проклюнулись ростки, а в следующий миг с оглушительным треском в теснине лестничного марша от стены до стены ударили тонкие, похожие на проволоку, натянутые, будто струны, побеги автонов.

Максим замер.

Окажись он на ступеньку выше – его бы пронзило насквозь!

Липкий, холодный пот выступил на лбу, но смахнуть его не позволяла ткань защитного костюма, плотно прилегавшая к телу.

Молодые побеги автонов преградили путь наверх, но у Максима просто не осталось иного выхода, другого пути. Пространство за спиной полнилось жуткими тенями, там все шевелилось, извивалось: от стен, пола, потолка медленно вытягивались гибкие металлизированные щупальца, жадно, но слепо ищущие жертву. Металлорастения сочились ядовитыми, токсичными для человека испарениями, запаса химических реагентов в устройстве защитной дыхательной маски надолго не хватит – оставаясь внизу, он рисковал вскоре задохнуться. «Нет, – подумал Максим, – только

вверх, к пятну блеклого дневного света, прочь от красноватых сумерек, наполненных зловещими тенями!..»

Работать лазерным ножом в толстых перчатках было неудобно. Тонкая рукоятка не ощущалась в пальцах, Максим дважды промахнулся мимо кнопки активации, затем все же нащупал ее, и невидимый луч инфракрасного спектра наискось резанул по молодым побегам автонов.

Тонкие серебристые нити лопались с глухим звоном, пружинили, свиваясь в спирали, хлестали по стенам, высекая искры. Улучив момент, Максим рванулся вперед, стараясь наступать только на тусклые, потрескавшиеся участки ступеней.

Два лестничных марша он преодолел почти бегом, но мгновенья, затраченные на прорыв, показались ему едва ли не вечностью.

На втором этаже из покрытых коростой окислов стен выпирали уже не просто стволы автонов, а их сложные сплетения, образующие нечто, отдаленно похожее на грубые отливки деталей различных механизмов.

Бегло осмотревшись, Максим увидел цепочку серых потрескавшихся пятен, уводящую в одну из квартир.

Не задерживаясь на лестничной площадке, он ринулся туда, и едва не упал, споткнувшись о труп.

Сталкер, облаченный в тяжелую, оснащенную сервомускулами боевую броню лежал в безвольной позе. Его армган, закрепленный поверх бронепластин правой руки, был разряжен, о чем свидетельствовал тусклый индикатор красного цвета, крохотной искоркой тлеющий в сумраке небольшой прихожей.

Максим, с трудом удержав равновесие, осмотрелся. Вездесущая металлическая корка на стенах светилась язвами попаданий лазерных разрядов, в нескольких местах виднелись цепочки крупных свежих выщербин – следы очередей, выпущенных из крупнокалиберного «ИПК». Создавалось впечатление, что два или три человека вели в теснине небольшого помещения беспорядочный огонь из разных типов оружия, пытаясь уничтожить какую-то шуструю тварь, метавшуюся по стенам и потолку.

Из соседней комнаты раздался едва слышный, глухой стон.

Максим склонился над мертвым сталкером. Разряженный лазерный излучатель он трогать не стал, не до добычи сейчас, а вот пластиковую колбу с «Фричем», найденную в одном из подсумков, забрал.

Чуть отпустив ремень автомата, чтобы можно было стрелять, удерживая «Шторм» одной рукой, он шагнул в смежное помещение.

В глаза ударил холодный, серый дневной свет.

Угол здания, где располагалась квартира, снесло еще во время катастрофы, стены и пол уцелели лишь фрагментарно, между отдельными островками бетонных конструкций плавно прогибались ржавые, кое-где сплетенные с побегами металлорастений прутья арматуры.

Максим застыл как вкопанный.

Проклятье!..

Он мгновенно узнал это место. Перед ним простирался тот самый участок здания, где в бинокль были отчетливо видны тела трех сталтехов, густо оплетенные автонами, распятые на уцелевших фрагментах межкомнатных перегородок!..

Он резко повернулся и обомлел. Действительно, две смыкающиеся углом стены, между которыми сохранился изрядный фрагмент пола, покрывали толстые, узловатые ветви металлокустарников, но сталтехи куда-то исчезли, вместо них в сплетении металлических ветвей виднелись прорехи, еще сохранившие контур человекоподобных фигур.

Неподалеку от окна, пронзенный сквозь бедра и предплечья, нанизанный на острые, запятнанные кровью металлические шипы, был распят… сталкер! По его тяжелой броне змеились серебристые прожилки, лицо закрывало дымчатое забрало боевого шлема, по которому расползлось несколько уродливых серебристых клякс.

Максима, словно в лихорадке, била нервная дрожь. Этот мертв, без вариантов… Кто же тогда звал на помощь?

Он обернулся.

В противоположном углу разрушенного помещения застыла еще одна человеческая фигура, пронзенная побегами металлорастений.

Мнемотехник! Определить специализацию сталкера не составляло труда – даже оказавшись в безвыходном положении, он некоторое время продолжал борьбу, – сложные сплетения автонов, пленившие добычу, темнели пятнами омертвевших участков, на полу скопились лужи серебристой жидкости, но по ним не змеились искажения, ртутные кляксы уже подернулись мутноватой пленкой, так и не сумев дотянуться до ног мнемотехника.

Максим думал, что тот мертв, но несчастный вдруг конвульсивно содрогнулся, приходя в сознание, и с трудом приподнял голову. На нем был надет лишь бронежилет из активного пластика, лицо и руки мнемотехника казались черно-пепельными, глаза красные, губы пухлые, нос приплюснутый…

Африканец?!

Максим уже ничему не удивлялся.

– Сзади… – совершив неимоверное усилие, сипло выдавил мнемотехник.

Максим резко обернулся, увидел стремительную несущуюся на него тень и вдруг понял: жить осталось доли секунды.

В таких ситуациях мысль не поспевает за действием. Не важно, мотылек ты или битый, не раз испытанный превратностями Пятизонья имплантированный сталкер, – когда на тебя несется исчадие техноса, робость или разумная осторожность теряют смысл, ты либо сопротивляешься, либо нет.

Максима спасла колба с «Фричем». Он не сунул ее в карман экипировки, а все еще сжимал в руке. Заметив силуэт сталтеха, стремительно бегущего по прогибающимся прутьям арматуры, Максим машинально метнул в него хрупкий пластиковый контейнер. Колба, ударившись о грудь сталтеха, разлетелась на осколки, густо испятнав исчадие техноса пузырящейся зеленоватой субстанцией. Там, куда попали капли «Фрича», металлизированные кости мгновенно теряли прочность, на короткое время становясь ломкими. Сталтех по инерции выскочил на уцелевший фрагмент перекрытия, рухнул на одно колено, и в этот миг Максим, реакция которого не поспевала за стремительностью событий, открыл наконец огонь, разрядив по человекоподобной твари весь магазин «Шторма».

Эндоостов перерубило пополам, игольчатые пули, попадая в места, пораженные «Фричем», крошили в пыль металлизированные кости – сталтеху снесло половину туловища, оторвало руку, пробило череп, вышибая управляющую колонию скоргов серебристыми брызгами.

* * *

Тяжело дыша, еще не веря, что сумел уничтожить сталтеха, Максим обернулся.

Мнемотехник смотрел на него. В глазах сталкера читалось невыносимое страдание.

– Помоги… – теряя последние силы, прошептал он.

Эти мгновенья стали для мотылька решающими в его новой жизни. Какой-то десяток метров отделял его от спасения, бегство казалось наилучшим выходом из ситуации – пробраться по балкам, спрыгнуть на кучу щебня, исчезнуть в спасительном сумраке улицы, навсегда раствориться в руинах, и больше никогда не вспоминать о жутком здании, обходить проклятое место…

В душе не шло никакой борьбы. Мысли о спасении и бегстве

породили лишь сосущую пустоту.

После неимоверного напряжения моральных и физических сил внезапно навалилась оглушающая апатия, все казалось бессмысленным, ненормальным…

А где она, нормальная жизнь? Осталась далеко в прошлом, за порогом Катастрофы?

Максим никогда не страдал склонностью к самоанализу. Особенно сейчас, после череды смертельных опасностей, которых удалось избежать лишь чудом.

Он лишь вскользь подумал о фатальности происходящего, в мыслях внезапно возник образ Пингвина, к которому вечером идти на очередной сеанс стабилизации, и жизнь, за которую он так отчаянно цеплялся, вдруг показалась бессмысленной, мрачной, безысходной.

Он и сам затруднился бы ответить, что толкнуло его на отчаянный, рискованный поступок. Вместо того чтобы бежать, воспользовавшись моментом, он перезарядил автомат, закинул его за спину и начал осторожно приближаться к мнемотехнику.

Тот следил за ним движением зрачков. Губы стакера кривились, он пытался что-то сказать, но не находил сил.

Внезапно в сознании Максима возник тихий голос:

«Наступай… Только на серое…»

Он вздрогнул, замер, но тут же сообразил, что таинственный голос исходит от чипа мью-фона. Мнемотехник, не найдя сил прошептать нужные слова, воспользовался другим способом общения, требующим от него лишь мысленных реакций да адекватной работы имплантов.

«Срежь лазером шипы, что меня держат. Не бойся…» – вновь раздался тот же тихий голос, когда Максим приблизился вплотную к жуткой барельефной стене, где среди сплетения автонов виднелись контуры выращиваемых скоргами деталей непонятного механизма.

Максим судорожно сглотнул.

– Где еще два сталтеха? – спросил он, доставая лазерный резак.

«Мы их уничтожили», – ответил голос, по-прежнему передающийся в рассудок через чип мью-фона.

– Ты не жилец.

«Я справлюсь… Мои скоргофаги ведут борьбу…»

Максим включил резак. Шипы, пронзившие предплечья мнемотехника, поддались легко, вот только действовал он неточно, руки дрожали, зацепил экипировку и, кажется, прижег кожу, но мнемотехник стоически терпел боль, не издав ни звука.

Еще два шипа с хрустом подломились, из ран на ногах мнемотехника выступили капельки крови, он рухнул на пол и лежал, не шевелясь.

«Тебе придется меня тащить…»

– Как мы выберемся из здания? – Максим понемногу приходил в себя, начиная осознавать, что вдвоем им ни за что не вырваться из стен Клондайка. – Там по балкам нужно идти и прыгать, высота метра четыре, не меньше!

«Только не бросай меня… Мы выберемся… Не пожалеешь…» – голос мнемотехника звучал все тише, словно его начали покидать не только физические, но и моральные силы.

– Эй, ты не вздумай терять сознание!

Несколько секунд мью-фон глухо молчал, затем слабый голос возник вновь:

«Вниз по лестнице…»

– Там нет выхода!

«Разрежешь автоны лазером…»

Максим промолчал. А какие варианты? Сбросить раненого мнемотехника со второго этажа?

«Мое убежище неподалеку… Подвал… Метров двести от проспекта… Дотащишь?..»

– А куда мне теперь деваться? – Максим тяжело вздохнул. Героем он себя не чувствовал, скорее глупцом, поддавшимся минутному порыву сострадания. Еще не факт, что мнемотехник совладает с атаковавшими его скоргами. Возьмет да и начнет вдруг трансформироваться в сталтеха. Что тогда делать?!

От подобных мыслей мороз драл по коже, но Максим уже взвалил грузное тело на плечи. Ноги мнемотехника волочились по полу, но по-другому не получалось, слишком тяжелый…

Спуск вниз, в сумеречную утробу первого этажа, казался долгим и мучительным.

Максима бросало то в жар, то в холод, он едва тянул мнемотехника, отчаянно страшась облепивших перила металлорастений, но все обошлось. Спасенный сталкер сознания не терял, и во многом благодаря его мысленным усилиям автоны даже не шелохнулись.

– Тебя как звать? – Максим едва выдавливал слова побелевшими от напряжения губами, но молчать было невыносимо, звуки, издаваемые гигантской колонией скоргов, оккупировавшей здание, казались обжигающим шепотом, от которого цепенел рассудок.

«Антрацит…» – прозвучал в сознании ответ мнемотехника.

– И зачем ты сюда полез? – Максим хрипло дышал, стараясь не пошатнуться, не задеть металлизированное кружево, густо облепившее перила.

«Потом… расскажу…»

– Ладно. Не напрягайся. – Максим меньше всего хотел, чтобы мнемотехник потерял сознание, так, поддерживая диалог, он хоть знал, что тащит на плечах сталкера, а не нежить.

* * *

Проделать отверстие в оплавившейся массе замуровавших выход металлорастений удалось не сразу, а когда фрагмент спекшейся массы все же вывалился наружу и через дымящуюся по краям дыру внутрь здания щедро хлынул дневной свет, Максим вновь воспрял духом.

Снаружи таились сотни иных опасностей, но они не шли ни в какое сравнение с металлизированными этажами Адского Клондайка.

– Ну, ты как? Живой? – Он склонился над мнемотехником.

Антрацит не отвечал. Раны, нанесенные автонами, вспухли по краям, внутри сквозных разрезов плоти притаились испачканные запекшейся кровью металлические частицы, и это обстоятельство пугало Максима до крайности.

Он с трудом вытащил мнемотехника наружу, оставил его лежать на остекленевшей поверхности, в которую после взрыва плазменной гранты превратилась куча щебня, а сам осмотрелся.

Уже перевалило за полдень. Проспект и окрестные руины полнились механической жизнью, даже слабые сканеры экипировки мотылька фиксировали полтора десятка различных механоидов…

«Отключи… сканеры… – неожиданно передал мью-фон голос пришедшего в сознание Антрацита. – Внимание… привлекаешь… Я сам теперь… справлюсь…»

Максим обернулся к нему.

Глаза мнемотехника были открыты, но в них не читалось проблеска мысли, лишь боль плескалась в расширенных зрачках.

– Куда идти-то?

«Отсюда… на север… по прямой… метров двести…»

– А как быть с механоидами?

«Справлюсь…»

Максим лишь пожал плечами, но сканеры все же отключил.

– Ты, это, разговаривай со мной! – Он вновь взвалил Антрацита на плечи. – А то откуда мне знать – вырубился ты или нет?

«Не… отвлекай…»

Максим разозлился. Теперь, оказавшись в более или менее знакомой обстановке, он, надрываясь, тянул грузное тело мнемотехника в указанном направлении, мысленно ругая себя за глупость. Давно бы уже был в лагере, сидел бы в герметичном убежище, а не тащил бы по руинам непонятно кого.

Двести метров – расстояние немалое. Хорошо хоть окрестные руины он успел изучить и двигался оптимальным маршрутом, вдоль одной из улиц, уводящей в нужном направлении.

Вокруг простиралась мрачная реальность разрушенного мегаполиса. Множество ловушек подстерегало на пути. Участки зыбучего асфальта, способные в доли секунд поглотить человека или механоида, попадались особенно часто, но их было достаточно легко определить по отсутствию трещин. Увидел гладкий фрагмент тротуара или дорожного покрытия, чистый, не усеянный мусором и обломками, – знай – ловушка. Серьезную опасность представляли собой столбы уличного освещения, особенно те, с которых свисали провода. Почти все они были оккупированы скоргами, хищные колонии микроскопических обитателей Пятизонья таились в обрывках проводов, научившись имитировать их естественный цвет и фактуру. Охотились такие колонии на всех, кто проходил или проезжал мимо, будь то сталкер или механоид. Безвольно обвисшие провода внезапно приходили в движение, извиваясь, словно змеи, они жалили жертву энергетическими разрядами, а затем прочно приторачивали к бетонному столбу, чтобы неторопливо расправиться с ней.

Максим старался двигаться вдоль фасадов зданий, так было легче избежать ловушек, да и от механоидов отбиваться сподручнее. Руины скрывали не меньше неприятных сюрпризов, чем открытое пространство улиц, но все, что таилось внутри полуразрушенных зданий, обычно не распространяло сферу жизненных интересов за пределы коробки стен. Различные бытовые устройства, компьютеры и даже уцелевшие элементы проводки, оккупированные скоргами, представали серьезную опасность, лишь когда сталкер входил на подконтрольную им территорию. Получалось, что любой фасад здания – это некая пограничная зона, хотя механоидам, свободно перемещающимся по отчужденным пространствам, да людям наплевать на условности.

– Эй, Антрацит, ты живой? – Максим остановился, тяжело дыша. Он умудрился считать шаги и полагал, что двести метров фактически пройдены. Удивительно, но в поле зрения за это время действительно не попал ни один из механических монстров, словно незримая сила

отпугивала их, заставляя уступить дорогу мотыльку, тащившему на себе искалеченного мнемотехника.

«Живой… – Раздался в сознании слабый голос. – На следующем перекрестке… направо…»

– Ладно. – Максим в душе порадовался скорому завершению мытарств. До перекрестка метров двадцать. Он не стал взваливать тело сталкера на плечи, а поволок его по тротуару.

Свернув, он вновь остановился.

– Теперь куда?

«Через пролом… в здание… там… все чисто…»

* * *

Периметр постройки ограничивали лишь невысокие огрызки стен.

Максим несколько раз проходил тут во время вылазок, но даже заподозрить не мог, что среди оплывших груд различного хлама скрывается тщательно замаскированный вход в жилище мнемотехника-одиночки.

Следуя указаниям Антрацита, Максим несколько раз свернул по едва приметной тропке, петляющей меж вставшими на дыбы плитами рухнувшего перекрытия, затем остановился.

– Тут, что ли?

Ответом ему послужил глухой вибрирующий гул.

Одна из покрытых трещинами, потемневших от времени бетонных плит с удивительной легкостью сдвинулась в сторону, открывая взгляду прочную, явно изготовленную из современных материалов дверь. Композитная многослойная броня защищала вход в обитель мнемотехника не только от пуль и снарядов, но и от скоргов: активный пластик наружного слоя глянцевито отблескивал в скупом свете сумеречного зимнего дня.

Дверь дрогнула, уходя в зазор между двумя сложившимися домиком, присыпанными землей бетонными плитами.

Вниз во мрак уводили ступеньки.

Максим, не получив дальнейших инструкций, начал спускаться. Силы таяли, он пошатывался, уже едва удерживаясь на ногах.

С гулкой вибрацией за его спиной встала на место массивная дверь. Внезапно, разгоняя чернильный мрак, зажглись несколько ламп, осветив короткий отрезок наклонного коридора и простирающееся за ним подвальное помещение.

Первым, что невольно привлекало внимание, было массивное кресло, окруженное уже знакомыми Максиму агрегатами. Он поежился, мгновенно вспомнив Пингвина с его вечной мерзкой улыбочкой. Может, зря я этого

мнемотехника спас? Сволочи они все… Максим неприязненно покосился на кресло.

Поискав взглядом, куда бы пристроить бессознательное тело Антрацита, он не нашел ничего лучшего, кроме как попятиться и осторожно усадить того в «пыточную», – так сталкеры называли специально оборудованные места для проведения мнемотехнических операций.

Освободившись от непосильной, сковывающей движения ноши, он осмотрелся.

Да уж. Вот где настоящий Клондайк артефактов, и вовсе не адский…

*В*згляд Максима скользил по многочисленным стеллажам, где как попало были навалены различные устройства, демонтированные с подбитых механоидов. Большинство техноартефактов выглядели незнакомыми, отдельно лежали энергоблоки – штук десять «Сердец зверя» различного размера и мощности. Еще он узнал детали армганов и импульсных вооружений, начиная от многочисленных модификаций «ИПК» и заканчивая двумя тяжелыми импульсными орудиями, непонятно каким образом доставленными в подвал.

Двигаясь между стеллажами, он внезапно едва не закричал от неожиданности, – в углу из сумрака на него пристально смотрел пустыми глазницами металлизированный череп сталтеха…

Тьфу, зараза… – Максим медленно опустил автомат.

Обитель мнемотехника одновременно вызывала чувство восхищения, зависти и нагоняла жуть. Прямо кунсткамера какая-то… «Интересно, если все, что тут навалено, оптом сдать торговцу?»

Нет, не получится. Тут за неделю всего не перетаскать. Сразу расспросы начнутся: откуда да как добыл?

А убежище хорошее. Надежное. Еще бы ключик к нему подобрать. Макс понимал, что двери открылись не просто так, наверняка автоматика бункера получила приказ через мью-фон. Да еще и подтверждение полномочий доступа. Он покосился на две самодельные лазерные турели, подвешенные под потолком напротив входа. Они выглядели вполне функционально, по крайней мере, индикаторы на накопителях энергии светились точечными изумрудными искорками. Между турелями была закреплена небольшая «башенка», явно демонтированная с механоида. Из каплевидной обтекаемой надстройки торчал короткий ствол импульсного орудия.

Максим покачал головой.

Любого незваного гостя на входе автоматически перемелет в фарш, да еще и прожарит из излучателей.

Как мне отсюда выбраться?! Он уже расстался с мыслью прихватить парочку техноартефактов, крепко задумавшись: работают установки только на входящих или попытка покинуть бункер также будет пресечена разрядами армганов и очередями импульсного орудия?

Он покосился на тело мнемотехника.

Антрацит безвольно ополз в кресле.

Вот я попал так попал…

Максима все больше удручала неопределенность возникшей ситуации. Кто его знает, что за процессы идут сейчас в организме, пораженном скоргами? Может, этот Антрацит через пару часов начнет превращаться в сталтеха? А мне что делать? Попытка удрать выглядела довольно сомнительной, уж слишком недвусмысленно и грозно смотрелись подвешенные под потолком системы автоматических вооружений. Да и дверь еще открыть надо. Руками такую массивную преграду не сдвинешь…

Вот и получается, что добрыми намерениями выстлана дорога в ад… – невесело подумал он, присев на край автомобильного кресла, установленного у стены.

В этот миг внезапно активировалась аппаратура «пыточной».

Сначала над жутковатым комплексом агрегатов, окружающих громоздкое кресло, зажегся неяркий свет, затем по приборам и устройствам прокатилась волна индикационных огней, далее пришли в движение механизмы самого кресла: с тонким подвыванием сервомоторов оно вдруг начало менять угол наклона спинки, как бы усаживая безвольное тело мнемотехника в определенное положение. Антрацит по-прежнему не открывал глаз и не подавал признаков жизни, но автоматике было глубоко наплевать, в каком состоянии находится хозяин. Из широких подлокотников внезапно выхлестнулись неприятно поблескивающие гибкие манипуляторы, заключенные в гофрированные оболочки. Извиваясь, словно змеи, они накрепко обхватили руки, ноги и грудь мнемотехника, пристегнув его к креслу. Следом от блоков аппаратуры начали выдвигаться различные приспособления, вспыхнули несколько зеленых сканирующих полосок света, одна начала медленно двигаться по лицу Антрацита, другая по груди, третья исследовала ноги, к рукам мнемотехника плотно прижались несколько шунтов, ловко проскользнув под одежду и соединившись с металлизированными пятнами на коже.

Максим наблюдал за скоротечными процессами, раскрыв рот.

На приемах у Пингвина все происходило намного быстрее и проще.

Мнемотехник лагеря мотыльков обычно ограничивался включением одного устройства, похожего на точечный фонарик с синим светофильтром, установленном на гибкой штанге. В его свете пятно на запястье выглядело особенно зловещим, но после облучения не разрасталось.

Максим, пристально следя за происходящим, поймал себя на мысли, что аппаратура у Антрацита намного сложнее, по крайней мере, внешне, а вот источников синего излучения нет.

Хотя откуда мне знать, как эти комплексы должны работать?

Тело мнемотехника внезапно конвульсивно задергалось, будто через него пропустили разряд тока.

Начинается… – неприязненно подумал Максим. Он многое сносил без особого волнения, но все, что касалось мнемотехнических операций, вызывало у него стойкое отвращение, неприятие и страх.

Тонко взвизгнули сервоприводы. Сканирующее излучение погасло, теперь три замысловатых агрегата, установленных на подвижных платформах, выдвинулись к креслу и нависли над пристегнутым телом Антрацита, протянув к нему десятки гибких щупалец-манипуляторов.

Максим обреченно закрыл глаза.

В подвале было значительно теплее, чем на улице, и он давно взмок, но разгерметизировать экипировку опасался. Слишком много вокруг предметов и артефактов, носящих следы воздействия скоргов. Неизвестно, чем занимается мнемотехник в своей лаборатории.

Чтобы не щекотать себе нервы, он устроился поудобнее, отвернулся и сам не заметил, как задремал.

* * *

– Не сопрел?

Максим вскочил, словно ошпаренный, отшатнулся, вскидывая автомат, но, узнав Антрацита, обмяк, чувствуя, что все тело действительно покрыто испариной.

– Напугал!..

– А что ты такой дерганый? – Мнемотехник выглядел вполне бодрым, отдохнувшим и главное – здоровым. Сложно было представить, что несколько часов назад он висел, пришпиленный к стене металлизированными штырями, и едва мог ворочать зрачками.

– Я не дерганый! – зло огрызнулся Максим.

Антрацит прищурился, затем понимающе кивнул.

– Извини, брат. Мне следовало догадаться, что ты не имплантирован. Мотылек? Из лагеря Греха?

Максим кивнул.

– Можешь снять экипировку. Здесь безопасно. Вон там в углу за шторкой душ. Не бог весть какие удобства, но все же пот и грязь смоешь. А я пока соображу поесть.

Максим растерялся. Конечно, снять надоевшую, уже порядком заскорузлую экипировку, вымыться – это здорово. Но существовало одно обстоятельство, заставившее его отрицательно качнуть головой.

– Мне уходить надо. Срочно.

– Почему? – искренне удивился Антрацит.

– Время. Если к восьми часам в лагерь не успею, худо мне будет.

– Может, объяснишь, в чем дело? Ты мне жизнь спас. Это дорого стоит.

– Ты ничем не поможешь. – Максим вздохнул. Мысли о свободе оставались лишь грезами. Он настолько страшился серебристого пятна на запястье, так сильно робел перед любыми мнемотехническими вмешательствами, что предпочитал мириться с существующим положением вещей. За истекшие месяцы он даже не спросил ни у Пингвина, ни у торговца, сколько нужно добыть артефактов, чтобы избавиться от проклятого металлизированного пятна. Все дело в страхе. Как выводить скоргов? Что будет, если колонию серебристой дряни не удастся удалить? Мнемотехнику из лагеря он инстинктивно не доверял.

– Ну, что примолк? – Антрацит продолжал внимательно, пытливо, но не враждебно смотреть на Максима. – Зачем тебе в лагерь? Здесь убежище намного надежнее, поверь. И моя благодарность гостеприимством не ограничится.

Максим вдруг подумал: *а будь, что будет*. Может, врал Пингвин, что другой мнемотехник ничем не поможет? Цену себе набивал?

– Мне в лагерь надо чтобы к нашему мнемотехнику попасть.

– Зачем?

– Он облучает руку каждый день.

– А что у тебя? Скоргов подхватил? Ну, это проблема, конечно. – Антрацит немного помрачнел. – Но ты не расстраивайся. Если поражение локальное, из него еще и полезный имплант сформировать можно. Только вот не пойму: почему тебя не имплантировали? Что-то ты недоговариваешь, брат?

– Он сам меня скоргами и заразил, – глухо ответил Максим.

– Кто?

– Пингвин. Наш мнемотехник из лагеря.

Антрацит криво усмехнулся.

– Ну да. Слышал я про такой прием. А ну, давай, снимай экипировку. Время все равно уже позднее, к назначенному сроку вернуться не успеешь.

Максим не стал спорить. Он уже взглянул на электронные часы. Начало девятого. До лагеря, если не бежать сломя голову, час ходьбы через руины. Страх никуда не делся, но ситуация действительно складывалась безвыходная. Пингвин, сволочь, слов на ветер не бросал. Однажды Максим опоздал на четверть часа. Даже вспоминать не хотелось – мнемотехника пришлось уговаривать, чуть ли не ползать на коленях. А куда деваться? О том, что произойдет, если пятно не стабилизировать, он даже думать не хотел.

Решившись, он стянул защитную маску с дыхательным аппаратом.

Антрацит, взглянув на его бледное, исхудавшее лицо, лишь покачал головой.

– Не все сталкеры – сволочи, – внезапно произнес он. – Запомни это, Максим.

– Не понял? – опешил Максим.

– От тебя страхом прет. Ты всех боишься и ненавидишь.

– А ты всех любишь?

– Нет, конечно. Но людей различаю. И тебе советую научиться.

Максим не был настроен на разговор. Его слегка подтряхивало в преддверии предстоящего «обследования». Стянув с себя элементы защиты, он вопросительно взглянул на Антрацита.

– В кресло, – произнес мнемотехник.

* * *

Тонкая зеленая полоска сканирующего излучения медленно ползла по запястью правой руки Максима.

Он весь сжался, будто его резали ножом по живому. От непроизвольного ужаса сердце, как бешеное, колотилось в груди.

Антрацит, следя за показаниями приборов, хмурился, и его мимика еще больше пугала Максима.

– Ну, что там? – не выдержав, сипло спросил он.

Мнемотехник отключил сканер, сокрушенно покачал головой, негромко выругался.

Все. Видно, плохи мои дела… – отчаянно подумал Максим.

– Ты сам в мотыльки подался?

– Нет. – Максим сглотнул. – Долго рассказывать.

– Ну, в общем, в Пятизонье ты не рвался?

– Что я, больной?!

– В таком случае, – Антрацит встал с вращающегося стула, – мой тебе добрый совет – вали отсюда как можно быстрее и дальше.

Максима как будто током пронзило. Он что, бредит после всего пережитого?!

– А это?! – Он указал взглядом на немного потускневшее, но все равно ясно различимое металлизированное пятно на запястье.

– Это краска. Серебрянка. На основе алюминиевой пудры.

Максим оцепенел. Мысли в голове мгновенно спутались, будто рассудок, словно компьютер, внезапно дал сбой.

– То есть как?!

– Макс, все просто. Тебя обманули. Не было никакого инфицирования скоргами. Ты абсолютно свободен, здоров, с нервишками, конечно, уже не все в порядке, отощал сильно, а в остальном – никаких отклонений.

До Максима наконец начал медленно доходить смысл сказанного.

– Пингвин… Тварь… – Вдруг разом нахлынула и радость, и облегчение, и дикая злоба, проходящая на грани аффекта, граничащая с нервным срывом. – Это значит, я лазил по руинам, каждый день рискуя жизнью, таскал артефакты торговцу из-за пятна въевшейся в кожу металлической пудры?!

Ремни, пристегнувшие его к креслу, ослабли, а затем с шелестом исчезли в подлокотниках.

Максим встал.

– Я убью его! – просипел он, потянувшись за экипировкой.

– Пингвина? – Антрацит прищурился. – Давно пора. Только ты остынь на минуту. Поговорить нам надо. Никуда мнемотехник из лагеря не денется.

– Не о чем говорить! Удавлю тварь и выбираться отсюда буду!

– Если удавишь, уже не выберешься, – спокойно ответил Антрацит. – Ты думаешь, «Пристанище» под боком у Ковчега за здорово живешь существует? Грех от Хистера артефактами откупается и частенько мотыльков ему подкидывает – чистый, неимплантированный, так сказать, материал, для особо секретных опытов, что в бункерах Академгородка проводят. Вот и подумай. Это хорошо отлаженный бизнес. И охраняется он соответственно.

– Где это ты так в людях научился разбираться? – Максима душила злоба.

– Я сейчас о тебе беспокоюсь. – Антрацит проигнорировал его тон. – Допустим, ты беспрепятственно войдешь в лагерь. И к Пингвину попадешь без проблем. Как ты там его убивать собрался – не мое дело. Хоть по

кусочкам рви, но дальше-то что? Как обратно выйдешь, а если и вырвешься, куда пойдешь, кто тебя через Барьер назад во Внешний Мир переправит? И кто там тебя ждет?

– Вербуешь? В сталкеры? На другую руку мне какой-нибудь дряни намажешь?

– Нужен ты мне!.. – Антрацит разозлился. – Помочь хотел. Насильно держать не стану. Просто по опыту знаю: кто в Пятизонье побывал, пожил тут, назад не возвращается. А кто уходит, тот быстро понимает, что за Барьерами счастья нет.

– Можно подумать, здесь оно есть! – возмутился Максим, вставая. – Пойду я.

– Как знаешь. – Мнемотехник спорить не собирался. – Артефактов возьмешь? В благодарность за спасение?

– Возьму, – буркнул Максим. – Нет, не надо, – вдруг передумал он. – Ты мне лучше экипировку дай нормальную, если есть.

– И то дело, – кивнул Антрацит. – Понимаю, тебе сейчас поберечься от скоргов надо. – Он ушел в дальний угол подвала, сдвинул какие-то пластиковые контейнеры. Вернулся с увесистым кофром. – Армейский бронекостюм. Специально для Пятизонья разработан. Замкнутый цикл жизнеобеспечения, активный полимер поверх брони.

У Максима загорелись глаза.

– Поможешь? – Он встал.

Антрацит вскрыл кофр, объяснил назначение некоторых элементов экипировки, по очереди подавая Максиму детали бронекостюма.

Тот молча слушал, одновременно экипируясь. Вес брони поначалу показался непривычным, но когда включились подсистемы, управляющие сервомускулатурой, то пятьдесят килограммов композитной защиты вообще перестали ощущаться.

– Броня уникальная. – В голосе Антрацита не прозвучало ни нотки жалости, хотя расставался он с настоящим сокровищем. – Вместо обычных элементов питания здесь использованы «Сердца зверя». Их можно подзарядить в границах аномальных энергополей. И не думай, что я откупился и все забыл, – ворчливо добавил мнемотехник. – Нужда заставит, приходи. Дашь мне знать. – Он костяшками пальцев постучал по пустому кофру, изображая последовательность.

– Где сигнал подавать?

– А у плиты, что вход маскирует. Я услышу.

– Ладно. Спасибо тебе. – Макс опустил дымчатое проекционное забрало. – Может, еще и увидимся.

Глава 3

Лагерь мотыльков. Новосибирская зона отчужденных пространств…

– УБИЛИ!.. УБИЛИ!.. УБИЛИ!..

Сиплый, надорванный, полный ярости голос эхом метался среди огрызков стен.

Максим остановился, озираясь по сторонам.

Руины близлежащих зданий, в подвалах которых располагались герметичные убежища лагеря, щерились черными провалами окон. Поздний вечер моросил нудным дождем. Кое-где на верхних этажах искаженных пульсациями построек мелькали тени – это дежурные снайперы, привлеченные криками, рискнули покинуть позиции, выглянуть, любопытствуя что же произошло?!

Огромный детина – сталкер по кличке Демон: – стоял посреди квадратного внутреннего двора, ограниченного периметром бетонных блоков, установленных в качестве символической защиты от механоидов. Его волосатые руки, испачканные кровью, были в этот миг воздеты к серым небесам, на искаженном гримасой злобы лице читалось выражение растерянности.

Один из обитателей герметичных подвалов, случайно, не по своей воле оказавшийся поблизости, застыл как вкопанный. О скверном характере Демона в лагере знали все. Необычайно сильный, глубоко и безнадежно инфицированный серебристой проказой Зоны, он внушал только отвращение и инстинктивный ужас.

– Кого убили-то? – раздался робкий вопрос. По голосу, искаженному защитной дыхательной маской, было невозможного определить, кто из обитателей «Греховного Пристанища» решился расспрашивать разъяренного, похожего на мясника сталкера.

Тот медленно повернулся.

Максиму стало жутковато. Не от факта, что кто-то погиб, нет, такие известия приходили ежедневно, а от внезапного и острого осознания обстановки происходящего. Перемазанный в крови Демон стоял среди ржавых обломков детской игровой площадки, в аккурат там, где раньше была песочница. Рядом коряво изгибались два турника, покрытые окалиной, искаженные прошедшей тут волной аномальной энергии Узла. Чуть дальше высилась изогнутая, скрученная в немыслимый узел лесенка,

щедро посеченная пулями, несколько сплавленных в единый ком качелей и горок превратились в жутковатую абстрактную фигуру.

– Греха убили!.. – упавшим голосом произнес Демон. – Кто-то из вас! – снова взъярился он. – Твари! Очередью половину башки снесло! Прямо в магазине, за прилавком! Ну да ничего! – Сталкер сжал огромные кулачищи. – Сейчас разберемся!

Надо торопиться, – подумал Максим. Жизнь в лагере, и без того невыносимая, теперь обещала стать совсем скверной. Туповатый и скорый на расправу Демон на самом деле не станет искать виновника, а прибьет первого, кто под руку попадется, на том, наверное, и успокоится. Может быть, сам Греха и убил, вон руки все в крови. Подомнет теперь под себя прибыльный бизнес. Хотя нет, не потянет. Тут хитрость, изворотливость нужна, а у Демона одни мышцы…

Он ни на секунду не забывал, с какой целью вернулся в лагерь. Поднявшаяся суматоха только на руку. Макс незамеченным проскользнул в «рабский» сектор. Охранника в тамбуре не оказалось. Что ж, ему повезло. Вернувшаяся злоба толкала вперед, к мести за все страхи и унижения, которые он перенес за пару месяцев пребывания тут.

* * *

Дверь в лабораторию мнемотехника, как обычно, не запиралась. Это помещение, окутанное зловещей аурой, отпугивало не только мотыльков, но и сталкеров. Сюда редко кто приходил по доброй воле.

Войдя внутрь, Максим осмотрелся.

В первый момент его постигло разочарование, похоже, мнемотехник куда-то ушел, может, на труп торговца взглянуть, а может…

– Тебе что тут надо, сталкер? – внезапно раздался хорошо знакомый каркающий голос.

Фигура Пингвина появилась из сумрака.

– Оглох? Что надо, спрашиваю?

Максим коснулся сенсора, поднимая дымчатое забрало боевого шлема. Конечно, в такой экипировке его все будут принимать за вольного старателя.

– Узнал?

– Тьфу! – Пингвин злобно прищурился. – Напугал. – Он окинул фигуру Максима оценивающим взглядом и вдруг рявкнул: – Почему вчера не явился?! Думаешь, труп в руинах ограбил и теперь крут? А скорги? Ну-ка, снимай свое барахло – и в кресло, живо!

Максим побледнел.

Страх, крепко въевшийся в душу, заставивший вздрогнуть, отвести взгляд, улетучился так же моментально, как возник.

Пингвин, прихрамывая, вразвалочку подошел почти вплотную, и это стало роковой ошибкой мнемотехника. Максим в припадке ярости схватил его за горло. Сервоусилители брони позволили одной рукой приподнять грузное тело. Точно так же, не так уж давно, на глазах Максима, Демон, встречавший группу пленников в Сосновом Бору, едва не придушил вербовщика.

Пингвин захрипел, двумя руками вцепился в запястье душившей его руки, но без толку.

Его глаза медленно вылезали из орбит.

– Макс… Что ты делаешь… сдохнешь ведь?.. – роняя слюну, прохрипел он.

Максима передернуло от отвращения. Он думал, что агония Пингвина станет сладкой, справедливой местью, но хрипящее, дурно пахнущее, конвульсивно извивающееся тело внушало лишь отвращение, и он инстинктивно разжал пальцы, толкнув наполовину задушенного мнемотехника в кресло.

– Скорги, говоришь? – Ствол «Шторма» уперся под дрожащий подбородок Пингвина. – Где баночку с краской хранишь, тварь?

У Пингвина все плыло перед глазами. Такого шока он не испытывал давно. Правило грубой звериной силы, против которого он научился бороться, став мнемотехником, снова безотказно сработало – Максим не был имплантирован, и Пингвин, способный вмиг поставить на место любого из сталкеров, вдруг оказался совершенно беспомощен.

– Я не стану тебя убивать… – Голос Максима прозвучал хрипло, прерывисто. – Просто расскажу всем в рабском секторе, что серебристые пятна – это не скорги, а краска. Тебя на куски порвут.

Лицо Пингвина стало серым.

– Макс, ты рехнулся! – Он все же нашел в себе силы защищаться, хотя бы угрозами и увещеваниями. – Ты хоть понимаешь, против кого пошел?

– Ты мне сейчас о Ковчеге рассказывать станешь? О Хистере, который разрешает существовать лагерю? Лучше заткнись. Для каждого из вас найдется пуля. Грех еще легко отделался! – Глаза Максима покраснели от ярости. Все-таки вмиг из шкуры раба не выскочишь. Где-то в подсознании все еще силен был страх и перед этим помещением, и перед проклятым креслом с распластавшимся в нем полузадушенным мнемотехником.

– Макс, разойдемся по-хорошему!

– Откупишься? Чем?

– Я тебе импланты дам. Самые лучшие! Самовживляемые! Это последние разработки!

– Ковчеговские?

– Да! Да!

– Ну, показывай. – Максим убрал ствол от дрожащего подбородка мнемотехника.

Пингвин, видимо, не веря, что еще жив, кое-как выбрался из кресла, потянулся к своему столу.

– Если там у тебя оружие, пристрелю!

Нет, негодяй не решился схватить импульсный «Страйк», который на всякий случай держал в ящике. Пингвин хорошо знал, что такое неконтролируемая злоба. С этим придурком сейчас нужно вести себя, как с душевнобольным… Он, кряхтя, достал из потайного отделения плоский футляр, обернулся, раскрыл его, демонстрируя содержимое.

Пять овальных, отблескивающих ртутью пластин покоились в мягких гнездах из пористого пластика.

– Здесь полный набор. Два метаболических импланта, расширитель сознания, чип мью-фона и стандартный боевой. Колонии скоргов стабилизированы от размножения и запрограммированы. Даже плющить после вживления не будет. Просто прижмешь к коже, они сами прилипнут… – торопливо и сбивчиво объяснял он. – Тут вот и инструкция есть, как, что делать. Не пожалеешь! Знаешь, сколько такой набор на сталкерских рынках стоит? За год не заработать!

– На стол положи. Футляр закрой.

Максима трясло. Он не смог. Не смог убить. Элементарно чуть сильнее сжать пальцы, чтобы хрустнул кадык этой твари!..

Пингвин положил футляр с имплантами на стол и вдруг кинулся к Максиму, протягивая руки.

Вот тут рассудок Максима помутился окончательно. Неизвестно, что именно пытался сделать мнемотехник – напасть или просто молить о пощаде. Максиму уже стало все равно, сначала он инстинктивно подался назад, а затем, отпустив автомат, что есть силы ударил Пингвина по рукам.

В аффекте он позабыл, что на нем теперь надета оснащенная сервомускулами броня и каждое движение, особенно резкое, автоматически усиливается в десятки раз.

Раздался хруст ломаемых костей, сдавленный вскрик, и грузное тело Пингвина вдруг обмякло, оседая на пол. Глаза мнемотехника закатились, обе его руки, сломанные в запястьях, были вывернуты неестественным образом.

Макс несколько секунд стоял в оцепении, глядя на бесчувственное тело. Первая мысль – что я наделал? – промелькнула и исчезла.

Уходить надо. Демон теперь совсем озвереет. Сначала Греха пристрелили, теперь вот Пингвин…

О других мотыльках Максим уже не думал. Схватив со стола футляр с имплантами и снова опустив забрало гермошлема, Максим бросился прочь, благо схему подвалов он изучил досконально и выбраться незамеченным не составило для него особого труда, даже в полувменяемом состоянии.

* * *

Окончательно прийти в себя удалось лишь в руинах.

Отдышавшись после рискованной пробежки, через секторы, контролируемые группами механоидов, Максим забрался на второй этаж одного из зданий, чтобы осмотреться.

Глупо все вышло. Не месть, а грабеж.

На душе стало совсем скверно. Что дальше делать? Как выживать?

Получив долгожданную «свободу», Максим совершенно не знал, как ею воспользоваться.

Прав был Антрацит. Никто не ждет его за Барьером. Нет там ни дома, ни средств к существованию. А тут? Куда ни посмотри – везде тупик.

Его сознание, надломившееся после Катастрофы, теперь окончательно погружалось в сумерки. Вроде бы в руинах притаился человек, сумевший на протяжении нескольких месяцев выжить в отчужденных пространствах, но если посмотреть с другой стороны, разве все происходящее с ним не являлось стечением обстоятельств, напору которых он практически и не сопротивлялся? Разве сознательно он вышел навстречу пульсации? Нет. И артефакты добывал от случая к случаю, и перед Пингвином трясся, словно осиновый лист на ветру, и Антрацита спас от безвыходности, потому что боевики Ковчега загнали его в то злополучное здание. Шкуру он свою спасал любыми доступными способами и, не прикатись ему под ноги плазменная граната, брошенная егерем, ни за что не отозвался бы на слабые стоны, не полез бы внутрь Адского Клондайка.

Тяжелые мысли ворочались в голове.

Выжить на крохотном, ограниченном радиусом дневных вылазок пятачке руин – это одно, а стать сталкером – совершенно другое. У Максима не было главного – он не видел перед собой ясной, значительной цели. Его смысл жизни потерялся давно и безвозвратно, но Пятизонье уже успело воздействовать на душу и разум, наложив неизгладимый отпечаток на каждую мысль.

Вернуться назад, снова погрузиться в серый мир, перебиваться продажей разного хлама, найденного в обломках зданий, где каждый предмет кричит о сотнях, тысячах вмиг оборванных Катастрофой судеб?

Максим встал, огляделся вокруг и шагнул к лестнице, уводящей выше.

На уровне пятого этажа фрагмент здания начал истончаться, две стены да чудом уцелевшие лестничные марши сходились углом, искаженные пульсациями, они выглядели чуть согнутым, указующим перстом, тянущимся к небесам.

Максим узнал это место по рассказам других сталкеров. Между собой они называли огрызок здания «Вышкой». Говорили, что с самого верха, оттуда, где раньше находилась позиция ковчеговских наблюдателей, открывается вид на весь город и его окрестности.

Он не понимал, зачем карабкается вверх, преодолевая этаж за этажом. В каждом его действии чувствовалось что-то гибельное, фатальное.

На уровне девятого этажа истончающиеся кверху руины попали во фронт волны аномальной энергии во время одной из пульсаций. Располагавшаяся тут площадка наблюдательного поста, с которой боевики Ковчега контролировали прилегающую зону руин, теперь искаженная, деформированная, превратилась в абстрактную фигуру из бетона, арматуры и пластика. Ровных участков поверхности практически не осталось, и Максим с трудом пристроился на одном из выступов, вцепившись в торчащие прутья ржавого металла.

Верхнюю часть здания ощутимо покачивало под порывами ветра.

Он осмотрелся.

От высоты закружилась голова. Непривычно яркий свет струился от хмурых небес. Внизу простирался огромный город, вернее, все, что от него осталось, – скелеты зданий, кварталы руин, еще сохранившие планировку улиц погибшего мегаполиса. Все это тонуло в дымке – оказывается, в руинах таилось множество источников тепла, и морозный воздух над ними курился белесым маревом.

Максим на миг представил себе иную картину.

Стекло и бетон. Отдельными островками высокие, изящно спроектированные, легкие, кажущиеся невесомыми, устремленными ввысь комплексы зданий. Между ними кварталы старой застройки – потемневшие от времени коробки девяти – и двенадцатиэтажных домов, – неистребленное наследство эпохи погибающего социализма, кое-где видны промышленные районы, конические трубы исполинских диаметров царят над ними, выбрасывая густые, косматые, изгибающиеся под напором ветра

столбы теплого воздуха, мгновенно превращающегося в пар…

Он моргнул, и видение исчезло.

Осыпалось стекло с фасадов удивительно красивых высоток, оставляя взгляду безобразные скелеты монолитных конструкций. Текучие реки огней, пригрезившиеся на автомагистралях, поблекли, истаяли, лишь кое-где на обрушенных эстакадах и лепестках изящных дорожных развязок ржавели редкие кузова сгоревших дотла машин.

Руины города жили, над ними, как и в прошлом, дрожал, струился, теплый воздух, но теперь его источником являлись не промышленные комплексы и жилые застройки. Десятки тысяч механоидов, больших и маленьких, разбросанных по руинам, таящихся во тьме подвалов, передвигающихся по улицам разрушенного мегаполиса, вызывали ощущение страшной подмены, непонятной, неправильной, неуместной эрзац-жизни…

Максим, затаив дыхание, смотрел на укутанный дымкой город.

Зрелище завораживающее, нагоняющее жуть. Он никогда раньше не задумывался: что такое цивилизация, что означает этот набивший оскомину термин? Внезапно, остро и болезненно вспомнилось то прошлое, что осталось за чертой Катастрофы.

Он вспомнил, как жил и учился, через раз ходил на лекции в институт, пропуская не только мимо ушей, но и мимо рассудка кажущиеся нудными рассуждения преподавателей. Некоторые дисциплины он считал откровенно скучными, устаревшими, ненужными. Зачем ему, к примеру, история каких-то прошлых, темных веков? Что ему за дело до тысяч поколений, канувших в Лету? Зачем ему знать общественное устройство гигантских человеческих муравейников? Максим всегда считал, что цивилизация, государство – понятия условные, абстрактные, никак его напрямую не касающиеся.

Болезнь поколения, выраженная в нем.

Максим одинаково презирал тех, кто целеустремленно, без компромиссов, карабкался по головам, с юности стремясь вверх по карьерной лестнице, измеряя жизнь личными успехами, и тех, кто не рвался ввысь, довольствуясь скромным положением рядовых служащих, рабочих, – тех, кого принято называть обывателями, кто – лишь винтики гигантского механизма.

И вот их не стало.

Не стало тех, кто подавал свет и тепло в дома, кто привозил свежий хлеб в ближайший магазин, убирал улицы, ремонтировал коммуникации, строил дома, охранял порядок…

Они исчезли – и цивилизация рухнула, а он, привыкший брать все, не задумываясь, откуда приходят привычные, естественные для него блага, мгновенно оказался за бортом жизни, потому что серая, кажущаяся безликой масса людей на самом деле и являлась *цивилизацией*, труд миллиардов, складываясь воедино, растил города, производил машины, наполнял магазины продуктами питания, позволяя таким, как Максим, любить себя и презирать других, валяясь на диване у сферовизора, с банкой пива.

Мысли промелькнули и исчезли.

Он выжил. И теперь поздно думать, все равно ничего не изменишь.

Итог стремительного научно-технического прогресса, помноженный на измельчание душ поколения пользователей, распростерся внизу, темными уродливыми ущельями улиц, кварталами руин, где новая реальность прорастала серебристыми побегами автонов и неживые порождения все той же цивилизации искали иной, уже абсолютно непостижимый для человека смысл, начиная виток механической эволюции…

Максим не привык напрягаться, анализируя происходящее.

Все здравое, запоздалое, горькое, что промелькнуло в рассудке, толкало лишь к одной мысли, единственному вопросу: что делать *мне*? Как выжить?

Он машинально достал тонкий футляр с имплантами.

Самовживляемые, – вспомнился комментарий насмерть перепуганного мнемотехника.

Ну, это Пингвин загнул от страха… Хотя инструкция действительно отображалась на крохотном экранчике, вмонтированном в футляр. Максим с нездоровым любопытством рассматривал условную человеческую фигуру и пятнышки маркеров, поясняющих, к каким участкам кожи следует прижать тот или иной имплант, чтобы инициировать жуткую процедуру.

«Нет. Я не смогу». Страх перед скоргами, въевшийся в подкорку, судорогой сводил руки.

Нужно идти к Антрациту, – подумал Макс. – *Он поможет. Хватит уже метаться по руинам в поисках гибельных приключений. Без имплантов я обречен*.

* * *

Мнемотехник не обманул: искусно сделанная имитация бетонной плиты легко скользнула в сторону, открывая доступ к дверям убежища, стоило ему подать сигнал условным стуком.

Миновав короткий тамбур, он вновь оказался в полутемном подвале.

Антрацит встретил его настороженно.

– Ну, как? Решил свои проблемы? – спросил он, пропуская Макса внутрь. – Там какой-то переполох в лагере. Твоя работа?

– Нет, – покачал головой Максим. – Кто-то из мотыльков торговца пристрелил, прямо в магазине, да сбежал. Демон со своей бандой теперь крайнего ищут[9].

– Доигрался. – Антрацит криво усмехнулся, затем вновь пытливо посмотрел на Макса. – А у Пингвина как дела?

– Я ему, кажется, обе руки сломал… – Максим присел за стол. – Дело у меня к тебе.

– Выкладывай.

Вместо ответа Максим достал полученный от Пингвина футляр с имплантами.

– Ты был прав. Во Внешнем Мире мне ловить нечего. Но и тут мотыльком не выжить. Поможешь вживить? Я сам боюсь. Тут хоть и написано, что скорги нейтрализованы от размножения и сконфигурированы в стабильные устройства, но все равно – страшно. Вдруг что-то не так пойдет? Или дефект обнаружится?

– Сталкером решил стать? – Антрацит холодно взглянул на Макса, затем перевел взгляд на футляр. – Ладно. – Он, видимо, принял какое-то внутреннее решение. – Только давай договоримся: ты убираешь эту ковчеговскую дрянь с глаз моих долой и больше никогда, слышишь, НИКОГДА не пытаешься пользоваться продукцией мнемотехников Хистера!

– Это почему? Пингвин сказал – импланты последнего поколения и стоят очень дорого.

– Не солгал. – Антрацит презрительно скривился. – Их цена – твоя жизнь. Очередное рабство, только у Хистера. Давай все же договоримся, Макс, если ты обратился ко мне за помощью, то об этих штуках забудь. Они через пару месяцев сначала сбоить начнут, затем вовсе откажут. Сколько уже народа таким образом в лапы Ковчега попало – не счесть. Идиотизм! Сталкеры сами, за свои кровные, покупают рабские ошейники! Хистеру же – двойная прибыль. И импланты продает, и новых бойцов группировки автоматически получает.

Максим растерялся.

– Но других имплантов у меня нет…

– Не беда. – Антрацит ободряюще хлопнул его по плечу. – Я помогу.

Конечно, процесс не такой безболезненный, как реклама рисует, зато результат гарантирую.

– И сколько будет стоить твоя помощь?

– Забудь. Ты уже все оплатил. Я свою жизнь ценю дороже комплекта экипировки.

Максим тяжело задумался. Очередной радужный пузырь лопнул, его вновь терзал страх и сомнения.

Закрыв футляр с самовживляемыми имплантами, он сунул его в карман экипировки, с сомнением взглянул на Антрацита, не зная, соглашаться или нет.

Тот, похоже, не собирался уговаривать Макса или давить на него. Имплантация – дело сугубо добровольное. Другое дело, если сталкер уже инфицирован скоргами, тогда действительно выбора нет.

– Не напрягайся. Подумай. Я тебя не гоню. Денек можешь у меня пожить. Есть хочешь?

Максим кивнул.

– А что ты мне вживишь? – собравшись с духом, спросил он.

– Скоргов. – Антрацит с едой мудрить не стал, извлек два сухих пайка, вскрыл их достал саморазогревающиеся контейнеры с пищевыми концентратами. – Нет, ну ты как маленький, ей-богу. Сам ведь прекрасно знаешь, что любой имплант – это стерилизованная, сконфигурированная и запрограммированная должным образом колония микромашин.

– Если честно, я плохо разбираюсь в имплантах, – признался Максим. – Слышал, что вроде бы скорги – это эволюционировавшие нанороботы, верно?

Антрацит кивнул.

– Да, скорги – наша, земная, человеческая разработка, – уверенно подтвердил он. – Их военные создали.

– Так зачем же они их выпустили?

– Катастрофа, – скупо ответил Антрацит. – Ты ешь, а то остынет. В пятьдесят первом, когда аномальные пространства образовались, первой пульсацией секретные хранилища взломало. Так и получилось, что наномашинные комплексы между собой перемешались и на свободу вырвались. Нет никакой мистики, Макс, что бы тебе ни говорили другие сталкеры. Поверь, я знаю. Из-за того, что колонии микромашин разных специализаций перемешались между собой, получилось, что исходные штаммы исчезли, а из собранных пульсацией микрочастиц появились новые, видоизменившиеся комплексы. Их объединяла только одна задача, которую невозможно исказить, – опция самовоспроизводства и

самоподдержания. Так и возник технос, если не вдаваться в подробности. Ты сам-то подумай: если б скорги не нами были разработаны, откуда у них взялась бы совместимость с человеческим организмом? Как бы они сумели поддерживать жизнь человека, проявлять полезные нам свойства?

Максим поперхнулся.

– Сталтехи, по-твоему, – это нормально? Реализация «полезных свойств», да?

– Сталтехи – крайность, – махнул рукой Антрацит. – Я их изучаю. Опасные твари, конечно, но технос их специально не выращивает. И скорги, как ты, наверное, думаешь, специально на людей не охотятся. Случай. Попала дикая колония наномашин в организм человека, а тот за помощью к мнемотехнику вовремя не обратился, или возможности у него не было, вот и начинает колония размножатся, захватывая человеческое тело как носитель. А окажись рядом мнемотехник, процесс можно остановить. Конечно, не всегда операции проходят успешно, решающую роль тут играет время – если сталкер инфицирован давно, то изменения становятся необратимыми.

– А зачем ты сталтехов изучаешь?

– Вот как раз пытаюсь выяснить, на какой стадии процесс неконтролируемого размножения скоргов еще возможно остановить и спасти если не человеческое тело, то хотя бы разум, личность, сознание, понимаешь?

Максим кивнул, хотя от всего услышанного его вновь начало трясти. Явления, о которых так спокойно рассуждал Антрацит, казались ему загадочными и непостижимыми.

– А ты как в Пятизонье попал? – спросил Максим, решив, что лучше сменить тему. – Зачем через Барьер пробрался? Неужели так хотелось сталтехов изучать?

– Судьба. – Антрацит поначалу нахмурился, напрягся, но затем мысленно махнул рукой. – Я здесь учился. В одном из институтов Академгородка.

– Ты что, катастрофу пережил?! – не поверил Максим.

– Угу. – Я в Россию приехал образование получить. А вышло так, что едва на пятый курс перешел, когда все случилось. – Он налил кипятка в кружки, заваривая растворимый кофе. – Меня первой пульсацией в Казантип выкинуло. Некоторое время, как ты, скитался в руинах Щелкова – есть такой город энергетиков неподалеку от Крымской АЭС, выживал. Затем не уберегся – проказу зоны подцепил. На мое счастье, к тому времени в бывшей атомной станции сталкеры поселились. Первые, кто

Орден основывал.

– Командор Хантер с Приорами?

– Ну да, они. Меня подобрали, с полгода выхаживали, имплантировали несколько раз.

– И что? Почему же ты оказался тут?

– Не прижился я в Ордене. Не нравится мне, что они пророчат. Не хочу, чтобы вся Земля превратилась в одно огромное аномальное пространство.

– Ну, тогда тебе в Ковчег надо. Они же за возрождение природы, против механоидов бьются!

– Сказки это, – сурово осадил Макса Антрацит. – Красивая обертка официальной идеологии. На самом деле Хистеру на природу наплевать. Удобно использовать «зеленые» идеи для прикрытия. Ковчег – это наци. Они хотят из людей полусталтехов сделать. Типа – человек будущего. Только это тоже вранье. Их лидер хочет завоевать Пятизонье. И опыты их направлены на создание полумашин-полулюдей. Зомби с нечеловеческими возможностями – вот кого они в лабораториях создают. Слава богу – пока безуспешно.

– А ты один против всех? – не удержавшись, съязвил Максим.

– Пока один. А там посмотрим. – Антрацит стал убирать со стола. – Не вечно же тут дикие законы процветать будут. Появятся и настоящие ученые, и армия все под контроль рано или поздно возьмет. Пятизонье надо изучать, а не воевать с ним.

– С механоидами не договоришься, – буркнул Максим.

– А я и не призываю с ними договариваться. Изучать, но новые технологии использовать осторожно, чтобы действительно заразу по всей Земле не разнести.

Максим не нашелся что ответить. Антрацит странный. Вон весь подвал артефактами забит. Давно бы от своих имплантов избавился, недаром же мнемотехник, продал бы все – да назад к себе в жаркую Африку, жил бы припеваючи…

– На улице стемнело уже. Давай спать укладываться. – Антрацит потянулся. – Утром, если надумаешь, начну тебя к операции готовить.

– А сколько я тут пробуду?

– Если все успешно пройдет, с месяц проваляешься, пока скорги в симбиоз с организмом войдут. Сама имплантация – процесс недолгий. Важно проконтролировать последствия. Все. Ты думай. Я еще раз повторяю, неволить не стану. Автоматика тебя идентифицировала, если ничего дурного не сделаешь, выпустит в любой момент. Но я дважды свою

помощь не предлагаю. Захочешь уйти, уходи. Но тогда – мы квиты, понял?

– Да уж куда понятнее… – вздохнул Максим.

* * *

Той ночью он не смог уснуть.

Богатырский храп Антрацита только раздражал. Ни забот, ни хлопот у него. Неплохо устроился. Спит, как младенец, словно все ему нипочем.

В сумраке подвала тускло светилось несколько источников дежурного освещения. Кресло, над которым серыми угловатыми глыбами нависли блоки аппаратуры, предназначенной для проведения мнемотехнических операций, как назло, постоянно попадало в поле зрения. Максим задевал его взглядом, ворочаясь с боку на бок, и сон вообще отшибало.

Ему казалось, что мнемотехник врет. Антрацит, как и Пингвин, наверняка преследовал какую-то личную цель. Почему он с таким непоколебимым упорством, даже озлобленностью, отвергал саму возможность вживления имплантов, изготовленных в лабораториях Ковчега?

Максим, как и многие из нас, оказался невосприимчивым к советам другого человека, пусть он хоть сто раз профессионал. Личный опыт выживания услужливо приводил доказательства, основанные на собственных наблюдениях – не далее как сутки назад он видел действия боевиков Ковчега, охотившихся на сталтеха и победивших его. Разве у них, действовавших уверенно, прекрасно контролировавших обстановку даже в границах дымопылевого облака, не стандартные ковчеговские расширители сознания?

Антрацит – мастер-одиночка. Ему не сравниться с мощью коллективного разума многих ученых, работающих в лабораториях группировки сталкеров. Он экспериментирует, ищет свой путь, пытается изобрести что-то новое, вот я и стану для него очередным подопытным – иной мотивации предложения Антрацита Макс не видел, да и не старался найти.

Измученный бессонницей, раздираемый страхом и сомнениями, он, прислушиваясь к храпу мнемотехника, все более утверждался в мысли, что попал в очередную ловушку. Утром Антрацит вскроет несколько н-капсул и инфицирует его, вживит колонии скоргов в организм, а после попытается их обуздать, сформировать на основе металлических частиц полезные устройства. Но зачем идти на такой риск, когда в футляре лежат уже готовые импланты?

Максим вновь открыл плоскую коробочку.

На крышке послушно заработал крохотный дисплей. Рядом с контуром человеческой фигуры высветились скупые, лаконичные, вселяющие уверенность строки инструкций.

Максим смертельно устал от страхов и сомнений. Ему казалось, что дожить до утра – нереально. Такого страха, как тот, что внушало мнемотехническое кресло, он не испытывал никогда. Нервная дрожь пробирала до самых костей, от переживаний кружилась голова и ломило мышцы.

Нет. Я не могу….

Он встал с жесткой импровизированной койки – обычного пластикового контейнера, застеленного двумя старыми одеялами, прислушался к храпу Антрацита, воровато огляделся и начал облачаться в боевую броню.

Действуя под напором страхов, рожденных в его же собственном сознании, подступивших к горлу очередным удушливым спазмом, он торопился, словно украл что-то и теперь хотел только одного – бежать с добычей, пока его не застали на месте преступления. Сейчас все слова мнемотехника казались лживыми, доводы – неубедительным, а вот пример боевиков Ковчега, так лихо расправившихся со сталтехом и едва не убивших самого Максима, казался едва ли не эталонным наглядным пособием, дополняющим скупые утверждения оптимистичных инструкций, высвечивающихся на дисплее футляра.

Облачившись в броню, он, не включая сервомускулатуры, пробрался к выходу, постоянно прислушиваясь к храпу мнемотехника, опасливо косясь на индикационные огни закрепленного под потолком помещения охранного комплекса.

Здравый смысл давно потонул в адреналине.

Чувства, владеющие Максимом, толкали его к паническому бегству, отвергая возможность выбора, – собственные сомнения и страхи казались сейчас абсолютно обоснованными.

Дождаться утра, последовать «добрым» советам Антрацита – означало обречь себя на муки в жутком кресле, самому положить голову на плаху…

Он с замиранием сердца коснулся сенсора, управляющего механизмом дверей.

От ожидания окрика спина покрылась липкой испариной.

Дверь дрогнула и начала открываться. Антрацит не солгал: автоматика убежища даже не попыталась поднять тревогу или воспрепятствовать его попытке покинуть подвал.

Оказавшись на улице, Максим продолжал действовать, как в лихорадке. Включив сервоусилители бронекостюма, он, спотыкаясь, отбежал метров на десять, затаился, оглядываясь по сторонам, чувствуя, что нервная дрожь только усилилась.

Над Новосибирской зоной отчужденных пространств этой ночью не на шутку разбушевалась непогода. С вечера из низких хмурых облаков валил снег, затем с наступлением темноты резко похолодало, усилился ветер, началась метель: снег, смешанный с крупными хлопьями пепла, налетал порывами, все пространство между небом и землей заполнилось мутной мятущейся пеленой, под стенами руин наметало сугробы, с уцелевших перекрытий ветер срывал, поднимая в воздух, закручивая мутными вихрями, мелкие крупицы серого смерзшегося пепла.

Максим поежился, хотя системы терморегуляции боевой брони работали исправно.

Решившись, сделав усилие, он шагнул в непогоду, двигаясь наугад. Ему вновь некуда было идти, вокруг простирались враждебные пространства, готовые убить его сотней различных способов.

Несколько часов он бесцельно пробирался через руины, обходя стороной обнаруженные сканерами ловушки и энергоматрицы механоидов.

Отчаянно жалея самого себя, он так же отчаянно жаждал положить конец страхам, решившись хоть на что-то…

Наконец, измученный, он забрел в какое-то здание. Здесь царило относительное затишье, порывы ветра, беснующегося снаружи, напоминали о себе лишь тоскливым подвыванием, и Максим, забившись в угол какого-то производственного помещения, долгое время сидел, прислушиваясь к заунывным звукам, затем, действуя, как в полусне, достал тонкий футляр с ковчеговскими имплантами.

Без них не выжить. Короткие, четкие инструкции, простота предполагаемого действия почему-то больше не успокаивали. Достать пластину серебристого материала, плотно прижать к коже в указанном на схеме участке тела, и… все?

Максим отчаянно хотел верить всему сказанному в инструкции, но, расстегивая крепления боевой брони, чувствовал, как мелко, противно дрожат пальцы рук, но не от холода – волны нездорового жара окатывали тело постоянной испариной. Он расстегнул ворот, предварительно сняв шлем и отсоединив шейное кольцо бронекостюма.

Две пластины метаболических имплантов, похожие на личные медальоны солдат, обжигали мгновенно вспотевшие ладони.

Он зажмурился, не чувствуя, как от страха из-под век хлынули

неконтролируемые слезы, а затем резким, неточным движением прижал обе пластины к горлу, с двух сторон от кадыка.

Некоторое время ничего не происходило, он сидел, давясь слезами, затем началось покалывание, Максим почувствовал зуд и, словно опомнившись, хотел содрать метаболические импланты, но куда там: обе овальные пластины уже впились в кожу. – Напрасно он драл пальцами горло – два серебристых пятна правильной формы уже внедрились в его организм.

От осознания случившегося перед глазами все внезапно поплыло, но отступать теперь было некуда. Справившись с навалившейся дурнотой, Максим теперь хотел только одного – скорейшего завершения жуткого процесса имплантации. Читая расплывающуюся перед глазами инструкцию, он сдирал с себя элементы экипировки, обнажая участки кожи, где должны располагаться остальные импланты, и поочередно прижимал одинаковые серебристые пластины к своему телу.

Наконец последний имплант прочно присосался к запястью, и он, едва живой от пережитого ужаса, бессильно привалился спиной к стене.

Голова кружилась. К горлу периодически подкатывала тошнота.

История мотылька-Макса завершилась. Он стал сталкером, но пока даже не подозревал, что сулят ему произошедшие перемены.

Глава 4

Руины Новосибирска. Ноябрь 2056 года… Спустя год после самоимплантации…

– Макс! Проснись, Макс!

Кто-то тряс его за плечо.

Максим с трудом открыл глаза. Еще находясь во власти сна, он не сразу понял, где находится и что вообще происходит.

Глухие подземные толчки. Нездоровый желтоватый свет, источаемый двумя потолочными панелями, длинные гротескные тени, мечущиеся по голым бетонным стенам.

– Пульсация! – Бледное лицо сталкера попало в поле зрения.

Сон как рукой сняло. Вскочив, Максим начал быстро экипироваться. Пол под ногами ощутимо содрогался.

– Давно началось?

– Да минут пять уже! Спишь, как младенец!

Максим ничего не ответил, лишь искоса посмотрел на Слона, затем вопросительно взглянул в сторону сноровисто собирающегося в путь Эльдара.

– Чего суетитесь? – наконец произнес он.

– Так пульсация же! – Слон обернулся. – Макс, будешь тормозить, без тебя уйдем!

Максим лишь криво усмехнулся. Слон – жадный до артефактов сталкер. В Пятизонье больше года, а все еще не расстался с иллюзиями. Накопал где-то информацию о чипах-блокираторах, которые якобы способны глушить импланты, нейтрализовать их пагубное воздействие на организм за пределами Барьеров. Мол, испытания эти чипы уже прошли, ими сейчас военных начали оснащать, а вскоре обещали и на сталкерских рынках в свободную продажу выпустить, вот и охватила некоторых золотая лихорадка. Слон, к примеру, всерьез готовился стать богатым и независимым, считал, что нужно лишь артефактов побольше накопить к тому моменту, как блокираторы появятся в свободной продаже…

Максим, пережив самоимплантацию, испив чашу нечеловеческих лишений, связанных с периодом психологической и физической адаптации, давно расстался с иллюзиями и к различным слухам относился со скепсисом.

Подземные толчки постепенно пошли на убыль.

– Остынь. Еще искажения не прошли! – Он придержал Слона, уже направившегося к узкому лазу, ведущему на поверхность.

– Подождем. – Эльдар одобрительно взглянул на Макса. Вольный сталкер-одиночка, хорошо знакомый с коварством аномальных пространств, не торопился, как Слон, навстречу смерти. Его спокойная рассудительность не раз выручала стихийно возникшую группу сталкеров от серьезных неприятностей. Если бы не ранение, результатом которого стала хромота, Эльдар бы по-прежнему промышлял в одиночку, но пришлось поступиться привычками. Потеря подвижности серьезно осложнила жизнь, и теперь он предпочитал действовать в составе группы.

Слон неохотно подчинился. Присев на пластиковый контейнер, он угрюмо уставился в пол.

Максим тем временем закончил экипироваться, окинул взглядом небольшое помещение. Схрон, оборудованный кем-то после Катастрофы, а затем покинутый хозяевами, он отыскал случайно. В подвальном помещении, куда не добрались вездесущие скорги, Максим обнаружил самодельную электропроводку, генератор с полностью израсходованным топливом, несколько электрических обогревателей, полуистлевшую одежду, некоторые предметы меблировки.

Пару месяцев он жил тут в полном одиночестве, затем как-то раз повстречал Слона и Эльдара. Нельзя сказать, чтобы они сдружились, но втроем было спокойнее, надежнее, что ли?

Холодный сырой подвал постепенно переоборудовали, сохранившиеся электроприборы подключили к трофейному «Сердцу зверя», узкий осыпавшийся лаз расчистили и закрыли глухой пластиковой дверью, найденной неподалеку, в руинах. В общем, обжились, притерлись друг к другу. Звезд с неба не хватали, но и не бедствовали.

Слон был веселым и разговорчивым, Эльдар, напротив, молчаливым, даже угрюмым. Макса они ценили, но не только за предоставленное убежище. С некоторых пор у Максима начали развиваться способности метаморфа, и это серьезно облегчило жизнь стихийно возникшей группе вольных сталкеров.

– Ладно. Пошли, – произнес Эльдар.

Максим согласно кивнул. Самое время. Вал аномальной энергии уже прокатился через разрушенный мегаполис, и на десять-пятнадцать минут все механоиды в округе вырубились – у исчадий техноса по непонятной причине сразу после пульсации непременно происходил сбой и перезагрузка систем.

Слон, сгоравший от нетерпения, уже открывал дверь, подпертую

изнутри несколькими обломками бетонных конструкций.

* * *

В руинах завывал ветер. Еще вчера шел дождь, а сегодня с утра подморозило, и стены полуразрушенных зданий с наветренной стороны покрывала искрящаяся корка наледи.

Со стороны тамбура доносились отчетливые звуки боя.

– Что-то рано егеря из бункеров повылазили. – Слон остановился, осматриваясь.

В пределах прямой видимости обездвиженных пульсацией механоидов не наблюдалось, и он разочарованно вздохнул.

– Пошли к энергополю, – предложил Эльдар.

Максим ничего не ответил. Он прислушивался к далекому гулу, доносящемуся, как показалось, с большой высоты, из-под купола Барьера.

– Похоже, вертушки! – произнес он.

– Да ну, брось! – Слон нетерпеливо отмахнулся. – Вертолетам нужно время, чтобы Барьер преодолеть. Военные часа через два после пульсации начинают прочесывание, не раньше. Здесь тебе не Сосновый Бор![10]

– А если они прошли через Узел? – засомневался Максим.

– Во, загнул! – Слон выразительно покрутил пальцем у виска. – Такой техники еще не разработали, чтобы через аномалию пространства ее перебрасывать. Да и самоубийц среди пилотов нет. Пошли, Макс, времени в обрез!

Эльдар в разговоре не участвовал, лишь недобро поглядывал на небеса. Крупные снежинки срывались с низких облаков, кружили в воздухе. Скоро поднимется ветер, начнется метель. После пульсации всегда наступает затишье, но длится оно недолго…

Сталкеры углубились в руины, двигаясь к ближайшему энергополю.

– Я тут место одно знаю. – Слон шумно дышал, перебираясь через низкие огрызки стен. – Примерно с полкилометра отсюда. Натуральное технокладбище. Там механоиды что-то между собой не поделили. Пробовал подобраться, но бесполезно. Скоргами все кишит. Руины, что минное поле – одни ловушки.

– Это где раньше школа была? – поинтересовался Эльдар. – Трехэтажное здание, искаженное пульсацией?

– Ну, да. Вокруг металлокустарники плотной стеной, а в центре нагромождение подбитой техники.

– Туда без мнемотехника не попасть, – осадил его Максим.

– А если издалека, лазером? Ну, типа просеки сделать? – не унимался

Слон.

– Сам же сказал: ловушек много. Макс прав – без мнемотехника туда лучше не соваться, – произнес Эльдар.

Слон приуныл.

– А я все равно попробую, – неожиданно заявил он. – Надоело по мелочи перебиваться.

– Так шел бы в сборщики н-капсул, – беззлобно поддел его Максим.

Гул постепенно приближался. Эльдар все чаще поглядывал на небо, словно предчувствовал беду. Драгоценные минуты уходили, а им на пути так и не попалось ни одного механоида, парализованного воздействием пульсации.

– Пустышку тянем. – Слон, когда не везло, всегда начинал ныть.

Максим остановился, сканируя окрестные руины.

– Есть!.. – внезапно встрепенулся он.

– Где? – Эльдар привалился к огрызку стены. Нога разнылась, идти было тяжело.

– Внутри здания. Кажется, в стену вкраплено. Тепловая засветка сильная. – Максим жестом указал направление. – Метров тридцать отсюда.

Эльдар кивнул, обнаружив термальную аномалию, а на ее фоне – паутину сложной энергоматрицы.

– Вижу… Вот только не разберу: что за тварь пульсацией принесло? Для механоида – слишком сложный сигнал.

– Но других вариантов нет. Пошли, проверим, пока скорги не очухались.

– Ладно. Проверим. – Эльдар, прихрамывая, направился к невысоким руинам, откуда исходило тепловое излучение. – Слон, следи за окрестностями, Макс, будь готов прикрыть меня искажением.

Максим помрачнел. Действовать в качестве метаморфа он откровенно не любил. Новые способности начали проявлять себя примерно через месяц после вживления имплантов. Поначалу он здорово испугался. В инструкции к набору ковчеговских модулей ничего не говорилось о вероятной специализации, но факт оставался фактом – однажды, попав в критическую ситуацию, едва не столкнувшись с механоидом на узкой тропе, он внезапно заметил, как реальность подернулась вуалью искажения. Вжавшись в простенок, Макс тогда замер, не шевелясь, и исчадие техноса не заметило его, проследовав мимо.

С тех пор все и началось. Сначала способность воздействовать на реальность проявлялась от случая к случаю, затем Максим понемногу научился контролировать ее.

Нужно сказать, что ощущение не из приятных. Каждый раз, выступая в качестве метаморфа, Максим испытывал жуткие искажения сознания, ему казалось, что голова начинает распухать, превращаясь в огромный дымчатый шар. Затем вокруг появлялись сизые струйки искажений, которыми он постепенно научился манипулировать, посылая в нужном направлении.

Вот и сейчас, получив условный сигнал, он остановился, закинул оружие за спину.

– Эльдар, что там?

– Пока не вижу. Прикрой меня, Макс. Слишком сложная энергоматрица, мне ее не прочесть, а выходить рискованно.

– Жди.

Максим присел в тесном простенке, закрыл глаза, нашел сканирующим излучением имплантов фигуру Эльдара и начал формировать искажение, мысленно создавая вокруг сталкера дымчатый кокон.

Слон притих, наблюдая за окрестностями, стараясь не смотреть в сторону Макса, скорчившегося у заиндевелой стены.

– Эльдар… Пошел!..

На некоторое время ватная тишина окутала руины, затем чип мью-фона передал осипший от волнения голос Эльдара:

– Нашел… Все, снимай искажение, Макс! Давайте сюда, это не механоид!

Слон разочарованно засопел.

Максим с трудом открыл глаза, со стоном выпрямился. Унять распоясавшееся сознание было так же сложно, как и заставить рассудок манипулировать реальностью. В такие минуты он ненавидел окружающий мир, клялся себе, что больше никто и никогда не заставит его насиловать собственный организм.

Без имплантированного «Сердца зверя», какими обычно пользовались сталкеры боевых специализаций, ему приходилось расходовать жизненные силы на постановку простенькой «вуали», а это, в свою очередь, оборачивалось тяжелыми последствиями: Максим чувствовал себя опустошенным, вялым, в голове пульсировала боль, все окружающее казалось враждебным, вязким, бессмысленным.

– Ну, ты как? – Слона раздирало любопытство, что же там нашел Эльдар, но бросить Макса он не решался.

– Нормально… Руку дай!

Кое-как поднявшись, Максим встряхнул головой, затем негромко

произнес:

– Пошли.

* * *

В руинах виднелся четкий след пульсации: лучевидный выброс аномальной энергии исказил остатки построек, судя по всему, он ударил наискось, сверху вниз.

Максим, пошатываясь, шел вслед за Слоном.

Миновав очередной пролом, они увидели Эльдара, присевшего на корточки подле кругового искажения, – разряд аномальной энергии вздыбил землю и частично задел руины. Противоположный край образовавшейся при ударе воронки располагался внутри здания, стена, сквозь которую прошел разряд, покрылась сеткой трещин, ее плавно изогнуло, вкрапленные в бетон фрагменты металла еще светились от нагрева.

Слон застыл как вкопанный.

– Что это такое?! – нервно сглотнув, выдавил он.

Из глубокой остекленевшей воронки, карабкаясь на десятиметровую высоту, пронзая стены окрестных зданий, вздымалась сложная металлоконструкция.

Эльдар выпрямился, отступил на несколько шагов.

Взгляд сталкера скользил по сюрреалистическому кружеву металлорастений, составляющих основу непонятной конструкции. Во многих местах виднелись следы нагрева, плавления, большая часть жутковатого «изделия», явно принесенного пульсацией из другого региона Пятизонья, совместилась с обломками стен – раскаленные металлические ветви толщиной в руку, причудливо изламывались, пронзали стены, вокруг клубился пар, но сканеры имплантов отсеивали помехи, выделяя яркие термальные контуры, позволяя рассудку сформировать целостное восприятие объекта.

Макса после манипуляций с реальностью еще бил нервный озноб, но – клин клином вышибают, дурнота практически исчезла, стоило лишь взглянуть на чудовищные размеры принесенного пульсацией фрагмента, осознать, что в его структуре присутствует нарушенная симметрия, и чувства вновь обострились, он мгновенно включился в ситуацию, высказав свое мнение:

– На механоида не похож. Эльдар, может, его из Пустоши принесло?

Сталкер кивнул, соглашаясь.

Слон поежился. О странных постройках, возведенных в Пустоши

полчищами эволюционировавших скоргов, он, конечно, слышал, в последнее время все только о них и говорили, но увидеть воочию обломок архитектуры техноса довелось впервые.

– Это что, реально – кусок городища скоргов?!

– А ты думал… – Эльдар, не обнаружив явного источника опасности, вернулся к краю огромной воронки. – Слышь, Макс, там за стеной какой-то механизм. Рискнем?

Максим подошел ближе.

Сканеры имплантов действительно прорисовывали в сознании смазанный тепловой засветкой контур… человекоподобной фигуры!

– Эльдар, там сталтех!

– Ну и что? Сталтех, механоид, какая сейчас разница? Его пульсацией перемололо. Нам артефакты нужны или нет?

– Ладно. Пошли. – Максим обернулся. – Слон, останешься здесь.

– Нет! Я с вами!

Максим спорить не стал. Когда речь заходила об артефактах, страх у Слона мгновенно улетучивался.

* * *

Через пару минут, осторожно пробираясь меж сочащимися жаром металлическими ветвями, они проникли внутрь полуразрушенного здания.

Действительно, в сумраке руин, среди красноватого сияния, у противоположного края воронки виднелся контур человекоподобной фигуры.

Слон невольно остановился.

Исчадие техноса по пояс вогнало в землю. Над остекленевшим от жара скатом выступали лишь плечи и голова…

– Да это не сталтех! – раздался удивленный возглас Эльдара.

Максим присмотрелся, согласно кивнул и отвернулся. Видно, бедняга не успел укрыться от пульсации. Смотреть уже не на что.

– Экипировка у него странная… – сдавленно произнес Слон.

– Военный. – Эльдар выпрямился. – Имплантов нет. Не повезло ему. Видишь, как бывает? По пояс в землю вогнало.

Слон тем временем подобрался ближе.

– Военный, да не из наших, – уверенно произнес он.

– В смысле? – не понял Максим.

– Экипировка западного образца. Он не из изоляционных сил.

– А ты разбираешься?

– Разбираюсь.

– Да какая теперь разница? – Эльдар раздраженно обернулся. – Только время потеряли. Пошли… – Он внезапно умолк – резкий приближающийся звук заставил его вздрогнуть, Слон метнулся к стене, Максим, находившийся рядом с проломом, выглянул наружу.

Боевой вертолет с эмблемой изоляционных сил на борту пронесся над кварталом руин, дважды отработал из курсовых орудий по невидимым для сталкеров целям и скрылся в пелене усилившегося снегопада.

– Бежим!

– Слон! Стой! – Максим догнал его, схватил за плечо. – Не мечись! Детекторами движения засекут! Эльдар, давай к нам!

Пока они выбирались наружу, из снежной пелены появились две военно-транспортные вертушки. Машины уверенно шли на посадку, снижаясь среди окрестных руин.

Теперь гул накатывался со всех сторон. К рокоту двигателей добавился резкий сухой перестук очередей, выпущенных из вертолетных пушек, дважды неподалеку ударили взрывы.

Погода резко ухудшилась, но для модифицированных «К-87», барражирующих над кварталами руин, снежный заряд и поднявшийся порывистый ветер не являлись помехой. Опытные пилоты, управляющие первоклассными машинами, прекрасно ориентировались среди непогоды, они вели избирательный огонь по наиболее опасным из обнаруженных механоидов, расчищая десантным группам зоны высадки.

Максим мысленно выругался.

Вокруг, куда ни направь сканирующее излучение имплантов, читались энергоматрицы бойцов, облаченных в тяжелые бронескафандры.

Слон и Эльдар не нуждались в его комментариях. Они наблюдали точно такую же картину.

– Туда! – Максим указал в сторону искаженного пульсацией, покрытого коркой льда лестничного марша. – Наверх!

Эльдар первым выбрался на площадку второго этажа. Выше руины не поднимались, огрызок межэтажного перекрытия просел, вокруг хаотично громоздились обломки… Что делать?

– Так, вырубаем питание экипировки! – Он указал на несколько обледеневших бетонных плит. – Спрячемся там! Мью-фоны переключить на прием! Макс, тебе придется еще раз поставить искажение.

– Я не могу. Сил не осталось.

– Найди! Мы со Слоном тебя прикроем! Других вариантов нет! Надо пересидеть! Они не станут обшаривать каждый уголок руин!

– Ладно! – Максим осмотрелся, выбирая позицию, затем протиснулся

в расселину между двух искрящихся изломами льда, рухнувших друг на друга, частично раздробленных лестничных маршей.

Выключив все системы экипировки, он тут же ощутил пронизывающий до костей холод – лютый порывистый ветер постепенно набирал мощь урагана, снегопад превратился в метель, крупинки снега и острые льдинки секли по броне, на забрале старенького, подаренного еще Антрацитом шлема начала образовываться наледь.

Может, действительно – не заметят?

Закрыв глаза, Максим сжался в комок. Перед мысленным взором несколько секунд плавали радужные пятна, затем горячей искрой вспыхнула боль. Его сознание стало расплывчатым, мысли гасли, зато напротив лестницы, перегораживая доступ на обледеневшую площадку, возникло серое, бесформенное пятно – иллюзия поначалу получилась скверной, сквозь сформированное искажение пролетали крупицы снега и льда, но он старался изо всех сил, до тех пор пока изрядный фрагмент руин не оказался «вычеркнутым» из реальности. Теперь со стороны казалось, что лестница, по которой только что поднялись сталкеры, обрывается, а второго этажа у полуразрушенного здания вообще нет.

* * *

Слон притаился за глыбой бетона. Холод пронизывал, экипировка уже через минуту начала покрываться наледью, но он стоически терпел, понимая, что шансов выжить очень мало.

Переключив чип мью-фона на известную ему частоту, он настроился на прием.

Программа дешифратора, проанализировав перехваченную передачу, приступила к ее обработке, и через некоторое время он услышал голос:

– «Альфа-четыре», вызываю «Небо», прием!

Слон всматривался во мглу. Ветер сминал пространство, поземка стлалась вдоль земли, с наклонных плоскостей искаженных пульсациями зданий сдувало длинные, причудливо закручивающиеся космы снега, казалось, что все объекты в пределах видимости меняют очертания, а мир состоит исключительно из снега, ветра и льда.

– Слышу тебя, Четвертый.

– Вышли на заданную позицию.

– Начинайте прочесывание руин. Мы завершили зачистку тамбура, сейчас начнут прибывать подкрепления.

– Что-то быстро ковчеговские егеря сдались.

– Тут только трупы. Они и не думали сдаваться. Кто выжил, отступили

в бункера.

– В спину нам не ударят?

– Не подпустим.

– Понял тебя. Приступаю к прочесыванию. Приказ прежний?

– Да, без вариантов. Полная зачистка. Уничтожать всех, кто попытается оказать сопротивление.

* * *

Из мятущейся полумглы появились фигуры в бронескафандрах. Бойцы двигались цепью с интервалом в пять-шесть метров. Сканеры их экипировки обшаривали руины в поисках аномальных сигналов.

Внезапно один из бойцов остановился.

У Эльдара все похолодело, сжалось внутри. Неужели заметили?

Нет. Потоптавшись у огрызка лестницы, спецназовец направился к оставшейся после пульсации воронке.

…Мью-фон Эльдара, настроенный на прием данных в рамках сталкерской сети, включился с неожиданным сухим щелчком, и тотчас же рассудок захлестнули лаконичные, тревожные сообщения:

Массированный ракетно-бомбовый удар нанесен по постройкам техноса в Пустоши…

Генерал Щепетов отдал приказ о начале зачистки…

Армия пересекла границы Барьеров…

Масштабные столкновения между сталкерскими группировками и частями коалиционных сил…

Скупые строки повергали в шок.

Под удар неожиданной зачистки попал даже Орден. Военные нарушили негласный нейтралитет, бои сейчас шли недалеко от Цитадели, среди руин бывшего города энергетиков…

* * *

Отряд спецназа тем временем окружил искаженное здание, куда пульсацией вкрапило обломок постройки техноса.

– Объект обнаружен!

Слон напряженно слушал частоту военных.

– Четвертый, что у тебя?

– Фрагмент городища. Точнее определить пока не могу.

– Активность скоргов?

– По нулям. Найдено тело в бронескафандре.

– Один из них?

– Похоже. Не имплантирован. Экипировка иностранного производства. По пояс совмещен с грунтом.

– Извлечь! Обломок постройки техноса вторично сканировать. Не обнаружишь скоргов – пусть остается.

– Понял. Жду вертушку для эвакуации тела. – Командир обернулся. – Сташенко! Займись! Вырезать лазером, вместе с грунтом! Аккуратно!

* * *

Эльдар и Слон в немом оцепенении наблюдали, как двое бойцов извлекают тело неизвестного.

Шипение лазера, клубы пара, далекий рокот вертолетного двигателя.

Нервы напряжены до предела.

Палец Слона соскользнул к углублению в рукояти «ИПК», где прятался сенсор огня.

Вызванный по рации вертолет внезапно вынырнул из серой хмари, пронесся над головами сталкеров, едва не чиркнув шасси по невысокому огрызку стены. Пилота обмануло поставленное Максимом искажение, но столкновения не произошло.

Эльдар резко обернулся, жестом показывая Слону: *не дергайся, пронесло*, но поздно – тот не выдержал чудовищного напряжения – палец, елозивший по бугорку сенсорной гашетки, рефлекторно отреагировал на острое чувство опасности, и сухая, короткая очередь располосовала тесное пространство, опрокинув в снег двоих бойцов спецназа.

* * *

Максим отчетливо слышал звук очереди, выпущенной из «карташа».

Он не сумел отреагировать мгновенно, не хватило сил, к тому же отключенное энергопитание экипировки ограничивало подвижность.

Тщательно поддерживаемая вуаль искажения внезапно порвалась – острое чувство непоправимости происходящего вторглось в рассудок Максима, сбивая концентрацию, сводя на нет все усилия.

Он отдал мысленный приказ через мью-фон на реактивацию систем экипировки, но и это действие уже не успевало за стремительным развитием событий.

Боевой вертолет, разворачиваясь над площадкой приземления, коротко и хлестко огрызнулся из курсовых орудий, снаряды, выпущенные по внезапно обнаруженным целям, снесли участок стены, наискось перечеркнули крохотный участок продавленного перекрытия, в оранжево-черных кустистых разрывах мелькнули и исчезли тела двух сталкеров.

Максим болезненно ощутил, как несущая метель осколков ударная волна накрыла его, что-то тяжелое ударило в грудь, парализовав дыхание, он выгнулся, но не издал ни звука. Оглушенный, отброшенный взрывом, он краем сознания еще воспринимал реальность: звук шагов по обледеневшей лестнице, короткую очередь, чей-то вскрик, затем хриплый голос произнес:

– Все чисто.

* * *

В сознание его привела боль.

Первый порыв – вскочить и бежать – пресекли неработающие подсистемы экипировки. Ни один усилитель мускулатуры не отреагировал на рефлекторное движение мышц, и Максим обмяк, остро осознав всю безнадежность своего положения.

Секундный прилив сил позволил осуществить мгновенное сканирование – действие для сталкера рефлекторное.

Военные ушли.

Холодно…

Сознание вновь угасало.

Ледяной ветер выдувал из скорчившегося тела сталкера последние частицы тепла.

Постепенно реальность сменилась бредом.

Треклятый холодный зеленоватый свет – предвестник еще одного близящегося катаклизма – затопил руины города, бесноватый ветер внезапно утих, но Максим уже не верил ощущениям.

Две пульсации в один день с интервалом в несколько часов – событие невероятное[11].

Забрало защитного шлема покрывала корка льда, и лишь в одном месте осталась небольшая проталина, сквозь которую он смутно различал, как на фоне гнетущего затишья в ореоле обжигающе-холодного свечения медленно кружат крупные хлопья снега.

Бредовые видения становились отчетливее, ярче. Максим более не ощущал своего замерзшего тела, мышцы потеряли чувствительность, но мозг продолжал работать, ткань невероятного замкнула сознание в кокон предсмертных иллюзий.

Ни страха, ни горечи он не испытывал.

Клочок неба, различимый сквозь проталину в наледи, внезапно подсветила яркая вспышка.

Облака гнало по кругу, они сбивались в плотную спираль, словно в небесах образовалась исполинская перевернутая воронка, из центра

которой истекал ослепительный свет.

Происходящее казалось медленным, тягучим, свет в небе разгорался все ярче, пока сияние вдруг не взорвалось, посылая к земле четко различимые стреловидные росчерки изумрудно-льдистых сполохов.

Сознание Максима помимо его воли задействовало все группы имплантов. Границы восприятия неожиданно изменились, словно он стал птицей, парящей высоко в небе.

Стрелы неживого света вонзались в руины мегаполиса, мгновенно порождая локальные очаги искажений, в центре которых расцветали горячие бутоны пламени – оранжевые вспышки, пронизанные черными прожилками дыма, закручиваясь грибовидными спиралями, устремлялись ввысь, лопались, истончались, – на миг все сущее представилось Максиму кипящим озером жидкого пламени, а затем…

…обжигающее дыхание сотен титанических ударов встряхнуло его, вернув болезненные ощущения собственного тела.

Максим закричал, но с его побелевших губ не сорвалось ни звука.

Земля ходила ходуном, взрывные волны, отражаясь от препятствий, блуждали в руинах, там, куда попадали холодные росчерки света, реальность искажалась: мерзлая земля, стены зданий, горы оплывшего мусора, тонны металла – все становилось мягким, податливым, будто воск, пологие волны искажений вспухали, как круги на водной глади, – они ширились, постепенно затухая, оставляя в эпицентрах попаданий раскаленные язвы, окруженные пологими отвалами новорожденных кратеров.

Жуткое, необъяснимое явление захлестнуло отчужденное пространство, заново перепахивая и без того разрушенный до основания город.

Сверхпульсация.

Интуитивное определение, возникшее в рассудке, было единственно верным.

Где-то в загадочных пространствах таинственного Узла пробудились дремавшие до поры силы. Максим понятия не имел, что привело их в действие, но ощущение нереальности происходящего исчезло. Обжигающее дыхание близкого разрыва растопило корку наледи на забрале защитного шлема, скорчившееся тело перевернуло, отшвырнуло в сторону, ударило об огрызок сочащейся жаром, извергающей пар стены.

Боль вернулась. Он с ужасом взирал на происходящее, едва ли осознавая, что воспринимает реальность уже не взглядом: его импланты вливали в рассудок гигантские объемы информации, но мозг реагировал

неадекватно, захлебывался, тонул в омуте невероятных ощущений, выталкивая лишь обрывочные фрагментарные образы, мысли…

…Над городом воцарились сумерки.

Удар сверхпульсации, несравнимый по мощи с обычными возмущениями Узла, нес в росчерках стреловидного сияния тонны вещества, вырванного из иных реальностей, перемещенного сквозь пространство, – предметы, создания техноса, обломки строений, фрагменты различных пород, пласты почвы – все это изверглось катаклизмом, частично совместилось с развалинами, вкрапилось в землю.

Максим не знал, какой прихотью судьбы он все еще жив.

На самом деле все объяснялось просто.

Скорги в его организме вели свою борьбу, имплантированные колонии наномеханизмов, запрограммированные мнемотехниками на достижение определенных задач, не дали погибнуть хрупкому биологическому носителю, они поддерживали искру сознания, поставляли информацию, невзирая на полное отсутствие у раненого, замерзшего сталкера воли к жизни.

Однако ситуация постепенно выходила из-под контроля наномашин. Два метаболических импланта не справлялись с упадком жизненных сил переохлажденного организма. Максим умирал, хотя для его спасения требовалось не так уж много: вновь подключить источник питания экипировки, вернуть в рабочее состояние временно отключенные системы жизнеобеспечения.

Сознание меркло. Резерв сил, востребованный в момент катастрофических событий, истаял, исчезла пугающая глобальность восприятия, и он покорно затих, смутно воспринимая лишь контуры близлежащих руин, укутанных облаками пара.

* * *

Странные, пугающие тени перемещались в сумерках.

Давно отгремели последние взрывы внезапного катаклизма, истерзанные руины сочились дымом и паром, кое-где на дне возникших в момент пульсации кратеров еще рдели пятна остекленевшей почвы. Те сталкеры и военные из групп зачистки, кому повезло выжить, не решались покинуть временные убежища, лишь механоиды из числа примитивов, не особо сообразительные, чтобы опасаться повторения внезапного удара, вернулись к прерванным пульсацией повседневным делам.

Максим то проваливался в небытие, то вновь возвращался в безрадостную, притихшую после сокрушительного удара угрюмую

реальность.

Обрывочные видения становились совершенно невыносимыми. Среди ледяного покоя отрешенности они воспринимались, как пытка.

Окрестные руины остывали неравномерно. Кое-где еще клубился пар, светились пятна расплава, до слуха доносился звук срывающихся капель воды, и тут же взгляд натыкался на толстую корку наледи или замысловатые узоры инея…

Внезапно что-то чуждое вторглось в рассудок умирающего сталкера, вновь приводя его в чувство.

Максим неожиданно увидел себя со стороны – беспомощную, распластанную на почерневшем фрагменте перекрытия, скорчившуюся у стены, частично заваленную обломками фигуру.

Чувство, пугающее до дрожи. Кто-то затаился поблизости, разглядывая его с настороженным любопытством.

Механоид?

Максим больше не мог вынести ощущений затянувшейся агонии.

Хоть бы все закончилось… поскорее…

Восприятие вновь изменилось. Взгляд со стороны исчез, оставив в надорванной душе жутковатый осадок.

Взгляд сталкера немного прояснился. От внезапного шокового ощущения он окончательно пришел в себя, рефлекторно попытался пошевелиться, но лишь разбудил тупую, ноющую боль во всем теле.

Его охватила злость.

Вокруг в морозном воздухе таяли белесые полосы тумана. Сумеречное освещение создавало множество серых полутонов, тени двигались, вот одна из них начала принимать контуры человекоподобной фигуры – уродливой, нелепой, низкорослой.

Бесплодная борьба с галлюцинациями доставляла лишь боль, срывала вуаль отчужденности, не позволяла вновь окунуться в спасительное забытье.

Низкорослый сталтех вышел из руин и начал медленно поднимался по искореженной, деформированной пульсацией лестнице. Где-то позади необычного существа был расположен источник тусклого света, и на огрызке стены перед прояснившимся взглядом Максима постепенно вырастала гротескная тень приближающегося исчадия техноса.

Он оцепенел.

Состояние беспомощности коверкало сознание, путало мысли, инстинктивный ужас, который он всегда испытывал перед сталтехами, на миг парализовал рассудок, а через несколько мгновений жуткое существо

появилось в поле зрения.

Максим не смог даже закричать.

Человекоподобный механоид невиданной конструкции приблизился к нему, присел на корточки, наклонил деформированную, вытянутую к затылку голову и замер, внимательно рассматривая неподвижного сталкера.

Видимо, он производил сканирование. Максим испытывал в эти мгновенья щекотливое покалывание, словно под его собственным черепом пробегали мурашки.

Существо потянулось к нему. Двухсуставчатая конечность коснулась экипировки, пальцы трехпалой кисти царапнули по композиту, сдирая налет инея.

Макс?

Скрежещущий голос зародился в сознании. Исковерканные фонемы царапали рассудок. Максиму казалось, что от внезапно нахлынувшего ужаса он сойдет с ума.

Существо, не дождавшись вразумительно ответа, не стало повторять попыток контакта. Оно смотрело на Макса, о чем-то размышляя, затем трехпалая кисть вновь потянулась к обледеневшей экипировке сталкера, пальцы царапнули по предплечью, сдирая наледь, затем раздался звук открываемой заслонки.

Сталтех повернул голову, разглядывая небольшую сенсорную панель, встроенную в предплечье потрепанной брони. Несколько минут, которые понадобились исчадию техноса на детальное сканирование пульта ручного управления подсистемами защитной экипировки, превратились для Максима в тягостную бесконечность.

Наконец, когда от напряженного ожидания развязки рассудок начал застилаться красноватым туманом, трехпалая конечность вновь пришла в движение, касаясь сенсоров в определенных последовательностях.

* * *

Человек никак не отреагировал на прикосновения к миниатюрному аварийному пульту, но существо не смутилось. Низкорослый сталтех, произведя реактивацию отсканированных и распознанных подсистем, счел результат вмешательства вполне удовлетворительным, выпрямился, еще некоторое время пристально смотрел в остекленевшие, широко раскрытые от ужаса глаза сталкера, затем развернулся и зашагал прочь, спустившись по обледеневшей лестнице и растворившись в сумраке руин.

* * *

Максим действительно потерял сознание от ужаса, но это уже не играло никакой роли.

Вмешательство исчадия техноса изменило его судьбу, сломало предначертанный финал. Бестолковая жизнь не завершилась беспомощной гибелью. Максим по непонятной причине получил еще один шанс, дарованный уже не людьми, а *техносом*.

* * *

Тьма…

Максим открыл глаза, с трудом пошевелился, затем, неловко повернувшись, упал с койки на бетонный пол.

Он затих, по привычке сканируя окружающее пространство.

Это же наше убежище!

Мгновенно нахлынули воспоминания. Некоторое время он лежал, не шевелясь, затем с трудом привстал, ухватился за край стола, с трудом поднялся на ноги.

Лицо горело. Первая мысль, конечно, была о скоргах. Откуда это жжение?

Он пошарил по столу, нашел осколок зеркала, вспомнил, где обычно лежал фонарь, слепо нашарил его, включил, со страхом взглянув на свое отражение.

Обмороженные участки кожи почернели и отмерли. Максим с ужасом и отвращением смотрел на себя, затем коснулся лица дрожащими пальцами, и темная корка вдруг начала отшелушиваться, обнажая свежие рубцы шрамов.

Сколько же прошло времени?

Неделя? Две? Месяц?

Бесполезно гадать. Он совершенно не помнил, как вернулся сюда.

Действительно ли его спас необычный сталтех или все произошедшее было лишь игрой воображения, сном разума, породившего чудовище?

Максим опустил руку, осмотрел подвал. На протяжении полугода он служил трем сталкерам надежным пристанищем, а теперь взору Максима предстало захламленное, исковерканное и опасное пространство. После удара той чудовищной пульсации перекрытие заметно просело, в одной из стен появился широкий пролом, снаружи виднелось несколько внушительных воронок. Как минимум десятка два диких колоний скоргов таились во тьме…

Моя экипировка? Где она?

Оказалось, что рядом. Элементы бронированной защиты были

свалены подле кровати.

Так… Он сел, тяжело дыша. Сначала – успокоиться. Затем – проверить экипировку. Все остальное подождет.

Занявшись делом, Максим действительно понемногу пришел в себя.

Экипировка, подаренная Антрацитом, в который уже раз доказала свою надежность. Подпалины и выщербины не в счет, главное – герметичность нигде не нарушена, и подсистемы работают как надо, по крайней мере, на тест реагируют адекватно…

Проверив снаряжение, он начал облачаться в боевую броню.

Импланты воспринимали близкое соседство диких колоний скоргов, и от этого становилось не по себе. Неужели я провалялся тут, пока заживали раны и обморожения?

Земля внезапно содрогнулась от далекого, глухого разрыва.

Вернувшаяся острота ощущений вновь пробудила частицу воспоминаний.

Он замер. Проклятье… Неужели это не было бредом?!

Ему опять вспомнился сталтех. Низкорослое исчадие техноса с двухсуставчатыми конечностями и длинным, вытянутым к затылку металлизированным черепом… Он был здесь… Следил за мной… Что-то делал подле жесткой койки… Минуты просветления рассудка всплывали в памяти жуткими фрагментами.

Для бреда или галлюцинаций слишком отчетливые, подробные, детализированные образы… Его опять охватила паника – вспомнилось, как мучила жажда, хотелось пить, казалось, что готов отдать все за глоток воды…

Затем память выдавила на первый план фигуру сталтеха.

Нет… Только не это!.. Опять он… С помятой флягой… Подносит горлышко к моим губам…

Максим обхватил голову руками.

Бред… Это бред… такого не могло случиться!

И вдруг как спасение – еще один фрагмент жуткой мозаики: он вновь ощутил себя лежащим на койке, слабым, изможденным, но полным решимости раз и навсегда покончить с навязчивым кошмаром. Закрыв глаза, Максим отдался во власть воспоминания, ощущая в ослабевшей руке вес импульсного пистолета.

Фигура сталтеха в очередной раз вынырнула из мрака.

Он поднял пистолет. Перед глазами все плыло, но он нашел силы, чтобы прицелиться и выстрелить.

Исчадие техноса вдруг начало исчезать. Одновременно с выстрелом

контур сталтеха исказился и вдруг истаял, словно был всего лишь миражом, сотканным из мрака.

Из горла Максима вырвался хриплый смех, похожий на клекот.

Ну конечно… ОН – всего лишь галлюцинация…

* * *

Завершив экипироваться, задавив жуткие обрывки воспоминаний, Максим решил: нужно выбираться отсюда, и как можно быстрее. Со своим бредом разберусь позже.

Последней операцией стало подключение «Сердца зверя», от энергии которого работали все системы боевой брони.

К удивлению Максима, заряд в накопителе оказался стопроцентным.

Он вновь насторожился. Кто зарядил энергоблок?

Не важно…

Снаружи вновь ударили взрывы, теперь уже серией.

Опустив забрало шлема, он подключил внешние сканеры, встал, проверяя работу усилителей мускулатуры. Порядок.

Теперь отыскать оружие и убираться отсюда…

* * *

Оружие он нашел без проблем, «ИПК» стоял на привычном месте у стены, в изголовье кровати, а вот выбраться наружу оказалось непросто.

Выход из подвала был завален.

Он медленно развернулся. Единственный путь к свободе вел через пролом, но до него еще нужно добраться. В наиболее разрушенной части подвала затаились дикие колонии скоргов.

Максим мысленным приказом подключил компьютерное зрение. Мрак исчез, как будто в полузасыпанном помещении внезапно включился источник подсветки, дающий возможность различать контуры предметов в серых тонах различной степени контрастности.

Медленно поворачивая голову, он еще раз осмотрелся, теперь уже более тщательно. Все же ковчеговские импланты оставляли желать лучшего. Например, расширитель сознания частенько притормаживал, если резко обернуться или мотнуть головой, картина окружающего смазывалась либо вовсе зависала, распадаясь на отдельные мозаичные фрагменты.

Внушительная брешь в стене, за которой смутно угадывался скат огромной воронки, рябила помехами. В самом подвале среди груд оплывшего мусора кое-где виднелись побеги металлорастений, между холмиками земли в ложбинках притаились ловушки нескольких типов.

Ближе всего располагалось пятно «Магнита». Различные металлические обломки, притянутые хищной колонией скоргов, постепенно поглощались ею, поверхность ловушки мимикрировала, маскируясь под бурый фон почвы. Чуть дальше между рухнувшими бетонными опорами протянулись невидимые для невооруженного взгляда тончайшие нити «Резака» – натянутые в струну паутинки, способные мгновенно рассечь самую прочную композитную броню. Если вовремя не заметить их, то, двигаясь в рост, можно запросто лишиться верхней части туловища.

Максим нервно сглотнул.

Снаружи то и дело раздавался грохот. Пробоину в стене озаряли вспышки разрывов. Где-то неподалеку шел бой, возможно, механоиды схлестнулись друг с другом…

Наметив безопасный маршрут Максим начал медленно смещаться вправо, огибая груду строительного мусора, но, не пройдя и нескольких метров, неожиданно наткнулся на разорванные, покореженные фрагменты достаточно крупного механоида, разбросанные вокруг конического углубления полуметрового диаметра.

Проклятье… Под потолком притаился «Архимед» – так какой-то из начитанных сталкеров прозвал ловушку, похожую на бешено вращающийся бур.

Обойти неожиданное препятствие оказалось непросто. По обе стороны от неглубокой ложбины, в грудах строительного мусора, появившихся после последней пульсации, притаились опасности иного толка: Макс ясно различал обломки компьютеров, источающих слабое электромагнитное поле. Внутри аппаратуры также таились колонии микрочастиц, терпеливо поджидающих жертву. По опыту он знал, скорги, обосновавшиеся в старых электронных устройствах, обычно вмешивались в работу сканеров и имплантов, заставляя сталкера оступиться, сделать шаг в роковом направлении…

Искать обходной путь?

Максим обернулся, намечая новый маршрут, более длинный, на зато теперь уж точно – безопасный, как вдруг из мрака в дальней части подвала появился знакомый до дрожи контур.

Тень, двигающаяся во тьме…

Нет…

Это галлюцинация…

Сталтех остановился. Затаившись во мраке, он уставился на Максима, а тот, не в силах пошевелиться, мучительно гадал: морок ли это, порожденный воздействием одной из диких колоний скоргов,

оккупировавшей старый компьютерный блок, или…

Макс…

Тусклый безликий голос вторгся в сознание, заставив совершить необдуманный, безрассудный поступок – рвануться напрямик.

«Архимед» промахнулся. Адский механизм не успел отреагировать на рывок сталкера, лишь впустую высек сноп искр, углубив коническую выемку в бетонном полу, а Максим уже преодолел десяток метров, отделявших его от бреши в стене, кубарем выкатился наружу, огляделся и, с облегчением заметив знакомые ориентиры, припустил бегом.

В его голове билась одинокая мысль, дающая надежду, объясняющая случившееся, – сбой в имплантах. Они были повреждены во время пульсации…

Антрацит… Он не откажет в помощи… Найдет поломку… Устранит эти дикие глюки…

Только бы добраться до его бункера… Только бы добраться…

* * *

Новосибирская зона отчужденных пространств. Убежище мастера-мнемотехника. Двумя часами позже…

Антрацит хмурился, сосредоточенно наблюдая за показаниями приборов.

Эх, Макс, Макс… говорил же я тебе… – сокрушенно думал он. – *Вообще-то странно, что ты продержался так долго.*

Программа тестирования запущена. В сфере голографического монитора появилась развертка данных: структура имплантов, их базовые характеристики, отклик на тестовый сигнал.

Непонятно… – Бровь Антрацита удивленно приподнялась. – *С каких пор ремесленники Ковчега начали выпускать* качественную *продукцию? Или Максу по ошибке достался набор, не предназначенный для продажи?*

Да, здесь было над чем подумать.

Данные тестирования противоречили многолетнему опыту вольного мастера-мнемотехника. Антрацит прекрасно знал: импланты, поставляемые из лабораторий Ковчега на сталкерские рынки, как правило, содержат мелкие изъяны, созданные *специально*. Низкое качество продукции обуславливалось конкретным техническим заданием: имплант должен отслужить своему хозяину два-три месяца, не больше, после чего наступали незначительные сбои, не смертельные, но приносящие беспокойство и дискомфорт, толкающие обладателя на контакт с изготовителями вживляемых устройств. Дальше все происходило по

заранее отлаженной схеме. Сталкер добровольно приходил в Ковчег, где ему обещали произвести «корректировку» программного обеспечения кибернетических модулей, но в действительности, сдав оружие и экипировку, он превращался в заложника, попадал под идеологический пресс либо становился жертвой незамысловатого шантажа, связанного с перебоями в работе метаболического импланта. Дальнейшая судьба сталкеров, оказавшихся в лапах Ковчега, не отличалась разнообразием. Наиболее стойкие бесследно исчезали, а те, кто послабее, попадали в казармы бункерных зон, пополняя ряды новобранцев группировки.

Конечно, среди правила существовали и исключения. На десять-пятнадцать «левых» наборов приходился один нормальный. Ковчегу требовались не только новобранцы, но и успешные вольные сталкеры, чей наглядный пример поддерживал миф о стопроцентном качестве выпускаемой в бункерах Академгородка продукции.

Выходит, Максу просто повезло? – размышлял Антрацит, повторно перепроверяя данные тестовой проверки, указывающие, что с имплантами все в порядке, в их структуре не обнаружено дефектов, да и функционируют вживленные модули без сбоев. – *Но как же быть с галлюцинациями? Списать на нервное истощение?*

Развернувшись вместе с креслом, Антрацит взглянул на изуродованное свежими шрамами лицо Максима. Да, досталось ему. Потерять друзей, получить ранение, попасть под пульсацию, медленно умирать на лютом холоде в отключенной от источников энергии бронированной скорлупе – такого и врагу не пожелаешь…

Но ведь выкарабкался, выжил. А сталтехов, если память не изменяет, Макс и раньше боялся панически. Так что природа кошмаров вполне понятна.

Не обнаружив явных отклонений в работе расширителя сознания, Антрацит включил комплексный сканер. После всего пережитого Максу не повредит банальное медицинское обследование.

Тонкая изумрудная полоска сканирующего излучения коснулась лба Максима.

Антрацит встал, разминая затекшие мышцы. Комплексный сканер работал медленно, и он, проверив крепления ремней, фиксирующих тело сталкера, направился к другому комплексу аппаратуры, собираясь продолжить прерванный появлением Максима опыт.

* * *

Прошел час, прежде чем изумрудная полоска вернулась в исходное

положение. Предварительное сканирование завершилось, теперь комплекс диагностической аппаратуры приступил к детальному исследованию обнаруженных в организме сталкера аномалий.

Антрацит слышал, как взвизгнул сервопривод сканера, затем раздалась тревожная трель – автоматика что-то обнаружила и требовала особых инструкций.

– Иду, иду… – Он мысленным усилием прервал контакт с колонией скоргов, вот уже месяц выращиваемой в особом герметичном боксе. – Ну что там? – Антрацит, большую часть времени проводящий в полном одиночестве, частенько разговаривал с окружавшими его агрегатами так, словно те были живыми. – Ну, показывай, что ты тут накопал? – Он уселся в кресло, запустил программу трехмерного моделирования.

Тускло вспыхнули три сферы голографического воспроизведения.

Антрацит взглянул на данные предварительного сканирования и вздрогнул, невнятно выругавшись.

Как чувствовал: что-то с Максом не так!..

На трехмерной модели, построенной по показаниям медицинского сканера, четко просматривались десятки темных пятнышек, вытянувшихся тремя цепочками. Первая группа инородных включений располагалась в районе груди, вторая протянулась через брюшную полость, третья, закрученная в спираль, притаилась в мозгу Макса.

Антрацит увеличил чувствительность и разрешающую способность аппаратуры. Теперь данные по каждой из заинтересовавших его областей выводились на отдельный голографический монитор.

Цепь темных пятнышек, расположенная в грудной полости, превратилась в отчетливо различимые вкрапления серебристых образований, соединенных между собой тончайшими металлизированными нитями, образующими сложную структуру: они пронзали грудную клетку, начиная ветвиться на границе мышечной ткани и кожных покровов.

За четыре года Антрацит повидал сотни инфицированных скоргами сталкеров. Кому-то он помогал, кому-то выносил приговор, но еще ни разу не сталкивался в своей практике с таким, мягко говоря, необычным случаем.

На кожных покровах Макса, за исключением месторасположения ковчеговских имплантов, он не нашел ни единого серебристого пятнышка. Где же очаг заражения? Как скорги проникли в организм Макса? Почему их не атаковали скоргофаги, вырабатываемые двумя штатными метаболическими имплантами?

«Инфицирование через дыхательные пути? – размышлял Антрацит. –

Возможно… Но это не объясняет странного поведения колонии диких скоргов. Почему она распалась на три изолированные друг от друга агломерации? Что стало причиной остановки их роста? Можно ли помочь Максу или он уже обречен?»

Антрацит обернулся, взял н-капсулу, положил ее в лоток, осторожно вскрыл, затем набрал часть серебристой субстанции в инъектор и ввел микрочастицы дикой колонии скоргов под кожу Максима, приготовившись в случае бездействия скоргофагов своими силами обезвредить очаг поражения.

Реакция не заставила себя ждать. Микроскопическое пятнышко, обозначившееся бугорком на предплечье, практически мгновенно потускнело. В объеме голографического монитора было отчетливо видно, как скоргофаги, выработанные метаболическими имплантами, переместились по кровеносной системе к точке заражения и уничтожили «чужие» микрочастицы.

Антрацит глубоко задумался.

Вне сомнения – передо мной зародыш сталтеха, – напряженно размышлял он, поочередно исследуя три обособленные группы металлизированных вкраплений.

Плетение тончайших металлических паутинок образовывало в груди Максима характерную, легко узнаваемую структуру, Антрацит не раз создавал аналогичные конфигурации, когда ему требовалось подключить «Сердце зверя» к имплантам сталкера. Отличие заключалось в том, что у Максима сформировался не один, а *десять* энерговодов, по непонятной причине остановивших свой рост на стадии девяноста девяти процентов готовности. Проще говоря, скоргам оставалось преодолеть лишь несколько миллиметров, пронзить кожу и сформировать контакты для подключения внешних источников питания.

Он перевел взгляд на соседний голографический монитор.

Аналогичная картина. Цепочка инородных вкраплений, обнаруженная в районе тазобедренных суставов, остановила развитие металлизированных нитей в миллиметре от костных тканей.

Почему скорги прекратили развитие, так и не захватив тело Макса в качестве носителя?!

Исследование, начатое как обычная диагностика, обернулось беспрецедентным случаем в мнемотехнической практике, одновременно став опасным и непредсказуемым, словно в кресле сейчас находилось не лишенное сознания тело сталкера, а готовая к взрыву плазменная граната, таймер которой уже отсчитывает секунды задержки перед неминуемым

взрывом.

Ситуация складывалась двойственная. С одной стороны, Макс крайне опасен – в любую секунду скорги могут начать взрывообразное развитие, инициировав так называемый «переходный период», когда управляющая колония наномашин еще не сформирована, человеческий мозг продолжает мыслить, а тело испытывает невыносимые физические страдания. В таком пограничном состоянии сталкер обычно теряет контроль над поступками, становится неуправляем, глух к доводам, непредсказуем в действиях.

С другой стороны, мнемотехник понимал: ситуация уникальная. Макса еще можно спасти. Вероятнее всего, процессы развития зародыша сталтеха остановлены воздействием случайного внешнего фактора, например, излучения сверхмощной пульсации, под которую попал Максим. В таком случае – еще не все потеряно…

Больше всего Антрацита беспокоило явное бездействие скоргофагов и четко выраженное деление «зародыша» на три изолированных компонента.

Обычно все происходило иначе. Попадая в организм человека, скорги размножаются стремительно, следствием их стихийного роста становятся множественные поражения различных органов, процесс металлизации костных тканей протекает агрессивно, но в случае с Максом он не наблюдал ничего подобного, словно тут имела место заранее спланированная и тщательно выполненная мнемотехническая операция.

Промелькнувшая мысль требовала проверки.

Определить факт вмешательства не так уж и сложно, ведь у каждого мнемотехника свой, неповторимый почерк.

Сейчас посмотрим…

Антрацит сел в кресло, готовясь к рискованному процессу извлечения данных.

Сначала он скопировал и вывел на отдельный экран машинный код программного обеспечения ковчеговских имплантов, затем, соблюдая все меры предосторожности, вошел в контакт с одним из новообразований, считывая программное обеспечение таинственных цепочек инородных тел.

* * *

Результат проверки оказался ошеломляющим.

Спустя несколько часов Антрацит завершил исследование, отключился от колонии скоргов, образовавшей в теле Макса зародыш сталтеха, и некоторое время сидел, медленно приходя в себя. Его взгляд, устремленный в одну точку, выдавал крайнюю степень усталости и морального напряжения.

Есть ли предел человеческому цинизму?

Не будь наивным глупцом! – мысленно упрекнул себя Антрацит.

Он занимался исследованиями, пытаясь постичь процессы эволюции техноса, спасал сталкеров, когда те обращались за помощью, но это вовсе не означало, что другие мнемотехники придерживаются тех же принципов!

Его гневное замешательство продолжалось недолго. Справившись с резкими эмоциями, он вновь взглянул на экран, где появились данные сравнительного анализа.

Без сомнений – три группы инородных включений, обнаруженные в организме Макса, были запрограммированы на том же мнемотехническом оборудовании, что импланты стандартного ковчеговского набора!

Антрацит откинулся в кресле, машинальным движением смахнул со лба выступившие капельки пота и вновь тяжело задумался.

Он уже понял, что колонии микрочастиц, готовые превратить человека в сталтеха, не заразили Макса извне, они отпочковались от изготовленных в Ковчеге имплантов, приступив к реализации автономных программ. Вот почему скоргофаги не отреагировали на их присутствие в организме!

Он с некоторой оторопью взглянул на безвольное тело сталкера.

Теперь понятно, почему скорги образуют аккуратные, упорядоченные структуры, да и причина их стасиса вполне объяснима.

Ожидание внешней команды!..

Антрацит встал, нервно прошелся между стеллажами, пытаясь угомонить мешающие мыслить эмоции.

С чем я столкнулся в лице Макса? С серийным устройством? Или с опытным образцом, предназначенным для испытания технологии?

Логика действий мнемотехников Хистера была понятна: не в силах подчинить человекоподобные исчадия техноса, они достаточно глубоко изучили основные стадии их формирования и воспроизвели процесс, адаптировав его под конкретную техническую задачу. Вопрос в том, как далеко они зашли. Что произойдет после распространения через мью-фонную сеть управляющего сигнала? Ну, с Максом понятно – колония скоргов начнет финальный этап размножения, приступит к трансформации организма, превращая его в искусственно созданного сталтеха, подвластного внешним командам.

Вопрос – сколько еще сталкеров, воспользовавшись имплантами из самовживляемых наборов, ведут обычную жизнь, не подозревая, что являются заложниками Ковчега?! Если технология давно отлажена, то на просторах Пятизонья Хистером создана пятая колонна? Армия, для

мобилизации которой нужно двое-трое суток?

Озноб драл по коже от нарисованных воображением перспектив.

Антрацит вернулся к креслу, сел.

Следует предполагать худшее, исходить из того, что технология действительно отработана и до роковых событий осталось очень мало времени!

Что же делать? Попытаться нейтрализовать зародыш сталтеха?

А если мое вмешательство спровоцирует начало процесса? Или активируется сигнальное устройство, дав понять Хистеру, что его дьявольские планы раскрыты? Одна-единственная ошибка способна сорвать целую лавину непоправимых событий…

Но бездействовать еще хуже!

Нет, в одиночку мне не справиться. Нужно загерметизировать бункер, изолировать Макса от любых сигналов мью-фонной сети и вызывать помощь. Плевать на старые обиды, разногласия. Связаться с Орденом. Пусть пришлют Глеба. Вдвоем мы точно справимся. Да, так и поступлю… – Он порывисто встал и, опасаясь пользоваться мью-фоном, вручную произвел несколько переключений на пультах.

– Эх, Макс, вот судьбы человеческие, а? – сокрушенно произнес Антрацит, наблюдая, как трансформируется кресло, а сверху опускается темная экранирующая полусфера. – Говорил же, не вживляй эту ковчеговскую дрянь! Ну, да ладно. Еще посмотрим, чья возьмет…

Через несколько минут он, облачившись в защитный костюм, покинул бункер, намереваясь выйти на связь с Орденом.

Опасаясь демаскировать свое укрытие, Антрацит решил удалиться на пару кварталов, прежде чем активировать чип мью-фона для передачи экстренного сообщения.

Взвинченный внезапными событиями, он не заметил, что из руин, расположенных на противоположной стороне улицы, за ним пристально наблюдает странное существо: низкорослый человекоподобный механоид.

Дождавшись, когда мнемотехник скроется из виду, существо пересекло улицу и задействовало сканеры.

Обнаружив замаскированный вход в бункер, низкорослый сталтех соединил руки, формируя СВЧ-генератор, и мгновением позже импульс сверхвысокочастотного излучения ударил в преграду, превратив многотонную дверь в облако раскаленного газа.

Громоподобный рев потряс окрестные руины.

Сталтех, привстав из-за укрытия, негромко позвал:

– Макс? – Звук его голоса походил на скрежет.

Ответом послужила звонкая тишина.

Не разъединяя рук, низкорослая механическая тварь шагнула в истекающую дымом, светящуюся по краям дыру.

* * *

Бункера Ковчега…

Генриха Хистера разбудил сигнал экстренного вызова.

Лидер группировки Ковчег спал, мучимый кошмарами. Казалось бы – его система моральных ценностей не подразумевает возникновения призраков, являющихся во сне, но природа мышления часто преподносит сюрпризы. Бодрствуя, он мыслил определенным образом, находя веские основания для каждого совершаемого действия, а вот сны не контролировал вообще.

Просыпаться, вскакивая в холодном поту, – удовольствие ниже среднего.

Несколько секунд Хистер тупо озирался по сторонам, приходя в себя после очередного кошмара.

Сигнал вызова, транслированный через чип мью-фона, вгрызался в мозг, вызывая раздражение, пробуждая желание кого-нибудь убить.

Капли пота струились по спине, влажная простыня липла к телу.

Ярко освещенная спальня, плотно закрытые двери, бронекостюм высшей защиты, установленный в специальной нише подле кровати, оружие, постоянно находящееся под рукой, – все свидетельствовало о том, что Хистер не мог похвастаться безмятежностью существования. Скорее наоборот, просыпаясь, он особо остро ощущал: окружающий его комфорт, невероятные по меркам отчужденных пространств удобства, многие рубежи охраны – все это не более чем дешевая атрибутика власти, не приносящая ее обладателю ни чувства морального удовлетворения, ни ощущения защищенности.

Он просыпался голый, дрожащий, потный, вставал, пошатываясь, шел до богато инкрустированного умывальника, плескал в лицо холодной водой, затем несколько секунд пристально смотрел в зеркало, медленно пробуждая в себе крупицы здравомыслия.

Сегодня, разбуженный в неурочный час, он изменил обычной процедуре – встал, брезгливо сбросив с плеча простыню, надел халат, затем, все еще пребывая в состоянии тревожной неопределенности, ответил на настойчивый вызов:

– Слушаю.

– Господин Хистер, у нас сигнал от изделия! – Голос старшего

мнемотехника, дежурившего в информационном центре, звучал напряженно. – Вы велели докладывать в любое время суток!

Хистер, еще не пришедший в себя после внезапного пробуждения, машинально переспросил:

– Кто?

– Некий Макс. Сталкер-одиночка. Источник сигнала еще не локализован.

– Скоро приду. Ждите. – Хистер мысленным приказом отключил связь.

Как правило, сразу после пробуждения он ненавидел окружающий мир и остро жалел самого себя.

Неконтролируемое раздражение, тупая, почти бессильная злоба на всех и вся душили по утрам, частенько выплескиваясь вспышками гнева.

Казалось бы, у лидера крупной группировки, известного своей циничностью, нет никаких причин для психоза, но на самом деле Хистер ощущал себя рабом неодолимых обстоятельств. На поверку у него не было и десятой доли качеств, необходимых любому из сталкеров, чтобы элементарно выжить, сохранить рассудок под постоянным прессингом неисчислимых опасностей аномальных пространств.

Хистер никогда не готовился к подобному испытанию, он грезил иной жизнью, иной славой, но, оказавшись в одном из эпицентров Катастрофы пятьдесят первого, стал заложником Пятизонья – пространства, которое он люто ненавидел.

Период, когда все его действия диктовались лишь стремлением выжить любой ценой, невзирая на количество жертв, давно минул, но роковой шаг уже был сделан – Хистеру пришлось пойти на имплантацию, и теперь две колонии скоргов, сосуществующие в симбиозе с организмом, стали его приговором к пожизненному заключению.

Медленно одеваясь, Хистер пребывал во власти тяжелых мыслей, повторяющихся каждое утро, будто изощренная пытка. Взгляд скользил по дорогим предметам меблировки, роскошной отделке личных апартаментов, а рассудок дорисовывал картину: километры напитанных влагой серых бетонных тоннелей, исковерканная пульсациями, перепаханная воронками земля, хмурые небеса, поземка из пепла, стелющаяся вдоль городских руин. Реальность не спрячешь за драпировками, она рядом, от нее не спасают ни толстые стены, ни многочисленные посты охраны.

По-настоящему Хистер страстно желал лишь одного – вырваться отсюда любой ценой.

Многие считали, что он алчет власти над всеми отчужденными

пространствами, но только Хистер знал, что власть над Пятизоньем – лишь промежуточный этап в достижении главной цели – поиска средства к освобождению, удалению из организма наномашинных симбионтов.

Все жестокости, что он творил, подчинялись страху, неодолимому страху перед реальностью аномальных пространств. Он готов был пожертвовать всем (кроме своей жизни, разумеется), чтобы однажды ускользнуть отсюда.

Он не строил иллюзий. Путь к свободе лишь частично лежал через лаборатории, где мнемотехники группировки ставили опыты над людьми. Пока не найдено средство нейтрализации скоргов, безопасного уничтожения наномашин, полного очищения организма от металлизированной проказы, на первый план автоматически выходили десятки иных проблем.

Группировка Ковчег базировалась в бункерной зоне Новосибирского Академгородка.

Различные силы Внешнего Мира уже не раз пытались овладеть стратегически важным объектом. Частично разрушенный катастрофой подземный город хранил в стылой тиши неисследованных уровней сотни военных и государственных тайн, здесь что ни день происходили загадочные явления и малопонятные открытия.

«Внешний Мир ополчился против меня, – думал Генрих. – Командование изоляционных сил, корпорации, другие группировки отчужденных пространств – все хотят моей смерти, развала Ковчега, им нужен контроль над Академгородком. Единственный способ выжить, добиться призрачной пока цели – взять Пятизонье под свой контроль, а затем схватить Внешний Мир за горло, да так, чтобы у всех кишки скручивало от страха при одном упоминании моего имени…»

Душевнобольной маньяк – примерно так именовали Хистера.

* * *

Информационный центр, созданный в бункерах Академгородка, не имел аналогов ни в Пятизонье, ни во Внешнем Мире.

Хистер мало смыслил в высоких технологиях, но он умел манипулировать людьми, и этого оказалось достаточно: десятки специалистов работали на него, воплощая адские замыслы лидера группировки.

Ковчег разрастался, как раковая опухоль.

Военные предпринимали попытки зачистить бункера, но пока безрезультатно. Единственной силой, реально способной сломить

растущую власть Хистера, являлся Орден Сталкеров, базирующийся на полуострове Казантип. Конфликт зрел давно, но неизбежное столкновение предотвратили недавние события в Пустоши и последовавшая за ними Большая Зачистка – военные, использовав удобный момент, нанесли удар по всем без исключения группировкам Пятизонья, обескровив их.

* * *

В помещении информационного центра тускло сияли голографические экраны. Сюда стекались данные из многочисленных мьюфонных сетей. Новый вид связи, разработанный для вооруженных сил накануне Катастрофы, получил широкое распространение в границах Пятизонья, но только Хистеру удалось добраться до лабораторий, где проводились уникальные испытания, и в полной мере воспользоваться их плодами.

Чипы устройств связи, вырванные во время Катастрофы из секретных хранилищ, рассеянные волею первой пульсации по отчужденным пространствам, не избежали участи других электронных и кибернетических устройств – оккупированные скоргами, они претерпели изменения, но, в отличие от большинства других приборов, были задействованы техносом по прямому предназначению.

Каждый механоид нес в себе чип мью-фона, каждый сталкер старался оснастить экипировку устройством связи, многие использовали усовершенствованные скоргами микропередатчики в качестве имплантов, но мало кто подозревал, что существует специальное оборудование, способное не только контролировать мью-фонные сети, но и задействовать некоторые неизвестные сталкерам опции уникальных устройств.

– Ну, что тут? – Хистер грузно сел в кресло.

– Произошла преждевременная, незапланированная активация одного из экспериментальных наборов имплантов. Изделие номер семь. Носитель – сталкер-одиночка по кличке Макс. Тестовый сигнал локализовал в руинах Новосибирска.

– Есть видеоряд? – Во взгляде Хистера промелькнуло любопытство.

– Вот. – Вальтер, мнемотехник, руководящий проектом, указал на группу стереомониторов.

Хистер повернулся вместе с креслом, заинтересованно глядя на изображения, поступающие через мью-фонную сеть в режиме реального времени. Судя по передаваемой картинке, сталкер бежал, не разбирая дороги.

– Внезапная активации комплекса «Сталтех» спровоцирована

попыткой мнемотехнического вмешательства, – начал пояснять Вальтер. – Мы проанализировали входящие данные. Кто-то попытался скопировать наши программы и тем самым активировал систему защиты.

– Кто?

– Это уже не важно, господин Хистер. Виновный по определению мертв. При первичной активации комплекса «Сталтех» носитель получает безусловную команду на физическое устранение свидетелей.

– Вальтер, ты отвечаешь головой за безопасность проекта, – хмуро обронил Хистер. – Меньше самоуверенности. – Он вновь взглянул на экраны. – Этот ваш Макс несется, не разбирая дороги. Он похож на сумасшедшего. Где гарантия, что инструкция системы безопасности была исполнена им в точности?

– Процесс инициализации комплекса «Сталтех» неоднократно проверялся в условиях полигона…

– Молчать! – Хистер обернулся, уничтожающе посмотрев на Вальтера. – Выслать группы зачистки! Пусть уничтожат всех потенциальных свидетелей! Обыскать руины в радиусе двух… нет, даже трех километров от точки первого пеленга! Исполнять!

В информационном центре после отдачи коротких команд наступила гнетущая тишина.

– Ну, что замолкли? – Хистер постепенно терял терпение. – Я жду пояснений! Что предлагаете делать с этим Максом?

– Я бы понаблюдал за ним, – осторожно высказался Вальтер. – У нас появилась возможность провести полевые испытания…

– Пытаешься обернуть свой провал в красивый фантик? – Хистер злобно посмотрел на мнемотехника. – Как ты вообще допустил, чтобы сверхсекретная разработка стала предметом исследования какого-то мнемотехника?!

– Это роковая случайность. Все торговцы, через которых реализовывались десять экспериментальных комплектов имплантов, должны были дать четкие целеуказания на сталкеров, ставших носителями. В девяти случаях все так и произошло, за объектами ведется постоянное наблюдение. В случае с Максом произошел сбой. Комплект имплантов попал в его руки по недоразумению, и на некоторое время он выпал из поля нашего зрения.

Хистер побагровел.

– Мы для чего создавали сеть тотального контроля?! – визгливо переспросил он. – Что значит «выпал из поля зрения»?! У него НАШ чип мью-фона в башке! Или я ошибаюсь?!

– Макс не имплантировал чип из набора, – глухо признал Вальтер. – У него уже был мью-фон, работающий на частотах вольных сталкеров. Мы не знали его кода…

– Почему мне не сообщили?

– Велись поиски…

– Вальтер, я тебя в порошок сотру. В кровавый порошок! – Хистер все больше распалялся, выходя из себя. – Поднимайте по тревоге дополнительные боевые группы. Этого Макса необходимо уничтожить! Он ставит под угрозу весь проект!

– Господин Хистер, нет никакой необходимости в немедленной ликвидации носителя! – Вальтер набрался смелости возразить. – Ситуация под контролем. Чип мью-фона теперь инициализирован, и у нас действительно появилась возможность провести серию полевых испытаний! Мы ничем не рискуем! Уничтожить носитель можно в любой момент дистанционной командой!

– Ну, допустим. Убедите меня.

Вальтер подошел к своему рабочему креслу.

– Вы позволите?

– Действуй! Не тормози! – прикрикнул на него Хистер.

Мнемотехник быстро произвел несколько переключений на сложном комплексе аппаратуры.

– Ну?

– Я открыл канал дистанционных команд.

– Он будет делать все, что ему прикажут?

– Не сразу. При обсуждении проекта мы отказались от внедрения управляющей колонии скоргов, остановившись на примитивной, но доказавшей свою эффективность схеме «обучающего управления».

Хистер нахмурился. Он никогда не пытался вникнуть в суть технической стороны проектов. Но сегодня случай особый.

– В двух словах, Вальтер. Что за «обучающее управление»? Если мне не изменяет память, то в техническом задании я четко сформулировал требования к универсальному бойцу! Он должен *беспрекословно* подчиняться моим приказам!

– Мы следовали указаниям. Но получить требуемый результат без серии предварительных опытов невозможно. Включая в структуру носителя управляющую колонию скоргов, мы, конечно, получаем инструмент быстрого исполнения внешних команд, но при этом возникает огромный риск перехвата управления над нашим бойцом. Мнемотехник противника может парализовать его, или технос, чьи потенциальные

возможности мы до сих пор не знаем, подчинит себе управляющую колонию наномашин. В рамках проекта такая опасность грозит катастрофой. Поэтому мы решили сохранить биологический мозг.

– Какой в этом смысл?

– На мозг можно воздействовать. Сейчас в голове Макса сформированы электроды. Подавая на них управляющие импульсы через чип мью-фона, мы можем вызвать в его рассудке адскую боль или невыносимое наслаждение, стимулировать работу организма через метаболические импланты или наоборот, убить его. Схема обучающего управления проста и стара как мир. Мы отдаем приказ, который воспринимается носителем в виде голосовой команды, переданной по связи. Если носитель следует инструкции, то получает вознаграждение, если противится – наказанием станет невыносимая боль.

– Ну и что тут нового?

– В схеме подчинения – ничего. Но биологический мозг, на который мы воздействуем, управляет усовершенствованным телом!

– И как долго длится обучение?

– Все зависит от силы воли, от сопротивляемости носителя. При проведении лабораторных испытаний мозг сталкеров утрачивал личность, не теряя при этом навыков выживания и боя. Под воздействием таких мощных стимуляторов, как боль и наслаждение, быстро вырабатывались новые рефлексы. Через две-три недели подопытный либо погибал, либо становился абсолютно послушным.

– Очень интересно. – Хистер вновь взглянул на экраны. – Я хочу увидеть, как он поведет себя. Дайте ему команду… ну, к примеру, остановиться и подобрать с земли камень.

* * *

Максим бежал, не разбирая дороги.

Поначалу его гнал ужас. Процессы *изменения*, стремительно протекающие в организме, довели рассудок до состояния аффекта.

Антрацит, сволочь, что же ты со мной сделал?

Подсистема боевой экипировки тревожно сигналила, сообщая о десятках очагов *инфицирования скоргами*, выявленных на кожных покровах, продолжающих разрастаться, несмотря на исправную работу метаболических имплантов, которые обязаны противостоять случайно попавшей на кожу металлизированной проказе.

О том, что тончайшие серебристые нити и многочисленные ртутные пятна являются следствием стремительного развития неких внутренних

структур, давно таившихся в его организме, ждавших лишь сигнала к продолжению роста, Максим не задумывался.

Жуткие искажения сознания никуда не исчезли. Он пришел к мнемотехнику за помощью, а что получил в итоге? Максима начинала бить крупная нервная дрожь, стоило лишь вспомнить, что он пережил, очнувшись в кресле. Рядом стоял тот самый жуткий низкорослый сталтех – он что-то искал, роясь в экипировке Максима.

Шок от увиденного, усиленный внезапным приказом внутреннего голоса, истошно орущего: «УБЕЙ!» – дал Максиму силы вырвать с корнем фиксирующие захваты кресла и, схватив подвернувшийся под руку увесистый манипулятор какого-то механоида, врезать им по затылку жуткого низкорослого сталтеха, копавшегося в его экипировке…

Вырубив ненавистную тварь, он действовал, как в полусне.

Кое-как надев экипировку и даже не задавшись вопросом, куда подевался Антрацит, он бежал из бункера, плохо соображая, что делает, практически не разбирая дороги.

Безумный рывок через кишащие опасностями руины завершился бы гибелью, не останови Максима внезапное внешнее воздействие.

Незнакомый голос, транслированный через чип мью-фона, приказал: «Стой», – и он машинально подчинился, споткнулся, задел плечом покрытую инеем стену, ударился и замер, дико озираясь по сторонам.

Перед глазами все плыло. Контуры руин, запорошенных снегом и пеплом, казались нечеткими.

«Повернись. Посмотри направо. Найди взглядом камень».

Максима пробила дрожь.

Он не понимал, что происходит.

Чужой, идущий извне голос вновь повторил приказ, но Максим находился не в том состоянии, чтобы прислушиваться к собственным глюкам.

Да пошел ты… – огрызнулся он, и в ту же секунду дикая, ни с чем не сравнимая боль затопила рассудок, в клочья разорвав мысли, уничтожив жалкие остатки воли, заставив дико заорать, рухнуть на колени, схватившись руками за голову, и рвать непослушными пальцами композитный материал защиты, пытаясь процарапать его, добраться до пульсирующих висков…

Это длилось всего несколько секунд, но когда боль схлынула, Макс едва ли мог пошевелиться, все тело стало ватным, в голове звенело, он полностью утратил всякую пространственную ориентацию.

«Встать!»

Приказ ударил по нервам.

«Встать, или будешь наказан!»

Макс даже не пошевелился. *Все…* Он с трудом сфокусировал взгляд на клочке хмурого серого неба. *Отмучился…*

Новая вспышка неистовой, всепоглощающей боли заставила его дернуться в конвульсии.

«Встать!»

Едва соображая, что делает, Максим поднялся на четвереньки, затем, цепляясь за искаженный пульсацией огрызок стены, выпрямился в полный рост.

«Повернись. Посмотри направо. Найди взглядом камень».

Он вновь попытался воспротивиться, но теперь мысленный протест вызвал свежее, сочащееся болью воспоминание, и Максим… подчинился.

Справа от него сквозь снег и прах проступали мягко очерченные контуры целой россыпи различных камней и бетонных обломков.

«Подбери камень. Любой».

Он сделал неуверенный шаг, нагнулся, слепо шаря рукой по мерзлой земле, сжал в пальцах первый попавшийся булыжник, с трудом оторвал его от промерзшей кучи строительного мусора.

«Молодец».

Волна тепла, смешанного с чувством ненормальной эйфории, пронзила Макса не менее остро, чем боль.

Что-то по-прежнему сопротивлялось в рассудке, но приятное ощущение затопило разум, он неестественно подался вперед, поднял голову, словно подставлял лицо ласковым лучам солнца.

Окружающий мир отдалился, померк.

Остался только он и это блаженное тепло, омывающее клочья иззябшей души…

* * *

– Что ж… Забавно. – Генрих Хистер некоторое время пристально смотрел на выгнувшуюся фигуру сталкера, затем встал, прошелся между компьютерными терминалами, одобрительно потрепав по плечу Вальтера. – Пожалуй, я разрешу полевые испытания. Но методика воздействия, на мой взгляд, малоэффективна. Каким образом я получу универсального бойца? – Он остановился, обвел недобрым взглядом группу мнемотехников. – Вы не сумели разобраться с управляющими колониями скоргов. А мне необходимы сталтехи или существа, подобные им, но подвластные мне, а не техносу!

– Господин Хистер, сейчас изменения в организме Макса практически незаметны, – сглотнув, ответил Вальтер. – На самом деле через несколько часов он начнет трансформироваться в подобие сталтеха. У него сформируются новые группы имплантов, интегрированные системы вооружений, защитные оболочки, значительно возрастут физические возможности в результате сращивания сервомускулатуры боевой брони с живыми тканями, при этом мы сохраняем все жизненно важные органы…

– Избавьте меня от нудных подробностей! Не нужно демонстрировать фантик! Дайте же саму конфету! Устрашающий облик, биомеханическая оболочка – прекрасно! Но как я могу управлять десятками, сотнями таких бойцов?! Мне что, карать и миловать каждого из них? Сидеть тут и передавать дистанционные команды?!

– Эксперимент только в начальной стадии, – ответил старший мнемотехник. – Полевые испытания должны подтвердить правильность избранной методики либо указать на необходимые коррективы. В дальнейшем трансформация людей в биомеханических бойцов будет происходить тут, в бункерах Ковчега. Для этого нами разработаны специальные камеры, связанные с системами виртуальной реальности. Обучение постепенно уничтожит личность сталкера и сформирует идеального бойца, выработает необходимые нам рефлекторные реакции. По замыслу, к моменту начала активной эксплуатации «изделия», потребность постоянного воздействия отпадет, мозг каждого бойца накрепко запомнит, что неподчинение приносит боль, а правильно выполненное действие – ментальное поощрение.

– И что дальше? – прищурился Хистер.

– Мы намерены запрограммировать два командных уровня. Каждый сталтех будет воспринимать приказы командира боевой группы. Это низший командный приоритет. Приказ, исходящий лично от вас, отменяет все предыдущие указания и принимается к немедленному исполнению.

– Неплохо. Я бы сказал – заманчиво. – Хистер повеселел. – Значит, в организме сталкера мы выращиваем лишь определенные подсистемы, заимствованные у техноса?

– Да, – кивнул Вальтер.

– Затем помещаем будущего бойца в специальную камеру, где происходит его обучение, прививается покорность, болевыми и иными воздействиями уничтожается прошлая личность… Интересно. Но зачем в таком случае рисковать? – Хистер резко обернулся. – К чему вы затеяли полевые испытания? Зачем выпустили в оборот экспериментальные импланты?

– Полевые испытания – это крайне необходимая, исключительная важная часть эксперимента. – Вальтер несколько приободрился. – Отдельные составляющие технологии нами отработаны. Теперь нужно понять, как это действует в комплексе, вне лабораторных стен. Взять пример того же Макса. – Вальтер повернулся к экрану. – Если мы сейчас полностью подчиним его, заставим выполнять поставленные задачи, это станет двойным прорывом. Во-первых, нами будет получен бесценный материал для ментального программирования серийных образцов. Во-вторых, поставляя на сталкерский рынок наши усовершенствованные наборы имплантов, мы получим возможность сформировать стратегический резерв – сталкеры, имплантированные из таких наборов, в любой момент смогут быть востребованы в качестве разовой ударной силы либо приведены сюда для прохождения полного курса обучения. Полевой эксперимент даст нам ответ на многие вопросы, позволит постоянно формировать и поддерживать в среде вольных сталкеров определенный резерв…

– Достаточно, – прервал его Хистер. – В общих чертах мне все понятно. Действуйте, как запланировали. Но не ускользнет ли он? Мьюфонная связь работает не везде, а после пульсаций часто дает сбои.

– Мы все предусмотрели. Эксперимент предполагает широкий спектр сопутствующих разработок. Например, нами выведен новый вид металлокустарников, внешне неотличимый от обычных автонов. На самом деле металлорастения, которые мы засеяли на контрольных площадках, содержат в своей структуре сенсоры и приемопередающие устройства мьюфонной сети. После испытаний они начнут размножаться, постепенно распространяясь по всем регионам Пятизонья. По предварительным расчетам, глобальный охват территорий возможен уже через пару месяцев после очередной пульсации.

Хистер довольно кивнул. День, начавшийся так нервно, обещал неплохие перспективы.

Он вернулся к креслу за терминалом.

– Пожалуй, я сам поработаю с этим Максом.

* * *

Новосибирская зона отчужденных пространств. Убежище Антрацита…

Максим ошибался в своих мыслях. Зря он грешил на мастера-мнемотехника.

Виновником неожиданных событий был сталтех, образ которого

Максим в силу инерции мышления принимал за горячечный бред.

Прошло несколько минут после панического бегства Максима, прежде чем тварь, получившая удар по затылку, пошевелилась, мучительно приходя в сознание.

На металлизированном черепе сталтеха запеклась кровь – явление нехарактерное для человекоподобных исчадий техноса, в строении которых скорги не оставляли биологических компонентов.

Осмотревшись, он проигнорировал множество прелюбопытнейших приборов и артефактов, казалось, низкорослого сталтеха вообще не интересует убежище мнемотехника.

– Макс? – Скрипучий голос царапнул тишину.

Сталкер исчез. Его экипировка тоже. Комплекс диагностической аппаратуры тревожно сигналил о множественных поломках – крепления кресла были вырваны, отломанные подлокотники повисли на жгутах проводов, экранирующая полусфера разбита, крошево темного пластика рассыпано по полу.

Следы еще не высохшей крови вели наружу.

Сталтех повернул голову, отыскал взглядом груду сваленного в углу помещения оружия, демонтированного Антрацитом с различных механоидов.

Подойдя ближе, он вытащил из груды неисправных вооружений несколько «ИПК», быстро и сноровисто разобрал их, выкидывая негодные детали, заменяя поврежденные узлы запасными частями, найденными тут же.

«Сердце зверя», необходимое для питания сконструированного оружия, он добыл простым и бесхитростным способом: разбил ударом кулака терминал компьютерной системы, забрал необходимый компонент, нисколько не побеспокоившись о последствиях своих варварских действий, даже не обратив внимания на вылетевший из креплений, упавший на пол и разбившийся контейнер, в котором Антрацит выращивал дикую колонию скоргов.

Зарядив оружие, низкорослый сталтех перешагнул серебристую лужу, растекшуюся на полу, двумя точными выстрелами разнес подвешенные под потолком блоки охранных систем и направился к безобразной дыре, образовавшейся на месте входа в убежище.

Он шел по следам Макса, намереваясь во что бы то ни стало догнать сталкера.

Что ему нужно от Максима, зачем он помогал ему, выхаживал после ранения, оставалось загадкой.

Глава 5

Новосибирская зона отчужденных пространств. Через двенадцать часов после бегства Максима…

Раннее утро занималось полоской зари.

Еще скользили среди руин сумеречные тени, морозный воздух курился паром, на стенах полуразрушенных зданий искрился иней, под ногами похрустывал ледок, кое-где виднелись небольшие сугробы, наметенные под огрызками стен ночной поземкой.

Путь через выстывший, замерзший город вдвойне опасен. В зимнее время трудно отличить, где искрится замерзшая влага, а где поблескивают тусклые пятна диких колоний скоргов.

Трое сталкеров двигались уверенно. Их импланты работали в режиме непрерывного сканирования, помогая отличить заиндевелую ртутную пленку от наледи, избежать изобилующих в округе ловушек.

По меркам Пятизонья, их экипировка выглядела не самой продвинутой. Обычная броня, без сервоусилителей, кое-где потертая, покрытая выщербинами, рубцами лазерных попаданий. Композитные элементы защиты весили немного, но хорошо защищали от пуль, лазерных разрядов, случайных соприкосновений с металлической проказой, а вот от крупных механоидов, вооруженных тяжелыми генераторами плазмы, уберечь уже не могли.

Однако сталкеры чувствовали себя достаточно уверенно. Один из них – мнемотехник, двигавшийся во главе группы, – оружия не носил, видимо, привык обходиться боевыми имплантами. Двое сопровождавших его бойцов выглядели совсем юными. Общедоступная дешевая экипировка и довольно слабое вооружение выдавали в них одиночек, не так давно занимающихся опасным промыслом в границах отчужденных пространств.

Тот, что повыше, вооруженный легким «ИПК», постоянно озирался по сторонам. Его напарник, невысокий, коренастый, скуластый, держал палец на спусковом крючке раритетного «калашникова» – оружия для отчужденных пространств слишком слабого, морально и технически устаревшего.

– Долго еще? – Славка-Сухостой остановился, напряженно вглядываясь в сумрак улицы.

Тени, периодически пересекавшие открытое пространство метрах в пятидесяти по ходу движения, ему определенно не нравились. Слишком

шустрые. На механоидов с колесным либо гусеничным шасси не похожи, а значит, во много раз опаснее.

– Справа, через проулок – энергополе, – произнес мнемотехник.

– То-то и смотрю – механоидов многовато. – Сухостой продолжал пытливо всматриваться в разлом обрамленной руинами улицы. – Шустрые, только тени мелькают. Идентифицировать не успеваю.

Монгол прищурился, словно смотрел через прицел древнего автомата.

– Слева обойдем, – предложил он. – Через проломы в стенах.

– Ловушек там много, – подумав, ответил Глеб. – Идти осталось метров триста. Не хотелось бы сейчас в бой ввязываться.

– А придется. – Сухостой нервно глянул на уже пройденный участок пути. Боевые группы Ковчега, преследовавшие их после короткого боя в зоне тамбура[12], не отставали.

Глеб даже не обернулся. Боевики, дышавшие в спину, на его взгляд, сейчас меньшая из проблем, хотя их упорство выглядело странным. Обычно егеря не рискуют углубляться в руины мегаполиса, а тут на проекционном забрале боевого шлема буквально рябит от засечек. Явно ищут кого-то, но не нас, мысленно рассудил Приор.

– Сворачиваем к энергополю. – Он указал направление.

Монгол отреагировал спокойно, Славка же мгновенно напрягся – лезть в границы пятна аномальной энергии, где густо разрослись металлорастения, а в руинах шныряют десятки исчадий техноса, ему определенно не хотелось. Лучше бы устроить засаду, перебить преследователей, а уже затем продолжать путь.

– Нам шум поднимать нельзя, – словно прочитав его мысли, спокойно пояснил Приор. – В Пустоши не навоевался?

Сухостой молча сглотнул. Глаза юного сталкера вспыхнули недобрым огоньком.

Монгол сдвинул переводчик огня в положение «автомат».

– За мной, след в след, – приказал Глеб. – И без глупостей. Стрелять только в крайнем случае.

Они свернули из пространства улицы в зону сплошных руин. Заросли металлорастений, серебрящиеся за стенами ближайшей коробки стен, казались непроходимыми только издали. На самом деле их пересекало множество проложенных механоидами просек и троп, ведущих в разных направлениях.

Близость энергополя ощущалась во всем. Участки местности, где проявляла себя аномальная энергия Узла, в отчужденных пространствах не

редкость, но лишь немногие сталкеры решаются войти в их границы[13].

Славка поежился. Не только воздух, но и стены руин змеились едва заметными искажениями. По зарослям металлокустарников пробегали сиреневые разряды статики, зеленоватое мерцание то появлялось, то исчезало прозрачными полосами. С различных направлений доносились леденящие душу звуки, в основном гул электродвигателей, тихое всхлипывание сервомоторов, металлический скрежет, стуки…

Почва под ногами бугрилась, обломки зданий, рухнувших во время катастрофы, постепенно разрушались, оплывая пологими возвышенностями.

Хищные колонии скоргов оккупировали все доступные носители. Вон в нескольких метрах от тропы сквозь ветви металлокустарника пробивается неяркое сияние. Присмотревшись, Сухостой понял – там работает голографический монитор. Из груды мусора торчал фрагмент системного блока персонального компьютера, поселившиеся в нем скорги использовали аппаратные мощности для создания ловушки – прямо на глазах Славки неяркое сияние начало принимать вполне определенные формы – на небольшой прогалине появился призрачный человекоподобный силуэт, затем на голографическое изображение начали накладываться текстуры, и пожалуйста – не прошло минуты, как среди автонов материализовалась объемная, правдоподобная до дрожи фигура сталкера.

Тихий шепот слабым эхом отразился от стен:

– Помогите!..

Фантомный сталкер протягивал руку, моля о помощи.

Монгол поморщился. У приманки было его лицо. Видимо, поблизости от тропы располагались сканеры, передающие скоргам реальные изображения. Умные больно. И человека от механоида отличают, и модель поведения фантома просчитывают.

Он вскинул автомат, но мнемотехник, заметивший неладное, остановился, подняв руку.

Он прекрасно видел и захваченный скоргами компьютер, и выращенные на ветвях ближайших автонов сенсоры, контролирующие тропу, и две ловушки, расположенные в полуметре одна от другой. «Магнит» и «Топь». Обе состояли из колоний хищных микрочастиц. «Магнит», рассчитанный в основном на механоидов, притягивал металлы, «Топь» представляла собой естественную складку местности, углубление, заполненное скоргами. При визуальном осмотре – никакой впадины – ровная, твердая поверхность, текстурированная под окружающий фон, но

только сделай шаг, и провалишься по пояс.

– Не стреляй. – Глеб коснулся плеча Монгола. – На тропе нам ничто не угрожает.

Помогите… Помогите… Помогите… – шептал скорчившийся на земле фантом сталкера.

Славка с трудом отвел взгляд.

Плазменную гранату бы туда, – неприязненно подумалось ему, но спорить с Приором он не решился. Действительно, некогда размениваться на мелкие стычки, тем более что ловушки расположены в полуметре от тропы.

– Избегайте сполохов зеленого света. Искажения тоже опасны. Главное – панике не поддавайтесь. Здесь нельзя бегать, шарахаться по сторонам.

Монгол только поджал губы.

«Учит, как маленьких. И не такое видали».

Несмотря на юный возраст, оба сталкера, сопровождавшие мнемотехника, действительно успели многое пережить, да и аномальные пространства знали неплохо.

Тропа поднималась на небольшой холм, затем сворачивала вправо.

– Граница энергополя. – Глеб указал на стену, причудливо искаженную воздействием аномальной энергии Узла. Казалось, что кирпичная кладка и бетонные детали, устоявшие при Катастрофе, медленно плавятся в невидимом тигле – их материал *тек*, будто огрызок стены являлся миражом, сотканным из знойного марева.

Монгол поморщился от неприятного покалывания, с которым еще не успел окончательно свыкнуться. Два «Сердца зверя» – компактные энергоблоки, имплантированные под кожу в районе запястий обеих рук, сейчас стремительно заряжались. Все импланты сталкеров работали на подпитке аномальной энергии, и лишь в тех случаях, когда запас артефактных накопителей иссякал, вживленные устройства начинали использовать энергию организма.

До границы энергополя оставалось меньше метра, когда тропа, исчезающая среди искажений, разветвилась.

– Нам сюда. – Мнемотехник указал на узкий лаз, уводящий в темные глубины обрушившегося многоэтажного здания.

Оба сталкера последовали за ним. Неприятное покалывание прекратилось, энергоблоки, истощенные за время опасной вылазки, подзарядились, и сумеречный мир внезапно стал светлее, четче – это кибернетические расширители сознания, находившиеся в

энергосберегающем режиме, вновь включились на полную мощность. Соединенные со зрительным нервом, они передавали данные, полученные от сканеров, позволяя мозгу обрабатывать дополнительные сигналы, и в результате сталкеры видели окружающее в несвойственных для человека спектрах.

Еще десяток шагов, и влияние энергополя начало слабеть. Исчезли полосы холодного зеленоватого света, стены руин больше не плавились искажениями, да и механоидов стало намного меньше, металлорастения поредели, уже не вставая сплошной стеной, а лишь кое-где пробиваясь чахлой порослью.

Приор Глеб остановился, некоторое время исследовал нагромождения сломанных, покрытых трещинами, местами раздробленных в щебень бетонных плит, затем уверенно выбрал направление, шагнув к двум сложившимся домиком обломкам рухнувшего железобетонного перекрытия.

Славка с Монголом молча переглянулись.

Преследование со стороны патрулей Ковчега осталось позади, рискованный маневр избавил их от неизбежной (как казалось) схватки с егерями, железное спокойствие и холодная решимость старшего группы позволили юным сталкерам приобрести бесценный опыт, оставшись при этом невредимыми.

Тем временем Глеб, не обнаружив искомого, шагнул в сторону, вскинул руку, предупреждая об опасности, жестами указал позиции.

Сталкеры метнулись к укрытиям.

Приор преодолел обнаруженное искажение и внезапно оказался на краю небольшой воронки.

На дне углубления чернел безобразный провал, ведущий под землю, кое-как прикрытый двумя листами покоробленного пластика.

Сменив частоту мью-фонной связи, он послал короткий запрос и, дождавшись скупого ответа, вернулся к прикрывавшим его сталкерам. Со стороны все выглядело так, словно фигура Приора соткалась из воздуха – поставленное искажение отличалось высоким качеством, здесь явно работал профессионал высокого уровня.

– Ситуация осложнилась, – произнес Глеб. – За мной.

Спустившись на дно воронки, они по очереди пролезли в дыру.

Покореженный участок наклонного коридора завершился еще одной пробоиной: стены и металлическую раму вспучило, дверь отсутствовала.

В подвальном помещении горел неяркий свет.

Приор Глеб уверенно шагнул вперед, выпрямился в полный рост,

отстегнул забрало боевого шлема.

– Опоздали, да? – спросил он, пожимая руку хозяину убежища. – Что тут произошло? – Взгляд Приора скользнул по разбитым блокам аппаратуры, поломанному креслу с вырванными креплениями.

Антрацит загородил вход массивным фрагментом брони механоида, указал в глубины убежища.

– Туда проходите. – Он с интересом взглянул на юных сталкеров, скользнул взглядом по их экипировке, удивленно приподнял бровь, заметив раритетный «калашников» и множество запасных магазинов, рассованных по специальным карманам разгрузки, надетой поверх брони. – Не тяжело? – с ироничной улыбкой осведомился он.

– Патронов, как и денег, много не бывает! – дерзко ответил Монгол.

– Ого, Глеб, – мнемотехник обернулся к Приору. – Я гляжу, теперь в Ордене послушников учат не только молча умирать за идею, но и дерзить?

– Угомонись, Антрацит, – осадил его Глеб. – Мы к тебе в гости не напрашивались. Сам позвал. Ребят накорми. А мы с тобой пока потолкуем.

* * *

– Зачем на связь выходил?

– Проблемы возникли. Решил, что в одиночку не справлюсь. У Ордена, как посмотрю, тоже трудности? – Он взглянул на юных сталкеров. – Зря ты их с собой привел.

– Кто под рукой оказался, того и взял!

– Я думал, с Титановой Лозой придешь.

– Пропала она, – неохотно ответил Глеб. – Вместе с Саидом и Апостолом. Во время недавних событий в Пустоши. Ты давай, ближе к делу. Зачем звал?

– Ковчег импланты на сталкерский рынок выбросил.

– Не новость. Хистер давно этим промышляет.

– Наборы не просто «левые». Все намного серьезнее. Вот взгляни. – Он протянул Приору чип с записью проведенного исследования.

Глеб подключил носитель информации к специальному слоту на своем запястье, некоторое время мысленно считывал данные, затем пристально взглянул на Антрацита.

– Где сейчас Макс?

– Не знаю. Я изолировал его. Отсюда выходить на связь не рискнул. Покинул бункер, чтобы отослать сообщение, а когда вернулся, вместо дверей – дыра, Макс исчез.

– Думаешь, он очнулся, пока тебя не было?

– Вряд ли. Двери выбиты снаружи. Чтобы проникнуть в бункер, кто-то использовал очень мощный СВЧ-импульс. Такие установки громоздки и энергии жрут немало. Воронку видел? Прикинь, какого размера должен быть излучатель?

– Местность осмотрел?

– Досконально. Но следов тяжелой техники не обнаружил. Зато тут, внутри, смотри, какая картина: захваты кресла вырваны с корнем, на полу следы крови, защитные установки уничтожены, – он взглядом указал на развороченные устройства под потолком, – разбит компьютерный терминал, из него извлекли «Сердце зверя», да и в запасах оружия кто-то покопался. Там исправных образцов не было, но, судя по разбросанным запасным частям, *некто* собрал себе крупнокалиберный «ИПК».

– Макс?

– Не уверен. Я отсутствовал четверть часа, не больше. Даже если зародыш сталтеха вдруг начал развитие, у Макса не было времени на адаптацию. Да, находясь в состоянии аффекта, вызванного внезапными изменениями, он мог вырвать захваты, освободиться и бежать куда глаза глядят, но не более. Да и двери выбиты снаружи, не забывай.

– Что же получается?.. – Приор напряженно размышлял. – Кто-то вломился к тебе, и в этот момент очнулся Макс? Не слишком ли? Что-то не стыкуется. Если в бункер проникли боевики Хистера, а они могли следить за Максом, почему тебя оставили в живых, не тронули, дали возможность передать сообщение? К чему им собирать оружие или выламывать «Сердце зверя» из работающего терминала? Может, грабители? Выследили тебя, дождались, пока уйдешь, вломились и случайно потревожили Макса?

– Грабителей в первую очередь интересуют техноартефакты, а не поломанное оружие и лишенный сознания сталкер. Похватали бы со стеллажей самое ценное – и ходу отсюда. Но все артефакты на местах. Я проверил. Да и взломщики, таскающие с собой СВЧ-генератор, – нелепость. Образцы подобных вооружений весят полтонны, не меньше.

– Хорошо. Остановимся на боевиках Хистера.

– Нет. Они, при здравом размышлении, также отпадают.

– Почему? Мотивируй!

– Если они приходили за Максом, где бы он находился сейчас?

– В бункерах Ковчега.

– Но он туда не попал.

– Откуда ты знаешь?

– Мью-фонная сеть, – пояснил Антрацит. – Макс не имплантировал чип из ковчеговского набора. Его устройство связи переделано из

артефактного мью-фона, добытого из подбитого механоида. Работает на частотах вольных сталкеров. Но в его структуре сохранилась и изначальная конфигурация, поддерживающая частоты техноса. Я на всякий случай скопировал данные.

– Молодец! – Глеб не удержался от скупой похвалы. – Частоты техноса опасны, но в нашей ситуации выбирать не приходиться. Пошлем тестовый сигнал и запеленгуем отклик! Стоп… – Он поднял взгляд. – А почему ты решил, что Макс не в Ковчеге?

– Я же не сидел сложа руки. Вот. – Антрацит отдал мысленный приказ, и в воздухе появилась сфера воспроизведения с развернутой в ней трехмерной моделью Новосибирской зоны отчуждения. – Последний отклик на тестовый запрос получен четверть часа назад, отсюда. – Он указал точку в нескольких километрах от бункера. – Там идет бой, и я не стал рисковать в одиночку…

– Молодец. Все правильно сделал. Теперь мы должны отыскать Макса, нейтрализовать его и переправить в Орден. – Приор встал.

– А пацанов-то зачем втягивать?

– Они справятся. Нам с тобой потребуется огневая поддержка. Егеря Хистера, судя по всему, уже ищут Макса.

Антрацит не стал вступать в бессмысленный спор. Дело действительно намечалось рискованное, и пара стволов в огневом прикрытии не помешает.

– Может, им оружие нормальное выдать? Понимаю, что экипировка «серая», только с вида потрепанная, но с «калашниковым» на сталтеха – как-то несерьезно, – все же заметил он.

– Нет, ничего не нужно. – Глеб усмехнулся. – Примитивное оружие частенько дает психологическое преимущество, особенно при столкновениях с другими сталкерами. Веришь – Монгола никогда не принимают всерьез. А стреляет он классно, да и боекомплект у него хитрый. Все магазины через два патрона снаряжены боеприпасом с пластиковой пулей, начиненной капелькой «Фрича».

Антрацит примолк. Сочетание боеприпасов, о котором упомянул Приор, для любого механоида – верная гибель. Капельки «Фрича» превращают все неорганические материалы в подобие стекла, и обычная пуля, угодив в пораженный участок, дробит самую толстую броню – проверено на практике.

В дальнем углу подвала раздался зычный голос Приора:

– Встаем, отроки! Отдых окончен! Пять минут на сборы!

Антрацит уже достал свое снаряжение и начал быстро облачаться.

Как ни крути, а Глеб прав, сейчас нужно действовать быстро и беспощадно. Угроза, созданная Хистером, касается любого обитателя Пятизонья, и участвовать в назревающем конфликте на стороне Ордена – не зазорно для вольного мнемотехника.

* * *

Максим не понимал, что происходит. Он ощущал, как в организме протекают стремительные изменения, но на осмысление происходящего не хватало ни времени, ни способностей рассудка.

Его гнали, как зверя.

Если бы не сбои мью-фонной связи – обычное явление в плотных скоплениях энергополей, то приказы, отданные по сети, давно остановили бы его.

Как бы не так. Немного придя в себя, он не пытался разобраться в происходящем. Боль, равно как и чувство ненормального наслаждения, сопровождавшие чужие приказы, вызывали одинаково сильный протест со стороны измученного, но еще не сломленного до конца рассудка.

Тварь, которая пыталась изуверски управлять им, не учла, что Максим прошел тяжелую школу испытаний – он сам, без посторонней помощи, адаптировался к новому восприятию реальности, пришедшему после имплантации, да и будни сталкерской жизни не баловали его…

Он действовал на нервах, на адреналине, – отклонившись в сторону от предложенного маршрута, Максим в ожидании неизбежного наказания сжался, но… ничего не произошло.

Он осмотрелся. Местность выглядела незнакомой. Неподалеку в руинах копошились несколько механоидов. Измученный и морально и физически, он не обратил на них должного внимания. Сел, обхватив руками голову, впитывая каждой клеточкой звенящую в мью-фоне тишину, и вдруг понял – он вне зоны действия приемопередающих устройств!

Выходит, без устойчивого сигнала мью-фонной сети та сволочь, что попыталась управлять им, уже не может карать и миловать?!

Максим с трудом заставил себя встать, и, пошатываясь, углубился в руины.

Его рассудок постепенно впадал в сумеречное состояние. Мысли гасли, он шел, движимый инстинктами, скорги в его организме продолжали стремительное развитие, волнами накатывала испарина, но понемногу стал исчезать страх – его постоянный спутник, чувство, воспринимавшееся так же естественно, как собственная тень. Постепенно видоизменялось восприятие. Окружающий мир, конечно, остался прежним, но в нем резче

выделились одни детали и потускнели, стали блеклыми и несущественными другие.

Максим внезапно начал *чувствовать* энергии. На уровне мышления, обработки информации, мозг принимал новые возможности, осуществляя их безусловную привязку к понятным, давно укоренившимся в сознании способам восприятия мира.

Энергополя, равно как и источники питания механоидов, имели *запах*. Острый, режущий по нервам, возбуждающий либо внушающий опасение запах нагретого металла, смешанный с флюидами дразнящей свежести – как будто только что отбушевала гроза и неподалеку ударила молния.

Процессы изменений протекали стремительно.

Максим равнодушно прошел мимо нескольких техноартефактов. Пробираясь через квартал руин, он уже не шарахался от зарослей металлорастений, а смело вошел в чащу, продрался через металлокустарники, оставляя на прочных ветвях клочья одежды, царапая и без того сильно поврежденную броню.

Наконец, найдя более или менее подходящее укрытие, со всех сторон окруженное зарослями автонов, он, совершенно обессиленный, решил затаиться, переждать…

* * *

Сталтех, пытавшийся нагнать Макса, потерял след, но после долгих и бесплодных поисков его сканеры внезапно зафиксировали множественные сигналы, исходящие от групп сталкеров, окружающих квартал руин.

Исчадие техноса действовало осторожно, с несвойственной механоидам сообразительностью.

Он включился в мью-фонную сеть, быстро подобрав ключ к дешифровке кодированных сообщений.

Незнакомый человеческий голос извергал на головы сталкеров сплошные проклятия.

Ему отвечал только один из них:

– Мы окружили квартал. Макс где-то в руинах. Тут много металлокустарников, блокирующих сигнал связи. Нет, господин Хистер, он не ускользнет.

МАКС – сталтех распознал ключевое слово.

Вместо того чтобы обшаривать руины, он избрал иную тактику поведения. В границах оцепленного квартала сканеры фиксировали множество механоидов и ловушек, образованных дикими колониями скоргов.

Он переключился на частоты техноса, передавая механоидам короткие строки командных последовательностей.

* * *

Максим задремал.

Боли он не чувствовал, только свинцовую усталость.

Тонкие серебристые нити пронзили его кожу, но Максим лишь вздрогнул. Пребывая в тяжелом забытьи, он не воспринимал процессы преобразования.

Часть элементов боевой брони так и осталась в бункере Антрацита, а те, что он успел надеть перед бегством, едва прикрывали исхудавшее тело, кожа сталкера посерела, уродливые металлизированные пятна расползлись по ней, особо четко выделяясь на лице. От имплантов, вживленных в область горла, по коже тянулись тонкие, замысловато сплетенные прожилки, как будто шею и скулы покрывала татуировка, издали похожая на сложный растительный орнамент.

Страшные, но теперь – жизненно необходимые артефакты, выращенные скоргами, украшали его экипировку. На уцелевших элементах брони, прочно притороченных к телу множеством серебристых стяжек, ровной линией расположились десять «Сердец зверя».

Плоть не погибла, лишь в местах, где появлялось серебристое кружево, кожа покраснела и припухла, но работа метаболических имплантов вскоре нейтрализовала отеки – тонкие металлизированные нити не стягивали мышцы, не мешали движениям, напротив, они увеличивали физические возможности, реагируя на импульсы, получаемые от живых нервных окончаний.

Несколько часов, пока протекали процессы активного преобразования организма, Максим находился в бессознательном состоянии, а когда все завершилось, внезапно очнулся.

Не видя себя со стороны, не помня жутких стадий произошедших с ним изменений, Максим не испугался – он ощущал неестественный прилив сил, восприятие окружающего вновь обострилось, он отчетливо осознавал, где находится и что привело его в чащу металлокустарников, оккупировавших несколько этажей полуразрушенного здания.

Вставать, чтобы пробраться к оконному проему и выглянуть наружу, не было нужды. Он слышал звуки отдаленного боя, но усиленные комплексы сканеров, транслирующие информацию непосредственно в мозг, давали ему ясное представление обо всем, что происходит в радиусе сотни метров.

Все же он пошевелился, попытался встать, преодолевая болезненное сопротивление затекших, одеревеневших от длительной неподвижности мышц.

По всему телу вновь выступила испарина.

Из порванной разгрузки (которая пока что скрывала от взгляда Максима цепочку приросших к броне энергоблоков) внезапно вывалилось странное устройство.

Максим дотянулся до него, цепко сжал в пальцах.

Похоже на артефакт… плоский металлический корпус с закругленными торцами напоминал винчестер древнего компьютера, сбоку виднелось несколько закрытых мягкими заглушками разъемов, на верхней плоскости располагались три сенсорные кнопки – две ничем не примечательные, а третья – утопленная в корпус, защищенная от случайного нажатия.

Он перевернул непонятное устройство, не заметив, что случайно задел пальцем один из сенсоров.

С обратной стороны находились еще три гнезда разъемов, крохотный экранчик и две заглубленные в материал корпуса кнопки.

Максим недоумевал. Он не помнил, чтобы находил нечто подобное. «Как эта штука оказалась у меня?»

Внезапно раздался треск помех.

Передатчик?

Он вновь перевернул странное устройство. Один из незащищенных сенсоров неровно пульсировал подсветкой.

Хаотичное помаргивание длилось несколько секунд, затем частота громоздкого (по меркам современных нанотехнологий) передатчика автоматически подстроилась, и Максим неожиданно для себя услышал голос:

– Все сталкерам, кто меня слышит! Говорит Титановая Лоза! Нас выбросило пульсацией в неизвестное пространство. Если кто-то принимает этот сигнал, зафиксируйте частоту и свяжитесь с Орденом! Повторяю…

Импланты Максима автоматически определили частоту, на которой велась передача. Он попытался ответить, но безуспешно – его никто не слышал, далекий голос произносил все те же фразы, видимо, текст был записан и повторялся в режиме постоянного воспроизведения…

Пытаясь понять, как действует странное устройство, он коснулся подсвеченного сенсора, и далекий голос внезапно смолк.

Ладно. Сейчас разберусь…

В этот миг на улице раздался визг тормозов, и оглушительная очередь,

выпущенная из башенного импульсного орудия, полоснула по стене здания.

Он рухнул на пол, но выстрелы не повторились.

Сунув странное устройство в клапан разгрузки, Макс нашарил рукой «ИПК» и привстал.

Снаружи лязгнула дверь, хриплый, надсаженный голос проорал:

– Окружаем здание. Он где-то тут! Брать живым!

* * *

Сталтех терпеливо ждал, пока механоиды, подчиняясь переданным инструкциям, расчистят ему путь в глубь руин.

Первая схватка примитивов[14] с егерями Ковчега произошла на окраине квартала.

Боевики двигались цепью, перебегая от укрытия к укрытию, в тылу боевых групп затаились метаморфы, создающие искажения реальности, и мнемотехники, готовые подавить обмен данными между исчадиями техноса, нарушить их взаимодействие, а при случае – взять отдельных механоидов под временный контроль.

Низкорослый сталтех затаился на третьем этаже одного из зданий, пристально наблюдая за развитием событий. По непонятной причине он не рвался в бой, хотя был достаточно хорошо вооружен, чтобы самостоятельно пробиться через цепь боевиков и проложить путь к цели, имя которой «Макс».

Он явно ждал некоего удобного момента, либо достаточно хорошо разбирался в людях, понимал, что действия боевиков непредсказуемы.

* * *

Клаус поднялся на второй этаж руин, осмотрел несколько уцелевших комнат.

– Чисто, – предал он по мью-фонной сети. Его напарник, оставшийся у лестницы, ответил коротко: «Принял».

Клаус подошел к окну, выглянул наружу. Ближайшие здания, густо оплетенные побегами автонов, являлись серьезным препятствием на пути группы. Прочесывать заросли металлорастений без надлежащего оборудования – крайне опасное занятие.

– Курт? – вызвал он мнемотехника.

– На связи, – откликнулся тот.

– У меня на маршруте сплошной металлокустарник.

– Вижу, но пока помочь не могу. Из глубины квартала приближаются механоиды. Под перекрестным огнем работать невозможно.

Клаус зло сплюнул.

– Что предлагаешь?

– Уничтожь их.

– Да не вижу я никого на сканерах!

– К тебе движутся ЭРЗы. Двумя группами по четыре механоида. Дистанция – двести пятьдесят метров. Я разрушу их локальную сеть, но и вы не зевайте – бейте тварей поодиночке.

– Понял тебя. – Клаус натянул дыхательную маску, мысленно передал короткие распоряжения четверым боевикам группы. Помощь он запрашивать не стал, в Ковчеге не принято заранее требовать подкреплений.

ЭРЗы – Эволюционировавшие роботы зоны – считались наиболее опасными из всех примитивов. Когда-то, еще до Катастрофы, они были обыкновенными охранными ботами, оснащенными системами распознавания речи, видеокамерами, стандартным набором сканеров. Вооружали ЭРЗов электрошокерами.

Для хорошо экипированного бойца вроде бы – не противник, если б не скорги, превратившие заурядных «Пугал»[15] в опасные исчадия эволюционировавшего техноса.

Вот они наконец появились на сканерах.

Как и докладывал мнемотехник: две группы по четыре механизма двигались вдоль широкого проспекта, рассекающего квартал руин. Цилиндрические корпуса, посаженные на колесные шасси, в результате многочисленных апгрейдов получили мощное дополнительное бронирование, их вооружение теперь составляли двадцатимиллиметровые импульсные автоматы, реже – лазерные винтовки. Самое скверное – бывшие охранные боты *умели воевать*, программы боевого поведения сохранились у них еще с приснопамятных времен, и, взаимодействуя в группе, они становились по-настоящему опасными…

Клаус, заняв укрытие, пристально наблюдал за механоидами.

Движутся грамотно. Парами, соблюдая дистанцию, прикрывая друг друга, по обеим сторонам улицы, вдоль полуразрушенных фасадов зданий. Пока не разрушена их сеть обмена данными, вступать в бой крайне рискованно.

– Курт, не тормози… – прошипел Клаус.

Ответа не последовало.

* * *

Низкорослый сталтех опустил «ИПК».

Два только что прозвучавших одиночных выстрела потонули в отголосках многочисленных схваток, вспыхнувших между егерями и механоидами одновременно по всему периметру оцепленного квартала.

Мнемотехник группы Клауса и дежуривший подле него бионик даже не успели сообразить, что произошло.

* * *

Механоиды приближались, а их локальная сеть по-прежнему функционировала, ЭРЗы обменивались данными, Курт на запросы не отвечал, что-то скверное произошло в тылу, но разбираться во внезапно осложнившейся ситуации некогда, – два робота зоны уже появились в поле зрения.

– Не стрелять… – Клаус пока что фиксировал остальных механоидов только на сканерах, в зоне прямой видимости они еще не появились, и справедливо опасался, что, уничтожив головной дозор, будет вынужден ввязаться в позиционный бой. Простора для маневра нет – впереди густые заросли металлокустарника, справа широкое открытое пространство проспекта, слева сканеры фиксируют двух бронезавров, атаковавших соседние группы оцепления.

Пока он пытался найти выход из создавшейся ситуации, в поле зрения, на дистанции кинжального огня, появились еще четверо механоидов.

– Ганс! – Он вызвал снайпера группы. – Твоя цель – пара замыкающих ЭРЗов. Работать только по ним! Остальным – огонь по выбору!

Четыре импульсных пулемета ударили практически одновременно. Со стороны казалось, что оконные проемы невысоких руин взорвались огнем, тугие трассы длинных очередей, перекрещиваясь, располосовали узкое пространство примыкающей к проспекту улицы, двух механоидов разорвало на куски множественными попаданиями, остальные, получив лишь незначительные повреждения, тут же огрызнулись в ответ, шустро отступая к ближайшим укрытиям.

Клаус перекатом сменил позицию.

Кусок стены, за которой он только что прятался, разнесло в пыль ответными выстрелами ЭРЗов, снаружи, у подъезда здания, полыхнула ослепительная вспышка, по связи раздался чей-то вскрик, сухо ударили одиночные выстрелы – это Ганс отработал по целям.

Он выглянул в пролом.

Обломки четырех механоидов усеивали пространство улицы. С проспекта ветром вытягивало шлейф дыма – снайпер группы все-таки

достал одного из замыкающих ЭРЗов, но трое успели занять укрытия и теперь вели ураганный огонь по зданию, да и сканеры Клауса передавали неутешительные данные – потревоженный технос подтягивал подкрепления. Из глубин квартала, как мотыльки на свет, к очагам столкновений двигались нечеткие пока сигнатуры механических тварей.

Дав пару очередей, командир группы метнулся к лестничному маршу.

Здание ходило ходуном, двадцатимиллиметровые снаряды испаряли фрагменты бетона, в пыль разносили кирпичную кладку.

Еще один истошный вопль раздался на частоте связи, и Клаус понял: тянуть дальше нельзя, а терять, по большому счету, нечего.

На окраине квартала мью-фон работал без перебоев, и он вызвал командный пункт.

– Группа семнадцать – Базе! Атакован превосходящими силами механоидов! Несу потери! Требуется немедленная поддержка!

* * *

Мимо здания, окутанного клубами пыли, по правой стороне проспекта проскользнула низкорослая фигура сталтеха.

Он стремительно преодолел несколько сот метров, затем остановился.

Двигаться по проспекту было удобно.

Впереди смутно прорисовывались контуры двух высотных зданий – одно гордо подпирало небеса, второе, причудливо изогнутое пульсацией, но не рухнувшее, накренилось, нависая над проспектом.

Их когда-то соединял крытый пешеходный переход. Его решетчатый каркас потерял одну из точек опоры и теперь косо возвышался над руинами.

Сталтех направился к нему.

* * *

Хистер в ярости отвернулся от экрана.

В оцепленном квартале оказалось слишком много механоидов. Они отчаянно сопротивлялись, а на некоторых участках нагло атаковали.

Ладно. Посмотрим, кто тут хозяин!..

Злая мысль завершилась вызовом по мью-фонной сети.

– Фридрих, выводи резерв. Разрешаю взять бронемашины. Твоя задача – прорваться по проспекту до двух высотных зданий. Интересующий меня сталкер прячется в руинах, подле одного из них. Только что удалось обнаружить его мью-фон, используя частоты техноса. Действуй быстро, если не сумеешь взять живым – уничтожь!

* * *

Половину событий Максим пропустил, находясь в отключке.

Да и придя в себя, он не придал должного значения характерным, но отдаленным отзвукам боя, пока на проспекте, рассекающем квартал на две неравные части, вдруг не раздался звук двигателей боевых планетарных машин, а недалеко от здания, где он прятался, не послышались громкие голоса боевиков.

Пробравшись через металлокустарники к ближайшему окну, он чуть раздвинул ветви металлорастений, выглядывая наружу.

Три бронемашины с ясно различимыми опознавательными знаками Ковчега двигались по проспекту на максимально возможной скорости. Их башенные орудия отплевывались огнем: короткие очереди в пять-шесть тактов прошивали стены окрестных руин, стрелки работали на упреждение, целясь по показаниям сканеров, подавляя любые очаги вероятного сопротивления со стороны механоидов.

Еще одна БПМ стояла под стеной того здания, где нашел временное убежище Максим.

Боевики выпрыгивали через открытую рампу, из-за сильного излучения нескольких расположенных поблизости энергополей мью-фонная связь дала сбой, и они громко переговаривались.

Максим понял: речь идет о нем.

Внезапно его рассудок, получающий данные от новых, выращенных скоргами устройств слежения, зафиксировал неясную тень, возникшую на небольшой площадке, выступающей из стены расположенного неподалеку высотного здания.

В доли секунды образ стал четче, и Макс с ужасом узнал низкорослую фигуру того самого сталтеха!

Исчадие техноса привстало над невысоким ограждением, его двухсуставчатые конечности соединились, образуя генератор сверхвысокочастотного излучения, и в следующий миг боевая планетарная машина, остановившаяся подле укрытия Максима, исчезла во вспышке ослепительного света: БПМ взорвало изнутри, большая часть обломков мгновенно превратилась в плазму, фигуры боевиков *испарились*, лишь удар взрывной волны разметал по сторонам тлеющие ошметья.

Максим едва успел отшатнуться – стена здания треснула в нескольких местах и начала оседать.

Неизвестно, что случилось бы в следующий момент, если бы имплантированный чип мью-фона, глухо молчавший на протяжении

последних часов, внезапно не подстроился на новую частоту, и… рассудок Максима неожиданно окунулся в совершенно новое для него информационное пространство.

Частоты техноса…

Он получил доступ к единой сети, куда стекались данные от множества порождений технической эволюции, но его мозг не был готов к такому контакту!

Максим едва не погиб. Сила, коснувшаяся его рассудка, не поддавалась осмыслению. Казалось, что голоса миллиардов обитателей Пятизонья, начиная от крупных механоидов и заканчивая отдельными колониями скоргов, ворвались в сознание, заявляя – мы тут, требуя – ответь нам!

Вокруг все рушилось, а он оцепенел.

Уже не человек, но еще и не сталтех, Максим оказался где-то между, на сумеречной грани, где соприкасались информационные сети живых существ и кибернетических исчадий. Он не принадлежал ни к тем, ни к другим…

Время замедлилось.

Его взгляд фиксировал происходящие события, но те протекали слишком медленно, тягуче, ненатурально.

Три бронемашины ползли, будто черепахи, медленно огибая обломки зданий, рухнувших на проспект.

Внезапно головная БПМ подернулась искажением, изнутри машины прорвался нестерпимый СВЕТ, во все стороны ударили медленно закручивающиеся протуберанцы ионизированного газа…

Сталтех, засевший на выступе стены небоскреба, чуть сместил плотно сцепленные руки, наводя прицел чудовищного оружия на новую цель.

Макс?.. – Скрежещущий голос ворвался в рассудок. – *У тебя моя вещь… Спрячься… Я приду…*

Всплеск пламени на проспекте.

Стробоскопические вспышки ответного огня. Башенное орудие замыкающей бронемашины било, не умолкая, снаряды, выпущенные с дистанции прямой наводки, вырывали из стены небоскреба фонтаны обломков, обрамленные клубами мельчайшей пыли, фигура сталтеха скрылась среди медленно вырастающих разрывов, и вдруг…

Мью-фон Максима отключился, жуткое наваждение отпустило рассудок, время вновь сорвалось в прежнем бешеном ритме миллисекунд – замыкающая БМП налетела на огромную глыбу бетона, врезалась в нее, несколько раз перевернулась, вновь встав на колеса, из открывшейся рампы

посыпались фигуры боевиков, башенное орудие смолкло, позиция сталтеха, скрытая клубами дыма и пыли, молчала…

Неконтролируемый приступ бешенства овладел Максимом.

Он столько пережил за последние дни, что нервная система окончательно сдала: он ощущал себя щепкой, попавшей в водоворот необъяснимых событий, ярость, полыхнувшая в нем, больше не вписывалась в рамки самоконтроля, она требовала выхода, но на фоне выплеснувшихся через край эмоций трезвой, расчетливой льдинкой застыла мысль о том сталтехе, что упорно преследовал его.

Он не мираж, не плод воображения, не сбой в расширителе сознания…

Боевики Ковчега, стреляя на ходу, неслись к полуразрушенному зданию, по стенам которого стекали раскаленные плазменной вспышкой потеки расплавленных металлорастений.

Максим открыл ответный огонь, но в горячке накрывшего его бешенства не замечал, что большинство егерей падают не от длинных очередей «ИПК» – их сбивали на землю точные одиночные выстрелы неведомых снайперов, методично работавших из руин, расположенных на другой стороне проспекта.

* * *

Бой угас так же внезапно, как начался.

Максим спустился по выщербленным, опаленным плазменной вспышкой ступеням и, не обращая внимания на разбросанные повсюду тела, побрел по проспекту, словно его снова выключили из реальности.

Чип мью-фона вновь ожил.

На этот раз частоты техноса пощадили пошатнувшийся рассудок, выплеснув в сознание лишь тихий голос:

Макс… Помоги…

Он обернулся.

Пыль уже осела, дым развеяло ветром.

Площадка, с которой стрелял сталтех, раскололась на две половины, но если вскарабкаться по решетчатой конструкции, когда-то соединявшей два здания, до позиции сталтеха добраться не так уж и сложно.

Максим не знал, станет ли он помогать странному существу.

«Пусть сначала ответит мне на пару вопросов», – подумал он, решившись на восхождение.

* * *

Попав внутрь деформированной конструкции через выбитый сегмент облицовки, Максим осмотрелся. Покореженные, выполненные из металлокомпозитного материала несущие элементы, постепенно искривляясь, уходили ввысь, словно ниточки параллельно проложенных и одинаково изогнутых рельсов. Их соединяло множество элементов помельче, образующих частую сетку каркаса. «Подняться наверх несложно», – подумал Максим, начиная восхождение. Он двигался ловко, почти не прилагая усилий, легко подтягивался на руках, не ощущая усталости.

Через несколько минут, поднявшись на высоту двадцати метров, он увидел край площадки, откуда стрелял сталтех. В сумерках хмурого дня взгляд Максима различал множество деталей. Он все еще не задался вопросом: почему его зрение внезапно обострилось, начало воспринимать подробности, недоступные человеческому глазу. На самом деле львиная доля информации поступала от новых комплексов сканеров, выращенных скоргами, но Максиму по-прежнему казалось, что он именно рассматривает окружающее.

Сталтеха он отыскал не сразу.

Очереди из импульсного орудия обвалили часть стены здания, пробив огромную брешь, за нею простирался полуразрушенный этаж.

Выступ, на который опирался деформированный пешеходный переход, также был завален различными обломками, некоторые из них еще дымились.

Скорчившуюся фигуру Максим заметил на самом краю площадки. Сталтеха придавило бетонным обломком, он лежал, неестественно вывернув шею, одна рука была прижата к груди, вторая вытянута, напряжена, словно он последним усилием пытался дотянутся до какого-то предмета.

Глядя на сталтеха, Максим не испытывал былой оторопи, напротив, его опять начала душить злость, внезапно припомнились все злоключения, и он без видимой на то причины пнул распластавшееся в пыли исчадие техноса.

– Ну, ты… Вставай!

Сталтех не шевелился.

Максим присел рядом, обхватил руками колени.

Что с ним делать?

Взглянув по сторонам, он заметил, что заросли автонов остались далеко внизу, да и влияние нескольких расположенных поблизости энергополей едва ощущалось на такой высоте.

Мью-фон! – обожгла его рассудок внезапная мысль.

– Макс? – Знакомый голос, в котором слышалась торжествующая издевка, внезапно зазвучал в сознании, стоило лишь мысленно помянуть его… – Макс, ты снова на связи, как замечательно!

Он сжал зубы.

Я раздавлю тебя, тварь!

– Нет, Макс. Ты будешь сидеть на месте и ждать, пока за тобой придут. Попробуешь шевельнуться – все равно будешь ждать, но только корчась от боли. Что выбираешь?

Пока он собирался с силами, чтобы ответить, случилось непредвиденное: сухо щелкнул одиночный выстрел, и пуля, ударив в голову Макса, вдребезги разнесла чип мью-фона, заодно милостиво погасив сознание сталкера вспышкой нестерпимой, всепоглощающей боли.

* * *

Группа Приора Глеба. Несколькими минутами ранее…

– Бронемашины! – сипло доложил Монгол, отпрянув от оконного проема. – Четыре ковчеговских БПМ!

– Спокойнее. – Приор сканировал цели, определяя количество прибывших боевиков. – Антрацит, ты нашел Макса?

– Да. Трехэтажные руины на той стороне проспекта!

Славка зарядил плазменную гранату в подствольник «карташа» и, припав на одно колено, выцеливал головную машину, резко свернувшую к зданию.

– Достанешь?

Тот кивнул.

Обстановка накалялась с каждым мгновеньем. Приору, для решения задачи со многими неизвестными, ситуация отпустила доли секунд.

Из резко затормозившей БПМ начали выскакивать боевики.

Глеб дотянулся сканирующим излучением до Максима, затаившегося среди металлокустарников на третьем этаже руин.

Внешне тот почти не изменился. Изможденный невзгодами сталкер в потрепанной экипировке.

Для Глеба сейчас был важен только один вопрос: что движет поступками Максима? Читая сложную энергоматрицу, Приор ясно различал сформированные скоргами энергоблоки, соединенные с нервной системой сканеры, дополнительные импланты, сложное плетение металлизированных нитей, пронзающих мышцы сталкера, но среди явно нечеловеческих структур он не нашел управляющей колонии скоргов, и это

обстоятельство сыграло решающую роль.

– Макс не понимает, кем стал! – Импланты Глеба взяли максимально возможное увеличение, и он увидел глаза сталкера – мутные, подернутые поволокой боли, недоумения, страдания. – Славка, работай по бронемашине. Постарайся Макса не зацепить!

Хлопок подствольника потонул в отзвуках боя, все еще полыхавшего среди обширного квартала руин.

Плазменная граната устремилась к цели, но ее взрыв внезапно опередило неожиданное для всех событие: с небольшой площадки, прилепившейся к стене высотного здания, по БПМ ударил разряд СВЧ-импульса.

Ослепительная вспышка озарила проспект.

Антрацит, мгновенно определив точку выстрела, потянулся мысленным взглядом к таинственному стрелку и едва поверил данным, визуализированным в расширителе сознания: на небольшой площадке затаился тот самый сталтех, образ которого пытался донести Максим в своем сбивчивом рассказе!

– Глеб!

– Вижу! Это он побывал у тебя в гостях! Узнаешь оружие, которым вышибли двери?

В следующий миг еще один разряд СВЧ-импульса ударил вдоль проспекта, а на частотах техноса внезапно раздался странный скрежещущий голос:

Макс… У тебя моя вещь… Спрячься… Я приду…

* * *

Короткий, яростный бой угас.

Из четырех БПМ уцелела лишь одна. Боевая машина застыла посреди проспекта, истекая ядовитым паром. Изрешеченная снарядами позиция сталтеха глухо молчала. Подле трехэтажных руин валялись трупы боевиков, выкошенных фланговым огнем Монгола и Сухостоя.

– Где Макс?!

Пыль постепенно оседала.

– Вот он! Карабкается наверх!

Глеб мгновенно оценил обстановку.

– Славка, бегом на проспект, проверь уцелевшую бронемашину, постарайся ее завести. Монгол, держи Макса под прицелом. Стрелять только в крайнем случае по моей команде. Антрацит, твоя задача – метаболические импланты. Максим не трансформировался в сталтеха,

поэтому будем брать его живым.

Мнемотехник скептически промолчал.

Чудес не бывает. Есть грань, за которой сталкер неизбежно трансформируется в исчадие техноса. Мнемотехники Хистера, конечно, изловчились, сумев сохранить человеческое тело и мозг, позволив развиться лишь некоторым подсистемам, характерным для сталтехов, но скорги ведь тоже не дремлют – им только дай волю к размножению, уж они-то найдут лазейку, чтобы полностью захватить носитель.

Максим тем временем поднялся на площадку, отыскал среди обломков низкорослую человекоподобную тварь и вдруг сел, обхватив колени руками.

Он явно не понимал, что с ним происходит, а через несколько секунд внезапно заработала мью-фонная связь, и Приор невольно вздрогнул, услышав голос Хистера.

Несколько прозвучавших в эфире фраз поведали Глебу о многом, ответили практически на все мучившие его вопросы.

Он протянул руку.

– Монгол, дай автомат!

Взяв «калашников», Глеб передернул затворную раму. Патрон, снаряженный «Фричем», упал на пол. Следующий оснащен обыкновенной пулей.

Сухой одиночный выстрел древнего оружия эхом метнулся среди притихших руин.

Тело Максима дернулось и мешковато осело. Пуля, разбившая чип мью-фона, прервала губительный контакт.

– Забираем их обоих! В темпе!

* * *

Новосибирская зона отчужденных пространств. Убежище Антрацита. Вечер того же дня

– Ну? Твои выводы?

Антрацит обернулся, взглянул на Глеба, затем устало присел на выступающий край блока аппаратуры.

– С Максом все более или менее понятно. В его организме развились узкоспециализированные колонии скоргов. Металлизация костей скелета, продвинутые сканеры, усовершенствованный расширитель сознания, вживленные энергоблоки, боевые импланты – все это компоненты, присущие сталтехам.

– То есть ты считаешь, что Макс превратился в изделие техноса? –

уточнил Приор.

– Нет, – твердо ответил Антрацит. – Признаю – *я так думал*, но колонии скоргов явно стабилизировались на достигнутом. К тому же он не утратил личности. Нужно лишь убрать из его головы эти изуверские новообразования, и Макс останется сталкером. Конечно, если сумеет пережить еще один этап психологической адаптации…

Приор выслушал Антрацита, на минуту задумался, затем кивнул, соглашаясь со сказанным.

Технос Пятизонья, казавшийся несколько лет назад самой страшной, загадочной силой отчужденных пространств, в последнее время вызывал у него больше понимания, чем действия отдельных ублюдков в человеческом обличье.

Снаружи раздались приглушенные шаги.

Антрацит машинально отступил в тень, одновременно потянувшись за оружием, но Приор жестом остановил его:

– Свои.

Через минуту в бункер спустились двое юных сталкеров.

– БПМ отогнали на три километра к северу и оставили на границе энергополя, скоргам на радость, – доложил Сухостой. – Вакханалия там сейчас в полном разгаре…

– С Орденом связались?

– Да. Они высылают группу эвакуации. Когда прибудут, не уточнили.

– Монгол, давай наружу! – распорядился Глеб. – Через час Славка тебя сменит. Все, нас не отвлекать.

Антрацит проводил взглядом Монгола, затем обернулся и спросил:

– Приступим?

– Прямо тут?

– А зачем тянуть? Оборудования достаточно. Мы вполне справимся.

– Ты как-то особенно относишься к Максу. Что вас связывает?

– Однажды он спас мне жизнь.

– И ты считаешь, он будет признателен, когда очнется?

– Не знаю. Но он пришел ко мне за помощью.

– Достаточно. – Глеб внезапно вспомнил капитана Баграмова, которого имплантировал в Сосновом Бору. Та ситуация, если судить беспристрастно, выглядела еще хуже, безнадежнее… – Не будем терять время. – Он подошел к Максу, встал у изголовья кресла. – Я оперирую, ты страхуешь.

Антрацит молча включил кодировщик и излучатель.

Глава 6

Полуостров Казантип. Цитадель Ордена Сталкеров…

Командор Хантер медленно прохаживался по длинному узкому помещению информатория. В объеме голографических экранов, расположенных вдоль стен, отображалась видеоинформация, полученная через мью-фонную сеть. В основном сюда транслировались данные со стационарных устройств слежения, контролирующих подступы к Цитадели.

Командор остановился, глядя на панораму высохшего, ушедшего сквозь трещины в земной коре Акташского озера. Оставшаяся на его месте впадина густо заросла металлорастениями, система активного распознавания целей прорисовывала на фоне металлокустарников контуры крупных техномонстров, они мирно паслись в границах энергополей.

На соседней группе экранов был виден берег Арабатского залива; вдалеке, где серое небо сливалось со свинцовыми водами, протянулась цепочка смерчей, напитывающих влагой формирующийся у границ Барьера грозовой фронт.

Двадцать дней.

Двадцать дней полной неизвестности, тягостного ожидания, в котором тонули все иные мысли и заботы.

Командор обернулся.

– Аргел, докладывай. Что удалось выяснить? Есть что-то новое о Дарлинг?

Приор занимался расследованием катастрофических событий, потрясших Пятизонье несколько недель назад. Утром он вернулся из Пустоши, но, судя по всему, добрых известий не принес.

– Нет. Зона тамбура плотно контролируется военными. Бункер, найденный Титановой Лозой, по-прежнему блокирован силами спецназа. Мне удалось поговорить со сталкерами, пережившими ракетный удар, обе пульсации и зачистку. Корень – вольный мнемотехник, утверждает, что о готовящемся ударе по Пустоши их предупредил некто Аскет.

– Что за Аскет? Подробнее!

– О нем известно очень мало. Появился в Пустоши несколько месяцев назад, работал на Митрофана – торговца, обосновавшегося в Трущобах. Последнюю информацию об Аскете передал Апостол. Они с Саидом искали следы Баграмова, по наводке Митрофана вышли на сталкера,

который подходил под описание, но нагнать его не успели.

– Что говорят выжившие сталкеры?

– Корень характеризует Аскета скупо: молчаливый, наблюдательный, но, мягко говоря, странный. На имплантах – клеймо Ордена. О себе ничего не рассказывал. Незадолго до удара появился в лагере вольных старателей, принес несколько активных устройств точного наведения. Сказал, что подобрал их у основания построек техноса. Собственно, его появление и найденные устройства, о которых он сообщил по мью-фонной сети, спасли жизни многих сталкеров, оказавшихся к моменту ракетно-бомбового удара на территории Пустоши.

– Клеймо Ордена? – Хантер вывел на экран изображение, где капитан Баграмов был снят Приором Глебом сразу после имплантации.

Аргел взглянул на снимок, затем, действуя мысленно, через чип мью-фона разделил пространство воспроизведения на два оперативных окна.

– Вот изображение, считанное с расширителя сознания Корня. – Во втором окне появился стоп-кадр, на котором можно было различить лицо худого сталкера, облаченного в легкую, изрядно потрепанную экипировку. – Это Аскет.

Хантер некоторое время внимательно изучал оба снимка, сопоставляя их, затем добавил третье изображение, найденное во взломанных базах данных Министерства обороны России.

– Что думаешь, Аргел?

Приор не спешил с выводами.

Казалось, на снимках запечатлены три разных человека. Офицер в форме спецназа Военно-космических сил смотрел спокойно и уверенно, на втором изображении, сделанном Приором Глебом сразу после экстренной имплантации, глаза Баграмова были закрыты, лицо носило следы жестокой, но неизбежной операции, серебристое пятно обширного поражения дикой колонией скоргов протянулась от скулы к виску, стягивая кожу, искажая черты. Третий снимок запечатлел худого, жилистого *сталкера*, его глаза смотрели холодно и пристально, ракурс съемки оставлял желать лучшего – металлизированное пятно не попало в кадр.

Аргел обработал данные, задействовав сканеры, пропустив все три снимка через кибернетический расширитель сознания, затем сравнил полученный результат с собственными ощущениями и выводами.

– Думаю, на третьем снимке также запечатлен Егор Баграмов, – наконец произнес Приор. – Сильно изменился, похудел, но все же – это он.

– Значит, Апостол и Саид были правы – капитан не погиб в Сосновом Бору?

– Да. Восстанавливая картину событий в Пустоши, нельзя сбрасывать со счетов показания Питерских проводников. Они утверждают, что к зоне тамбура их вывели Апостол, Саид и еще один сталкер, которого адепты называли между собой «Егором». Мы еще работаем с последним сообщением Титановой Лозы, оно сильно искажено помехами, но уже понятно, что речь в нем идет о найденном подле атомной станции бункере, древнем машинном зале и неких документах за подписью профессора Сливко, которые изъял из сейфа *Апостол*. Передача данных велась за пять-шесть минут до пульсации. Логично предположить, что адепты все же разыскали Баграмова и сумели встретиться с Лозой незадолго до попытки техноса включить древнюю аппаратуру.

– Вопрос: куда исчезла группа? – Хантер, терзаемый мрачными мыслями, не находил себе места.

– В бой с военными они не вступали. Я поговорил с одним из офицеров коалиционных сил. Его подразделение зачищало зону тамбура Пустоши. Бойцы спецгрупп столкнулись лишь с остаточным сопротивлением «изделий техноса». Тел сталкеров подле атомной станции обнаружено не было, хотя там каждая пядь земли буквально кричит о жесточайшей схватке, кипевшей перед самой пульсацией. То же самое докладывала и наша разведка.

Хантер тяжело кивнул.

Надежда умирает последней…

Чувства, терзавшие командора, выжигали разум и душу. Дарлинг была ему больше чем приемная дочь. Она – как лучик света в кромешном мраке аномальных пространств, как трепетное пламя не гаснущей под порывами ветра свечи освещала сумерки сознания, давала силы продолжать борьбу, но об этом Хантер не говорил никому, даже ближайшим соратникам.

Смириться с мыслью, что Лозы больше нет, – невозможно.

Оставалась лишь одна призрачная надежда, за которую упорно цеплялся рассудок командора. *Дарлинг не погибла*, – мысленно повторял он. – *Ее настигла пульсация, поглотил и не вернул таинственный Узел…*

Если так – еще не все потеряно. Аргел прав, полученное сообщение невозможно истолковать двояко – незадолго до пульсации она встретилась с Апостолом, Саидом и – вероятно – капитаном Баграмовым. А их голыми руками не возьмешь… Да и Титановая Лоза – боец, каких поискать. Вместе они выберутся из любой западни…

Горячие, обжигающие мысли.

Он пересилил себя, обернулся.

– Аргел, отдыхай. Вечером встретимся, еще раз обсудим ситуацию. К

этому времени должен вернуться Глеб, он отправился в Новосибирскую зону, там возникла очередная проблема с Ковчегом.

– Что-то серьезное?

– Пока не знаю. Помнишь Антрацита?

– Конечно. Я принимал участие в его имплантации.

– Он внезапно вышел на связь. Вызвал Приора. Никаких подробностей через мью-фон сообщать не стал, но условными кодами Ордена передал два слова: «Ковчег» и «Опасность».

* * *

На подступах к Цитадели Ордена

Лил дождь.

Шквалистый ветер налетал порывами. Молнии били каждую секунду, седые облака висели так низко, что казалось – они сливаются с землей. Во Внешнем Мире подобная *погода* называлась бы не иначе, как стихийным бедствием, но тут, в границах купола Барьера, буйство приумноженных гравитационной аномалией стихий воспринималось, как нечто обыденное.

Сталкеры без труда ориентировались в дождливой хмари, импланты, созданные на основе изученных подсистем исчадий техноса, позволяли воспринимать окружающее на качественно ином уровне, зрение, слух уже не играли решающей роли, основными поставщиками информации стали новые для человека органы чувств – кибернетические расширители сознания, связанные со вживленными сканерами. Человеческий мозг (после определенного периода тренировок) постепенно вырабатывал новое мироощущение, он адаптировал показания сканирующих систем, приводил их к стандарту понятных зрительных образов, не травмирующих психику своей кричащей чуждостью.

Пятизонье стремительно меняло людей.

Казантип, с его вечными дождями, гибельные пространства Пустоши, с коварным пепельным туманом, многочисленными огнедышащими разломами, непроходимые заросли автонов в руинах Новосибирска, где постоянно змеилось марево ядовитых испарений, чудовищная энергетическая активность территорий Соснового Бора, выраженная в периодических шквалах высоковольтных разрядов, в постоянной опасности, исходящей от множества блуждающих по воле ветра шаровых молний, бесчисленные ловушки, образованные колониями диких скоргов, – все это создавало для человека новую, экстремальную среду обитания, но люди приспосабливались к ней, бросая вызов аномальным пространствам…

…В стене дождя внезапно образовалось локальное завихрение.

Для стороннего наблюдателя все выглядело, как небольшой, стихийно возникший смерч, смявший струи дождя, но наблюдатели Ордена сразу распознали работу стандартных фантом-генераторов боевого вертолета, осуществившего посадку неподалеку от так называемого «торгового тоннеля» – сложной конструкции из специально выращенных мнемотехниками металлорастений, образующих просторный и относительно безопасный крытый переход между внешними рубежами охраны и самой Цитаделью Ордена.

Для тех, кто не замышлял зла, тоннель являлся единственной дорогой, ведущей к крепости сталкеров.

Боевая машина высадила пассажира и тут же исчезла среди непогоды.

Человек, облаченный в тяжелый бронескафандр, не думал скрываться. Он был хорошо знаком с местностью и сразу же направился ко входу в торговый тоннель, двигаясь уверенно и энергично.

Сталкеры, дежурившие на внешних рубежах, с интересом рассматривали его, но излучение их имплантов не сумело пробиться внутрь бронированной оболочки, покрытой несколькими слоями активного пластика, защищающего от скоргов, и специальным составом, блокирующим работу большинства систем обнаружения.

На входе в торговый тоннель у блокпоста незнакомец остановился и вышел на связь, используя мью-фонную частоту свободных сталкеров.

– Я прибыл к командору Хантеру.

– Как доложить? – раздался в ответ хриплый вопрос.

– Я полномочный представитель штаба объединенной группировки изоляционных сил.

Наступила короткая пауза. Военных после Большой Зачистки сталкеры встречали в штыки.

– Убирайся! – пришел лаконичный ответ.

– Не думаю, что командор будет доволен таким поворотом событий, – спокойно ответил незнакомец. – Открываю для сканирования свой личный чип. Передайте мой опознавательный код Хантеру. Пусть он сам примет решение.

* * *

Через некоторое время представитель военных уже шагал по торговому тоннелю в сопровождении нескольких бойцов, экипированных в соответствии с боевыми стандартами Ордена.

Цитадель располагалась в корпусе первого энергоблока

недостроенной Крымской АЭС. Здание и прилегающие к нему территории в результате Катастрофы и последующей деятельности сталкеров-мнемотехников претерпели серьезные изменения.

Над недостроенным корпусом атомной станции теперь возвышался ажурный купол из специально выращенных металлорастений. Наверху располагались площадки наблюдателей и стационарные огневые точки, перекрывающие секторами обстрела все подступы к Цитадели.

Визитера провели внутрь.

Он осмотрелся. Редко кому из военных удавалось побывать тут. «Да, действительно, – подумал он, – осведомители не лгали, тщательно отреставрированная постройка уже не имела ничего общего с теми фотографиями, что когда-то делали посещавшие заброшенную станцию любители экстремального туризма».

– Сюда. – Один из конвоиров указал на вход, за которым угадывалась винтовая лестница.

Внутреннее пространство бывшей атомной станции делилось на уровни перекрытиями, сплетенными из металлорастений. Сколько здесь этажей и какие именно помещения расположены за стенами вертикального колодца, оставалось лишь догадываться – истинная структура Цитадели хранилась в строгой тайне.

Некоторое время представителя штаба объединенной группировки вели по запутанному лабиринту узких переходов, затем оставили ждать перед запертой дверью.

* * *

– Входите.

Голос принадлежал командору Хантеру.

– Здесь безопасно. Можно снять экипировку.

Визитер коснулся сенсора. Забрало боевого шлема с едва слышным звуком сервомотора поднялось вверх, смещаясь к затылку.

– Генерал, ваш визит – это отчаянная храбрость, наглость или глупость? – сдерживая моментально полыхнувшую ярость, сквозь зубы процедил командор.

Шепетов не торопился с ответом. Он коснулся еще одного сенсора, и тяжелая боевая броня начала раздвигаться, позволяя выйти из нее.

Покинув бронированную оболочку, он остался облачен в легкую экипировку без знаков различия.

– Все не так однозначно. – Иван Андреевич взглядом спросил разрешения сесть и, дождавшись натянутого кивка, занял одно из кресел.

– Для меня очевиден единственный факт, – с трудом контролируя эмоции, произнес Хантер. – Вы командовали объединенной группировкой, и именно вы отдали приказ о начале Большой Зачистки. Напомнить его формулировку?

– Я отдал приказ уничтожать всех, кто попытается оказать сопротивление группам спецназа и военных сталкеров, – ответил Шепетов.

– И после этого набрались наглости явиться в Цитадель?!

– Да.

– На что рассчитываете, генерал?

– На взаимопонимание. – Шепетов готовился к нелегкому разговору, но большинство домашних заготовок просто вылетели из головы под тяжелым, сочащимся откровенной ненавистью взглядом командора Хантера. – Ситуация на момент зачистки складывалась крайне тяжелая. – Иван Андреевич говорил медленно, тщательно подбирая слова. – Мы не маленькие дети, командор. Идет война. Схватка за мировое господство. Вы наверняка в курсе, что удар, нанесенный по инфраструктуре строений техноса в Пустоши, был осуществлен силами армии Европейского союза?

– Да, – глухо ответил Хантер.

– Считаете, это сделано при нашем попустительстве? – Шепетов вскинул взгляд, но, не дождавшись ответа, продолжил: – Мы не содействовали нанесению удара! Могу привести доказательства…

– Разведка Ордена уже собрала необходимые данные, – хмуро отреагировал командор. – Но зверства зачистки на твоей совести, Шепетов!

– Ситуация не предполагала длительных переговоров! – огрызнулся генерал. – Почему сталкеры отказались допустить наших представителей для досмотра Цитадели?

– Рехнулся? – Хантер разозлился не на шутку. – Здесь действуют законы Ордена! Это наша земля! Наш дом, а не проходной двор!

Шепетов молча выслушал его.

– Мы были вынуждены действовать в рамках ситуации! – упрямо повторил он. – Удар, нанесенный по Пустоши, преследовал совершенно иную цель, чем та, на которой настаивают официальные источники в Европе! Ты знаешь, что под постройками техноса расположена сеть тоннелей, ведущих в недра земли? – Генерал машинально перешел на «ты».

– Да, знаю! Примерно на километровой глубине недавно обнаружены вкрапления неизвестного нам элемента, принесенного пульсациями и внедренного ими в структуру земной коры. – Хантер все еще сдерживал себя, пытаясь понять, что заставило Шепетова пойти на откровенный риск, лично явившись в Цитадель Ордена.

– В таком случае ты должен осознавать всю сложность той ситуации, командор! Под прикрытием военной операции наемники Техносиндиката попытались добраться до источников аномальной энергии и вынести образцы элемента за границы Барьеров. Армию Европейского союза цинично спровоцировали на удар, невзирая на тяжелейшие геополитические последствия, с единственной целью – уничтожить либо временно парализовать технос, чтобы специальные группы успели пройти по тоннелям и изъять образцы! К счастью, планы синдиката смешала пульсация, силы вторжения разбросало по отчужденным пространствам, но некоторым из наемников все же удалось добраться до вкраплений элемента. Мы не знали, где именно они находятся, под кого маскируются, в каких точках попытаются преодолеть Барьеры! Хантер, ты пережил Катастрофу, находишься в Пятизонье с первого дня существования аномальных пространств! Тебе ли не понимать: попади источник аномальной энергии в руки синдиката – мир бы рухнул!

Командор мрачно слушал Шепетова.

В глубине души он понимал жестокую правоту генерала. За границами Барьеров, в тайных лабораториях некоторых крупных корпораций, скопилось огромное количество примитивных колоний скоргов и различных техноартефактов, импортированных из отчужденных пространств. Вне Пятизонья, без подпитки аномальной энергией они мертвы. Дать скоргам адекватный источник питания, надеясь удержать их в рамках лабораторий, – безумие. Серебристая проказа, вырвавшись на волю, захлестнула бы Внешний Мир за считаные дни…

– Удар по Пустоши был подготовлен в строжайшей тайне и нанесен внезапно. – Голос Шепетова звучал глухо, но ровно. – Мы включились в ситуацию, как только флот Евросоюза вошел в нейтральные воды, но Пустошь, как и Казантип, территориально не принадлежат России! – с нескрываемой досадой констатировал он. – У командования в буквальном смысле были связаны руки, пока пульсация не разбросала силы вторжения по разным регионам Пятизонья. К тому моменту мы уже знали об истинной цели нанесенного удара и, повторяю, реагировали адекватно ситуации! Не было гарантии, что группы наемников полностью уничтожены, – на момент пульсации они находились глубоко под землей в тоннелях техноса и, пользуясь наступившим хаосом, легко могли ускользнуть, преодолев Барьер в произвольно выбранных точках!

– Это оправдывает тотальную зачистку? – глухо спросил Хантер.

– А ты, командор, на моем месте поступил бы иначе? В тот момент все висело на волоске, мы еще не знали, что элемент, генерирующий

энергополя, нестабилен, он может существовать лишь при определенном давлении и температуре и разрушается, превращаясь в кристаллическую массу, при попытке его подъема на поверхность земли!

Хантер исподлобья взглянул на Шепетова.

– И все же, зачем ты явился в Цитадель, генерал? Оправдаться? Обелить себя?

– Мне не за что оправдываться, – в тон ему, резко ответил Иван Андреевич.

– Тогда к чему визит?

– Моя цель – предотвратить повторение подобных сценариев. Военное руководство также сделало собственные выводы из всего случившегося. Предубеждения, элементарное отсутствие связи между нами, невозможность прямого разговора в критической ситуации как раз и привели к последствиям, о которых идет речь! Погибли не только сталкеры – столкновение унесло сотни жизней с обеих сторон!

Хантер некоторое время молчал. Ему было невыносимо тяжело разговаривать с Шепетовым.

– Значит, принес предложение о перемирии? Признаюсь, мне трудно найти точки соприкосновения, – наконец произнес он.

Иван Андреевич нахмурился.

– Против нас действуют внешние силы, противостоять которым можно только сообща. – Шепетов упорно не реагировал на выпады командора. – Ситуация на протяжении последних недель стремительно усугубляется. Армия и Орден Сталкеров неизбежно потерпят поражение, если мы не станем координировать наши действия хотя бы на некоторых, особенно важных направлениях.

Щека Хантера, пораженная уродливым пятном серо-сталистого цвета, непроизвольно дернулась.

– Генерал, армия – сомнительный союзник! – резко и неприязненно ответил он. – Советую покинуть Цитадель и более не возвращаться!

Шепетов заметил: командор непроизвольно сжал пальцы правой руки в кулак. Вены, оплетенные серебристыми прожилками, вздулись на запястье.

Он не торопился встать и уйти.

– Подумай, командор. Речь идет…

– Убирайся! – Хантер с трудом сдерживал ищущую выхода ненависть. – Я потерял дочь, лучших бойцов и не намерен разговаривать с убийцей!

Казалось, все кончено. В так и не начавшихся переговорах поставлена

жирная точка.

Вместо бесполезных сейчас слов Шепетов извлек из нагрудного кармана нанокомп.

– Я знаком с Дарлинг, – выложил он свой последний козырь, стремясь переломить ситуацию, пробить глухую неприязнь Хантера. – Мы часто общались в рамках сталкерской сети. Однажды я помог ей выжить после серьезного ранения. Она оказалась за границей Барьера Соснового Бора, на достаточном удалении от источников аномальной энергии, и ее импланты начали сбоить. Титановая Лоза доверяла мне. Да и ты, командор, нередко руководствовался поступавшими от меня сведениями! – Он протянул активированный нанокомп Хантеру. – Взгляни.

Взяв нанокомп, Хантер машинально сканировал уникальный код.

– Ты Кобальт?! – вырвалось у него удивленное восклицание.

– Да, – спокойно кивнул Шепетов. – Удивлен?

– Но… – командор вскинул взгляд, – каким образом?! – Он продолжал изучать персональный компьютер. – Здесь отсутствует чип мью-фона! Ты лжешь! Кобальт был сподвижником Ордена! Мы не встречались лично, но его информация не раз спасала наши боевые группы!

– Нанокомп принадлежит мне! – Шепетов извлек старомодный портсигар, открыл его, поддел ногтем неприметную пластину, открывая потайное отделение. – Вот недостающий компонент. Думаю, для сталкеров давно не секрет, что мью-фонная связь была разработана по заданию Военно-космических сил. Новыми мобильными устройствами планировалось оснащать спецподразделения. К сожалению, почти все рабочие образцы хранились на складах Академгородка и были утрачены в период первых пульсаций. Сохранилось лишь несколько устройств, предоставленных для полевых испытаний.

Хантер некоторое время молчал, пытаясь обуздать душившие его эмоции, затем все же справился с собой.

– Это один из прототипов? – Он пристально рассматривал необычное устройство.

– Да. Более сложный, чем стандартный чип. Пользуясь им, я входил в сталкерскую сеть, находясь за границей Барьера. Не желаешь иметь дело с военными? Так выслушай Кобальта, я пришел не с пустыми руками! Есть информация, по определению интересующая Орден! Я готов поделиться ею.

Хантер усмехнулся.

– Не сомневаюсь. После того как Дарлинг обнаружила в Пустоши некую загадочную установку и документы, подписанные профессором

Сливко, ты из кожи вон вылезешь, пытаясь узнать, что именно стало известно Ордену!

– Установка сейчас под нашим контролем, – напомнил Шепетов. – Но, признаюсь, от древней аппаратуры мало толку. Она фактически уничтожена. Командор, проблема намного сложнее. Действуя независимо друг от друга, мы вплотную подошли к разгадке тайны возникновения Узла. Исследования Ордена и наши изыскания некоторое время продвигались параллельно. Настала пора объединить усилия.

Хантер резко подался вперед, опершись руками о стол, разделявший два кресла.

– Я не верю тебе, Шепетов! – сипло произнес он. – Ты потерял должность командующего и теперь мечешься, не зная, что делать! Запомни, Орден никогда не станет подразделением Барьерной Армии, наши мнемотехники и ученые никогда не будут работать на военных!

Иван Андреевич насупился.

– Хорошо. – Он встал, подошел к бронескафандру. – Будем считать, что мы не договорились. – Генерал коснулся сенсора на миниатюрной панели управления защитной экипировкой. Раздался тихий всхлип сервомотора, в толще брони открылся небольшой отсек, откуда он извлек какой-то оплавленный предмет. – Возможно, ты все же передумаешь, командор. У нас есть общие интересы!

Хантер молчал.

– Вот. – Шепетов положил на стол кусок оплавленного механизма.

– Что это?

– Фрагмент весьма необычного механоида. В зоне тамбура Пустоши, после полыхавшего там боя, полно схожих обломков. Обрати внимание на клеймение уцелевшей детали.

Командор не стал прикасаться к оплавленному фрагменту механизма. Он задействовал сканеры имплантов, и вдруг кровь окончательно отхлынула от его бледного лица, черты застыли, будто окаменев.

На одной из деталей механизма четко просматривалось клеймо из трех букв:

«DRG».

– Вижу, сочетание символов тебе знакомо. – Шепетов знал, что ударил в цель, и теперь стремительно усиливал давление: – Хантер, мы стоим на краю пропасти! Корпорации Внешнего Мира рвутся к абсолютному мировому господству. Они упорно пытаются импортировать, изучить и внедрить технологии, зародившиеся в аномальных пространствах, не задумываясь о неизбежных последствиях! Рано или поздно они добьются

своего, выпустят скоргов на волю! Но эти доморощенные ублюдки – лишь малая часть проблемы! Настоящая опасность исходит от техноса! Он изменился. Эпоха «примитивов» пришла к закату. Им на смену появились «изделия», эволюционировавшие где-то в иных пространствах Узла! Они на наших глазах создают целые армии, вступают в схватку друг с другом, что-то делят, а мы… копошимся, погрязнув в своих амбициях!

Слова генерала вонзались в рассудок, словно раскаленные гвозди.

Нравилось командору или нет, но Шепетов по большому счету был прав.

События, несколько недель назад потрясшие Пятизонье, начались внезапно и развивались стремительно.

Сначала в Пустоши появились новые виды техноса. Эволюционировавшие скорги и созданные ими механоиды за короткий период в буквальном смысле оккупировали отчужденное пространство, зачистив центральную область Пустоши от вольных сталкеров и своих механических собратьев-примитивов, затем возвели на захваченных территориях сотни загадочных построек, начиная от огромных городищ и заканчивая разветвленной подземной инфраструктурой тоннелей.

Аномальные пространства – как язвы на теле планеты. Они практически не изучены. Бесчисленные опасности, исходящие от механоидов и скоргов, пульсации, сметающие все живое и неживое, множество иных губительных для человека явлений серьезно затрудняют любые исследования, но для техноса – это естественная среда обитания, и он стремительно видоизменяется, демонстрируя пугающие темпы развития.

Хантер, задетый за живое словами Шепетова, на миг представил Землю недалекого будущего: мрачную, придавленную свинцовыми плитами облачности, мертвую, покрытую металлорастениями, населенную сталтехами – механической нежитью, в которую превратятся люди. Он зримо представил чудовищную, чуждую до дрожи архитектуру строений техноса, которая прорастет на руинах погибших мегаполисов.

А есть ли мне дело до Внешнего Мира? Я уже живу в исковерканной реальности и вряд ли когда-нибудь вырвусь отсюда…

Командор стоял, впившись взглядом в обломок механоида.

«DRG»…

Три буквы плыли перед глазами. Мозг Хантера, давно, безнадежно пораженный скоргами, в моменты предельного нервного напряжения вдруг начинал сбоить, все виделось, как в тумане, чувства вырывались из-под контроля рассудка…

– Какому механизму принадлежал этот фрагмент? – сквозь зубы процедил он, подняв на Шепетова тяжелый взгляд. – Отвечай, или я вырву информацию силой!

– Я знал, на что иду, отправляясь сюда. И причина, заставившая рискнуть, вовсе не связана с потерей должности командующего! Поэтому – не нужно угроз! Я прибыл с единственной целью: наладить взаимодействие с Орденом!

– Какому типу механизмов принадлежал фрагмент?! – будто не услышав слов генерала, требовательно переспросил Хантер.

Шепетов насупился.

– Одному из сталтехов, вторгшихся в пространство Пустоши, – ответил он. – Более точной идентификацией мы пока не располагаем. По нашим сведениям, эти *существа* вступили в схватку с техносом, пытаясь предотвратить включение той самой установки, которую обнаружила Дарлинг!

Хантер взял в руки деформированный фрагмент механизма.

По мнению командора, оплавленный обломок лишь добавлял еще одну загадку в цепь необъяснимых фактов и событий. Но Шепетов выложил его как *козырь*. Блефует? Или армейской разведке действительно удалось что-то узнать о таинственном клейме?

Он исподлобья взглянул на генерала, в котором по-прежнему видел врага.

– Есть информация по клейму на обломке? – перешагнув через личную неприязнь, спросил Хантер.

Шепетов кивнул.

– Более чем достаточно. Предлагаю честный обмен.

Хантер молча указал на кресло.

– Твои условия?

Иван Андреевич вернулся за стол, сел, сцепил пальцы рук в замок.

– Командор, меня действительно отстранили от должности командующего. Но хочу, чтобы ты понял: я не ищу личной выгоды, не цепляюсь за звания. Мне поручено возглавить отдел особых операций. За три недели я принял дела, ознакомился с новой для себя информацией и понял – мы все по одну сторону баррикад, а против нас – технос. Потому и рискнул явиться в Цитадель.

– Твои условия? – глухо повторил командор.

Шепетов чувствовал, либо сейчас наступит перелом, либо все пойдет прахом.

– В моем распоряжении есть информация, которую так и не сумел

отыскать Орден, – произнес он. – Речь идет о расшифровке аббревиатуры «DRG». Но, – он жестом попросил не перебивать, – прежде мне необходимо знать: почему мнемотехники Ордена еще год назад с упорством искали значение этих символов, взламывая информационные хранилища Министерства обороны и Военно-космических сил?

Во взгляде Хантера всколыхнулись недоверие и боль. По металлизированному пятну, изуродовавшему его голову, внезапно пробежало искажение, свидетельствуя об аномально высокой активности скоргов, сосуществующих в симбиозе с организмом.

– Хорошо, я отвечу! – резко проронил он. – Но, если ты блефуешь, живым отсюда не выйдешь, запомни! – Командор тяжело сел в кресло напротив, некоторое время молчал, а затем вдруг заговорил, глухо, ровно: – Я жил в Новосибирске. Там и настигла Катастрофа пятьдесят первого. Уцелел, потому что в момент пульсации находился в подвале. Подробно рассказывать не стану, наверняка и на меня и на Хистера есть подробные досье?

Шепетов кивнул.

– Да, история побега группы ученых из бункеров Академгородка нам известна[16].

– Тогда не стану повторяться. Расскажу лишь один эпизод, который хранился в строгой тайне.

Шепетов внимательно слушал, стараясь не перебивать. Пока что ему было непонятно: где связь между давними событиями и зловещим клеймом из трех букв?

– Совершив побег, мы долго пробирались по лабиринту подземелий, – продолжил Хантер. – Все выбились из сил. Было решено устроить короткий привал. Я интуитивно свернул в одно из помещений. Там мы случайно наткнулись на непонятные устройства. Внешне они напоминали саркофаги, выполненные из высокотехнологичных материалов, с прозрачными крышками. Часть из них, как и блоки сопутствующей аппаратуры, раздавило обвалом, но один все еще продолжал работать на запасе автономного источника энергии. Внутри мы увидели тело девушки. Судя по показаниям приборов, которые прочел Аргел, она была жива, но находилась в состоянии анабиоза.

Хантер внезапно замолчал, затем, задавив гложущую изнутри боль, заговорил вновь:

– Она была чем-то неуловимо похожа на мою погибшую дочь. Помню, как сел подле саркофага и сказал, что дальше не пойду. Остальные не

решились спорить. Все понимали – без моих способностей из подземелий не выбраться. Камера функционировала в автономном режиме, и ее сумели протащить по узким лабиринтам, до самой поверхности.

– А что стало с девушкой? – Шепетов действительно не знал только что поведанной командором детали ставшего легендой побега.

Хантер встал, прошелся по помещению.

– Некоторое время камеру не трогали. Боялись повредить. Обосновавшись в Цитадели, мы установили саркофаг в одном из помещений. Затем, спустя несколько месяцев, сработал непонятный нам механизм. Предположительно – система экстренного пробуждения. Вероятно, автономный ресурс саркофага был к тому времени исчерпан. Мы не пытались вмешаться в процесс, только наблюдали. Девушка была очень слаба, но она выжила, хотя к ней не сразу вернулся рассудок. Она не помнила ничего, ни имени, ни прошлого, долго не могла отвечать на вопросы… Как-то раз при медицинском осмотре Аргел заметил на ее плече голографическую татуировку. Три буквы: «DRG». Это он окрестил ее Дарлинг…

– Титановая Лоза?! – Шепетов внезапно ощутил, как на голове зашевелились коротко остриженные волосы, а кожу стянуло крупными мурашками. – Но почему… Почему вы *сразу* не стали искать значение этих букв?!

– Поначалу татуировка не вызвала каких-то особенных вопросов. Мало ли чем балуется молодежь?

– А камера? А обстоятельства, при которых вы нашли Дарлинг?!

– Титановая Лоза не смогла объяснить, как попала в бункер. К тому же в разгромленной лаборатории недалеко от саркофага были найдены документы. Они сильно пострадали от воды, текст уже практически не читался, но разобрать повторяющуюся на каждом листе надпись Военно-космические силы все же удалось, вот мы и решили, что аппаратура принадлежит ВКС России, а в том секторе бункерной зоны Академгородка проводились опыты в области крионики.

– Но возраст Дарлинг не предполагает ее службы в Военно-космических силах, а уж тем более участия в экспериментах!

– Мы решили, что она дочь кого-то из сотрудников проекта. Такая версия не противоречила увиденному. В лаборатории, кроме документов, мы обнаружили несколько полуразложившихся тел в форме научного персонала. Кто-то из них вполне мог быть отцом девушки и попытаться спасти ее, поместив в экспериментальную камеру.

– Но затем от этой версии отказались? – предположил Иван

Андреевич. – Иначе мнемотехники Ордена не стали бы искать значение татуировки, верно?!

– Да, – признал Хантер. – Мы вплотную занялись поисками после того, как очередная пульсация выбросила в Новосибирской зоне отчуждения капитана спецназа ВКС Егора Баграмова. – Заметив, как вздрогнул генерал, Хантер понял, что Шепетову фамилия Баграмов говорит о многом. Хотя, возможно, он просто запомнил офицера, которого отправлял на смертельно опасное задание в сентябре пятьдесят первого?

– Он числится без вести пропавшим. – Генералу мгновенно вспомнились события в Сосновом Бору, но свою неудачную попытку принять участие в них он раскрывать не стал, решив выслушать, что скажет Хантер.

– Все верно. Баграмов действительно пропал, вместе с группой спецназа, в сентябре пятьдесят первого. Четыре года он провел вне нашего пространства и времени. Назад его вернуло пульсацией. Бронескафандр Егора позже исследовали специалисты Ордена. Он оплавлен, в некоторых местах видны следы микроискажений, заряд энергии в накопителях исчерпан на девяносто процентов. И тем не менее Баграмов выжил, хоть и был полностью дезориентирован – по его субъективным ощущениям, между двумя событиями лежал короткий период беспамятства, не более.

– Как он вышел на вас?

– Егора случайно встретила Дарлинг. Она находилась с заданием в Новосибирской зоне отчуждения. Лоза не поверила рассказу Баграмова – приняла его за экстремала, где-то разжившегося экипировкой спецназа образца пятьдесят первого года. В тот момент складывалась очень напряженная ситуация. Дарлинг решила помочь неимплантированному искателю приключений выбраться за границы Барьера, а заодно передать через него информацию о предательстве генерала Званцева. Она снабдила Баграмова маркером Соснового Бора, помогла прорваться через заслоны Ковчега к тамбуру, с условием, что он найдет Приора Глеба, передаст чип, а тот поможет ему уйти за Барьер.

– Но Баграмов до сих пор числится…

– Знаю, – прервал его Хантер. – Он оказался слишком самоуверен. Попав в Сосновый Бор, капитан решил выбираться самостоятельно, без посторонней помощи. Попытался связаться с ближайшим блокпостом военных, а в ответ нарвался на очередь из импульсного орудия, был смертельно ранен, затем инфицирован скоргами. Его подобрали двое проводников из питерских, а спас Приор Глеб. Во время операции экстренного имплантирования Глеб обнаружил на плече Баграмова точно

такую же голографическую татуировку, как и у Дарлинг. Затем по непонятной причине за капитаном начал охотиться технос. Группа адептов Ордена, пытавшихся эвакуировать Егора, с задачей не справилась, он вновь исчез – до сих пор точно не установлено, погиб, захвачен механоидами или все же выжил.

– Проклятье! – На этот раз Шепетов не смог обуздать эмоции, зло ударил кулаком по колену. Теперь ему многое стало понятно. – Раньше надо было нам диалог налаживать… Раньше! – Он с досадой поморщился, затем спросил: – Я могу использовать сеть Ордена? Мне необходимо получить данные из источников Внешнего Мира.

Командор молча вернул ему нанокомп.

Иван Андреевич быстро набрал запрос, прочел поступившие строки ответного сообщения, вытер мелкие бисеринки пота, выступившие на лбу.

Хантер вопросительно приподнял бровь.

– Я навел справки. – Голос генерала прозвучал хрипло. – В составе научно-исследовательских центров ВКС никогда не существовало лаборатории экспериментальной крионики. Это пока что область фантастики. – Он шумно выдохнул. – Я затребовал файл медицинского осмотра. Капитан Баграмов проходил освидетельствование перед отправкой на свое последнее задание. Это происходило 13 сентября 2051 года. Вот. – Он развернул данные на экране нанокомпа. – Никакой голографической татуировки на его плече никогда не было!

* * *

Их диалог, длившийся уже больше часа, становился все напряженнее.

– Итак, командор, действуя порознь, мы совершили массу ошибок. Не сумели избежать кровопролития во время зачистки, могли бы, но не спасли Баграмова и до сих пор не знаем, почему на него внезапно ополчился технос! Плетемся в хвосте событий! Но хоть в одном мы взаимодействовали поневоле – мнемотехники Ордена дали нам зацепку, ухватившись за которую удалось распутать целый клубок событий!

– «DRG»?

Шепетов кивнул.

– Мы постоянно отслеживаем обмен данными, проходящий через соединения мью-фонной сети со всемирной паутиной и, естественно, обратили внимание на неоднократные попытки взлома некоторых секретных хранилищ информации. Базы данных Военно-космических сил, реестры фирм, работающих по оборонным заказам, номерные институты и лаборатории, проводящие исследования в рамках подготовки первых

межпланетных перелетов, – вот неполный список, который отрабатывали мнемотехники Ордена в поисках расшифровки значения символов «DRG». Заинтересовавшись такой внезапной активностью, мы провели собственное расследование. Учитывая, что буквы начертаны на латинице, а их сочетание, вероятнее всего, является аббревиатурой, не зарегистрированной среди товарных знаков российских предприятий или логотипов исследовательских учреждений, мы сразу начали отрабатывать западный след.

Хантер нахмурился.

– В Ордене не рассматривали такую версию.

– Теперь я понимаю – вас изначально сбила с толку та разгромленная лаборатория в бункерах Академгородка. Специалистам из Главного разведывательного управления в этом смысле было проще, и они достаточно быстро нашли расшифровку аббревиатуры «DRG», а вот последствия оказались весьма серьезными…

– Что означают буквы?! – прервал его Хантер.

– Это логотип научно-исследовательского центра в Берлине. Его основал один русский ученый, покинувший Советский Союз в восьмидесятые годы прошлого столетия.

Командор не ожидал подобного ответа. На его лице отразилось недоумение. При чем тут канувшая в Лету эпоха?

– Все по порядку, командор. Это достаточно длинная история. Я тоже не сразу во всем разобрался. – Шепетов вполне понимал замешательство Хантера. – Нет видимой связи между событиями конца прошлого века и Катастрофой пятьдесят первого, и специалисты аналитического отдела Главного разведуправления несколько раз заходили в тупик, вновь и вновь расширяя сферу поиска, пока в архивах Министерства обороны не был обнаружен случайно уцелевший документ, датированный августом 1979 года. Обыкновенное предписание, адресованное командиру воинской части. В нем говорилось о необходимости выделить в распоряжение профессора *Драгомирова Геннадия Сергеевича*, – генерал выделил интонацией фамилию, имя и отчество, – взвод караульной службы, для обеспечения охраны секретного объекта под кодовым названием «Тоннель». Бумага уцелела только потому, что хранилась в архиве воинской части и не была уничтожена вместе со всеми документами по упомянутому проекту.

– Не понимаю, генерал! При чем тут взвод караульной службы? Кто такой профессор Драгомиров? Что за проект «Тоннель»?!

– Терпение, командор. – Шепетов встал и, заложив руки за спину,

начал неторопливо прохаживаться по узкому пространству между блоками аппаратуры. – Я обещал предоставить информацию и слово сдержу. Итак, мы искали расшифровку значения трех букв, вышли на Берлинский центр биокибернетики, стали проверять его, вот тут и начались совпадения, послужившие еще одной зацепкой для дальнейшего расследования. Фамилия, имя и отчество основателя Берлинского центра – Драгомиров Руслан Геннадиевич. Он – сын того самого профессора Драгомирова, в распоряжение которого, согласно найденному документу, выделялся взвод караульной службы. Нас насторожило совпадение фамилий, упоминание о некоем секретном объекте, и мы решили продолжить поиски, но единственное, что удалось выяснить с хода, – профессор Драгомиров погиб в 1986 году во время печально известной аварии на атомной станции.

– Пустошь?! – невольно вырвалось у Хантера.

Шепетов кивнул.

– Мы продолжили поиск. Подняли всю информацию, связанную с отцом и сыном Драгомировыми. Та эпоха еще хранит множество чудовищных тайн. «Холодная война», гонка вооружений, призрак Третьей мировой – все это казалось мне далеким прошлым, а на поверку оказалось тесно взаимосвязанным с днем сегодняшним…

Хантер молчал, выжидающе глядя на генерала.

Три буквы… Неужели они связывают целые эпохи?

– Разведывательное управление проделало титаническую работу. Был осуществлен глобальный поиск *любых* данных, связанных с фамилией Драгомиров. За последние пятьдесят лет все архивы наконец оцифровали, что заметно ускорило процесс, позволив проанализировать огромные объемы информации, отсеять документы, связанные с однофамильцами. Постепенно стали появляться косвенные свидетельства, вновь указывающие на некий проект «Тоннель», руководил которым Драгомиров-старший. Постепенно мы углубились в прошлое, наработали еще кое-какую информацию и поняли, что снова зашли в тупик – все документы, напрямую связанные с интересующим нас проектом, либо затерялись, либо были намеренно уничтожены.

Шепетов остановился подле сферы голографического экрана, некоторое время смотрел на панораму окрестностей Цитадели, затем продолжил:

– Понимая, что среди электронных копий документов необходимой информации нет, мы избрали новое направление. Нам пришлось отыскать и опросить всех родственников профессора Драгомирова, как в России, так и за рубежом. В конце концов, при исследовании одного семейного архива

удалось обнаружить несколько обыкновенных школьных тетрадей с обрывочными записями, схемами, уравнениями, формулами. Заметки велись эпизодически, второпях, но эксперты установили, что записи сделаны рукой Геннадия Сергеевича. Примечателен стартовый эпизод: в нем скупо излагается случай, произошедший с профессором, когда он ехал на служебной машине и попал в сильнейшую грозу. Водитель предпочел остановиться, не рискнув двигаться дальше под проливным дождем. Дело происходило в сельской местности, они остановились на окраине небольшого населенного пункта, решили зайти в поселковый магазин, купить продуктов и переждать непогоду. Уже на пороге Драгомиров обернулся и внезапно увидел, как в машину ударила молния.

– И что? – не выдержав еще одной паузы, переспросил командор.

– В своих записях профессор утверждает, что стал свидетелем явления невозможного: автомобиль на мгновенье исчез, а затем появился вновь, но уже… в десятке метров от того места, где находился секундой ранее!

– Внепространственное перемещение?

– Именно! – кивнул Иван Андреевич. – Из записей Драгомирова-старшего мы поняли: он отнесся к произошедшему на его глазах явлению со всей возможной серьезностью. Когда улеглась непогода, они с водителем тщательно изучили место происшествия. Профессор связался с ближайшей воинской частью, затем позвонил в областной центр, представителю Комитета государственной безопасности. Район оцепили, была вызвана бригада экспертов-криминалистов – они составили свой отчет, где подтвердили: кузов автомобиля с полностью выгоревшей проводкой, оплавленными электроприборами расположен на удалении семнадцати метров от места, отмеченного признаками попадания высоковольтного разряда. Та ситуация не получила ни огласки, ни развития, эксперты сочли, что автомобиль был перемещен ударной воздушной волной, но профессор Драгомиров не согласился с их выводами, он понял, что стал свидетелем уникального физического явления!

Его попытка научно обосновать случившееся выражена в формулах, уравнениях и схемах, записанных от руки все в тех же тетрадях. Мы показали их двум независимым экспертам, и они пришли к одному и тому же выводу: продемонстрированные записи являются не чем иным, как базисом, на котором основана теория гиперточки Сливко – Клейна!

– Получается, что Драгомиров почти на пятьдесят лет предвосхитил научные труды Сливко?! – Хантер не пытался скрыть удивление и замешательство.

– Профессор Сливко не является автором открытия. Нам удалось выяснить, что он был всего лишь младшим научным сотрудником в группе Драгомирова, когда тот начал работы над проектом «Тоннель».

– В чем суть проекта? Как он связан с катастрофой на атомной станции? И главное – при чем тут логотип берлинского научно-исследовательского центра?!

– Мы задались теми же вопросами. – Шепетов вернулся в кресло. – Вся документация по «Тоннелю» была уничтожена Комитетом государственной безопасности Советского Союза после провала эксперимента, спровоцировавшего катастрофу на атомной станции. – Генерал откашлялся. – Командор, позволите глоток воды?

– Конечно. – Хантер, отдал мысленное распоряжение через мью-фон.

В наступившей вдруг тишине было отчетливо слышно, как тикают старомодные, антикварные часы, украшавшие одну из стен помещения.

Командор нервно прошелся по узкому помещению.

– Иван Андреевич, ты ведь делишься сейчас сведениями государственной важности? – резко обернувшись, спросил он.

– Я не бескорыстен. – Шепетов ожидал подобного вопроса. – Нам известно, что мнемотехники Ордена сделали ряд независимых открытий, сформулировали теорию Узла как некоей пространственно-временной структуры. Кроме того, как я понял, в распоряжении Ордена есть некий бесценный технический артефакт – камера, в которой была найдена Дарлинг. Кстати, она не повреждена скоргами?

– Нет. «Саркофаг» – так мы называем его – не изделие техноса.

– Тем более. Я уже говорил: мы вплотную подошли к разгадке возникновения Пятизонья. Элементарное сотрудничество позволит сделать последний, решающий шаг в этом направлении. Например, документы, найденные Титановой Лозой в бункере? Они уцелели?

– Нет. Но есть фрагментированные электронные копии, переданные за несколько минут до пульсации через мью-фонную сеть, – признал Хантер. Его по-прежнему терзали противоречивые чувства, но яростное желание вышвырнуть Шепетова на растерзание скоргам незаметно иссякло. Их диалог, несмотря на обоюдное напряжение, постепенно стал ровнее.

Бесшумно открылась дверь. Двое послушников принесли набор напитков и нехитрую закуску.

– Я же просил воды.

Хантер усмехнулся.

– Мы остановились на проекте «Тоннель», – произнес он, наполняя две стопки. – Я не приму решения о сотрудничестве на основе

половинчатой информации.

* * *

– Проект «Тоннель» действительно существовал. – Шепетов выпил, шумно выдохнул, затем продолжил: – Несмотря на тотальную чистку архивов, проведенную еще в восьмидесятых годах прошлого века, нам все же удалось собрать достаточно данных, чтобы восстановить хронологию событий и понять суть эксперимента.

– О каком из Драгомировых пойдет речь?

– Сначала об отце, затем и о сыне, – ответил Шепетов. – Спустя два года после памятного происшествия профессор теоретически обосновал возможность локального пробоя пространственно-временного континуума, но его работу строго засекретили и положили под сукно. В те годы такая практика применялась достаточно часто. На несколько лет о Драгомирове забыли, он трудился в одном из московских институтов, пока однажды Геннадия Сергеевича не вызвали в Министерство обороны. Ему внезапно выделили все необходимое, словно не было нескольких лет забвения, и поставили задачу: воссоздать в лабораторных условиях то загадочное явление, свидетелем которого он стал во время грозы.

И опять – Драгомиров на несколько лет как будто перестал существовать – ни одного документа, касающегося его экспериментов, мы не обнаружили, но зато в восьмидесятом году прошлого столетия многие оборонные предприятия получили весьма необычный государственный заказ на различные комплектующие, которые мы не смогли взаимосвязать ни с одним реально существовавшим в те годы изделием или промышленным устройством. Отслеживая пути поставок, мы снова обнаружили упоминание о проекте «Тоннель». Некоторые заявки на особо сложные узлы или детали были подписаны лично Геннадием Сергеевичем Драгомировым. Стало понятно: его опыты в рамках небольшой лаборатории удались, и теперь он приступал к реализации масштабного проекта, работы по которому велись в лучших традициях «холодной войны» – перед группой ученых и инженеров поставили техническую задачу, указали жесткие сроки ее реализации, а на исполнение выделили астрономические по тем временам суммы. Кроме щедрого финансирования, Драгомирову отдали огромные промышленные ресурсы, в том числе – мощности атомной станции.

– В чем заключался смысл проекта?

– Драгомиров пытался создать рабочий образец пробойника метрики пространства. Так называемую «тоннельную установку».

– Зачем? Где область ее практического применения?

– Как ни печально, но цель создания установки далека от мирных исследований. Мы в конечном итоге распутали весь клубок тех страшных событий. Чтобы понять смысл проекта «Тоннель», нужно вспомнить, что Советский Союз уже находился на грани экономического краха. – Шепетов сделал глоток воды. – У СССР в середине восьмидесятых оставался только один шанс удержать позиции мирового лидерства, сохранив при этом существующий коммунистический строй, – требовалось прекратить изматывающую гонку вооружений, совершить некий технологический прорыв, позволяющий трансформировать затянувшуюся «холодную войну» в войну горячую. Третья мировая – вот что могло бы спасти Советский Союз, но ядерный паритет не оставлял шансов для нанесения эффективного победоносного удара.

В той ситуации случайно сделанное наблюдение и его научное обоснование, дающее надежду на создание установки, способной мгновенно перемещать предметы, а быть может – людей и технику на огромные расстояния, рассматривалось как *шанс*, упустить который военное руководство страны в складывающейся ситуации попросту не могло.

Каждый, кто хотел сохранить существующий строй, упрочить свою власть, не колебался в принятии решений.

Установку для пробного запуска начали возводить неподалеку от атомной станции. О сверхсекретном комплексе не знал никто, даже сотрудники АЭС не подозревали о существовании бункера и связанного с ним машинного зала.

По замыслу первое включение должно было связать каналами внепространственной транспортировки отправную точку, расположенную в бункере, на территории современной Пустоши, с четырьмя специально оборудованными приемными площадками, размещенными на удалении от нескольких сот до тысячи километров от генератора. В силу высочайшей секретности проекта, точки приема спроектировали на территории режимных объектов. Строящаяся Крымская АЭС, институт имени Курчатова, одно из зданий Новосибирского Академгородка и атомная станция в Сосновом Бору – вот четыре приемные площадки, куда через пробой метрики пространства должны были попасть экспериментальные образцы – муляжи вооружений и техники весом от килограмма до тонны.

Конечная цель запланированной серии испытаний была сугубо практической. Доказав теорию, подтвердив ее на практике, военные получали решающее преимущество в грядущем, уже спланированном ими

глобальном конфликте. Перемещая предметы при помощи тоннельной установки, научившись контролировать процесс, точно калибровать генератор, Вооруженные силы Советского Союза получали уникальное оружие превентивного удара. Обыкновенные *не ядерные* заряды, посланные через локальные пробои метрики, были способны уничтожить все известные пусковые точки противника, *обезоружить его*.

В тот момент никто не задумался над тем, что принесет подобное испытание Земле. Никого не волновало, что возникший пробой метрики пространства способен исказить гравитационное поле планеты, привести к колоссальным катастрофам, потрясти весь земной шар.

– Но, как я понимаю, эксперимент Драгомирова завершился локальной катастрофой на атомной станции?

– Да, – ответил Шепетов. – Мы предполагаем, что он вызвал перегрузку реактора, а это повлекло за собой известные события. Чудовищный провал стоил Драгомирову жизни. Опасаясь, что истинные причины техногенной катастрофы выплывут на свет, всю документацию по проекту тщательно уничтожили.

– Выходит – не всю? – мрачно предположил Хантер.

* * *

Шепетов вновь потянулся к стакану с водой.

– Сын профессора Драгомирова в 1986 году находился в Восточном Берлине, – сделав несколько глотков, продолжил генерал. – Он работал в одном из институтов ГДР и не подозревал, что хранит чудовищную тайну. Накануне трагических событий Руслан получил некий пакет от отца, переданный через знакомого сотрудника посольства. После катастрофы на атомной станции его почему-то не отозвали на родину, а через три года пала Берлинская стена, затем в 1991-м перестал существовать Советский Союз, многие тайны тогда оказались погребены под обломками великой социалистической державы. В лихих девяностых теряется след немногих выживших при испытаниях тоннельной установки. – Шепетов продолжал излагать события так, словно сам являлся их свидетелем. – Почти на двадцать лет из поля зрения исчезает Сливко, Драгомиров живет в Германии, занимается биокибернетикой, затем в 2010 году, когда мировой финансовый кризис начинает отступать, он открывает собственный бизнес: сначала частную клинику, где успешно проводит имплантации протезов, сращивая чипы, управляющие движением искусственных конечностей, с нервной системой человека. На всех имплантах он ставит клеймо «DRG», – начертанные на латинице начальные буквы своих фамилии, имени и

отчества. Добившись впечатляющих результатов, получив известность, заработав достаточно денег, Драгомиров основывает центр биокибернетических технологий, коммерческим логотипом которого становятся все те же три буквы.

Хантер встал, нервно прошелся по узкому пространству информатория, затем, вернувшись к столу, молча налил себе и генералу водки.

– Что дальше? Какова судьба документов?

– Драгомиров хранил их в домашнем архиве. Истинного значения и ценности бумаг отца он не представлял. Относился к ним как к реликвии, пока по прошествии полувека ему не нанес визит профессор Сливко. Мы пока не знаем подробностей встречи, но ее факт удалось установить благодаря системам наблюдения и безопасности, внедренным сейчас повсеместно. Господин Сливко встречался с Русланом Геннадиевичем Драгомировым 23 апреля 2040-го, после чего спустя год научный мир узнал о теории гиперточки!

Нужно сказать, что фундаментальный труд Сливко не получил должного признания. Проще говоря, к теории не отнеслись серьезно, зачислив ее в разряд смелых *околонаучных* гипотез, что больно ударило по самолюбию пожилого профессора, рассчитывавшего как минимум на Нобелевскую премию.

– И он решил доказать всему миру, что прав? – Хантер пристально взглянул на Шепетова.

– К несчастью многих, – глухо ответил генерал. – Сливко остался единственным, кто точно знал месторасположение бункера и был уверен – причиной срыва эксперимента стала перегрузка реактора, питавшего тоннельную установку.

– Но атомная станция давно уже нефункциональна!

– Да, но технологии шагнули далеко вперед. Сейчас существуют накопители, способные дать необходимый минимум энергии для реанимации установки. Цель Сливко была куда скромнее амбиций Министерства обороны Советского Союза. Ему не требовалось перемещать в пространстве муляжи техники, достаточно было передать на расстояние хотя бы несколько граммов вещества, главное – основательно задокументировать проведенный опыт, представив научному миру неопровержимые доказательства своего триумфа.

– Но если так… что же спровоцировало Катастрофу?!

– Пока неизвестно. Возможно, оборудование машинного зала после длительного забвения сработало неадекватно, либо, после возникновения

точечного пробоя метрики, в ход эксперимента вмешалась внешняя сила – мы сейчас не знаем.

– Драгомиров жив? Вы встречались с ним?

– К сожалению, его судьба неизвестна. Накануне Катастрофы он прибыл в Москву. Собирался вести переговоры в институте имени Курчатова о закупке новых источников питания, разработанных нашими учеными. Он бесследно исчез в момент первой пульсации, сформировавшей Пятизонье.

– Проклятье!.. А его исследовательский центр?!

– Он продолжает работать. Кстати, источники питания потребовались Драгомирову для нового проекта. В последние годы Руслан Геннадиевич трудился над созданием первых в мире кибернетических организмов человекоподобного типа.

У командора вдруг резко закружилась голова.

Снова дали знать о себе скорги, угнездившиеся под черепной коробкой. В минуты предельного нервного напряжения он часто испытывал оглушающие приступы дурноты.

– Получается, это мы?! Мы сами создали Пятизонье?!

– Не мы, командор!

– Это не важно! – яростно выдохнул Хантер. – Мы, ЛЮДИ! Сначала я узнаю, что скорги – наше детище! Теперь Пятизонье и Узел! Я не понимаю, генерал! – Он тяжело посмотрел на Шепетова. – Если командованию все известно, то какую ценность представляют крохи знаний, добытые адептами Ордена?

– Ошибаешься, командор. Каждая крупица знаний сейчас бесценна! Проблема в том, что ситуация давно не в наших руках. Мы ничего не можем изменить! Включение тоннельной установки – всего лишь нажатие спускового крючка! Формирование устойчивых аномалий, возникновение Узла, появление пульсаций, перемещение вещества между пространствами уже превратились в стихийный процесс, неконтролируемый, не исчезающий со временем! Да, несколько чудовищных явлений сложились вместе, породив реальность отчужденных пространств. Да, мы – люди – стояли у истоков каждого из них! Но что в итоге? Мы оказались совершенно не готовы к взрывообразной эволюции наших машин, экспансии техноса, мы ничего не знаем о пространствах Узла. Драгомиров исчез. Сливко тоже. Ответов нет – есть кибернетические организмы с клеймом «DRG», внезапно появившиеся в Пустоши! Уже не мы, а технос выстраивает энергетические структуры подле древнего бункера и пытается реанимировать прототип тоннельной установки! Зачем? В какое

пространство последняя пульсация унесла собранную техносом армию механоидов? Почему сталтехи с клеймом «DRG» пытались помешать этому? Я повторюсь – мы плетемся в хвосте событий! Армия не контролирует отчужденные пространства. Сталкеры, способные выжить тут, ненавидят армию! Мы создаем еще один замкнутый круг, а технос тем временем эволюционирует!

Шепетов порывисто встал.

– Командор, я еще раз предлагаю объединить наши знания и усилия, хотя бы временно! Мне нужны документы, найденные в бункере! Нужен опыт, накопленный адептами Ордена, информация, их представления об истинной структуре Узла!

– Есть желание восстановить прототип?

– Такого желания нет! – резко ответил генерал. – И так наворотили достаточно! Наша цель – разобраться в происходящем, понять сегодняшнее положение дел, оценить степень угрозы, исходящей от представителей различных ветвей эволюции скоргов, возможно – идентифицировать и «запечатать» то пространство, где наши безобидные комплексы микромашин перешли на иной вид энергии и развились в ТЕХНОС!

Хантер молча выслушал его.

– Есть еще что-то? – проницательно спросил командор.

Шепетов кивнул.

– Мы исследовали обломки новых типов механоидов, созданных в городищах Пустоши, и выделили в их структуре устройство, аналогичное «маркеру». Специалисты полагают, что с его помощью возможен переход в закрытое для нас пространство. Туда в момент пульсации были перемещены ударные группы изделий техноса, стекавшиеся к тамбуру.

– Пространство, откуда пришли сталтехи с клеймом «DRG»?

– Вероятно. Нельзя исключать, что последняя пульсация, спровоцированная попыткой техноса включить прототип тоннельной установки, именно туда переместила Титановую Лозу, капитана Баграмова и сопровождавших их адептов Ордена.

Последняя фраза заставила командора вздрогнуть.

– Что предлагаешь, генерал?

– Создать смешанную группу из бойцов Ордена и военных сталкеров. Оснастить их маркерами и…

– Ты же сказал, что не собираешься задействовать прототип!

– Он РАЗРУШЕН! – Шепетов резко обернулся – Я готов открыть представителям Ордена доступ в бункер. В обмен на копию переданного Лозой сообщения.

– Если установка разрушена, как попасть в то пространство?

– Дождаться пульсации. Для этого нужны добровольцы. Цель операции – разведка.

Командор тяжело задумался.

– Хорошо. Я найду добровольцев. – Он исподлобья посмотрел на Шепетова и добавил: – А сейчас – уходи. Мне нужно все обдумать. Встретимся вечером. Тебя проводят.

Глава 7

Неизвестная точка пространства…

Рассвет.

Блеклый, невыразительный, невыносимо чужой, нервный.

Апостол выглянул из-за укрытия.

Шел дождь, и в лужах отражался огонь.

Языки пламени жадно облизывали стены устремленных ввысь спиралевидных зданий, а они стояли, неколебимые, чуждые до дрожи, опоясанные рядами округлых окон, из которых вырывались столбы ревущего огня, холодный свет *пульсации* волнами омывал гладкие стены, искажал контуры монументальных построек.

Порывистый ветер нес запахи гари, повсюду – рваный металл, в руинах города то и дело мелькали силуэты эволюционировавших созданий техноса, и Апостол подался назад, присел, прижимаясь спиной к огрызку стены.

– Я на перекрестке, – передал он через имплантированный чип мьюфона. – Механоиды атакуют. Они выбивают сталтехов из руин. Отсюда до зоны тамбура – километра два по прямой. Следуйте моим маршрутом.

– Разрушения сильные? – Голос Титановой Лозы прозвучал злой бодрящей ноткой в мрачных перспективах занимающегося утра.

Почему ее так волнует степень разрушений чуждого города? – недоуменно подумал сталкер. – *Нам бы убраться отсюда поскорее, а исчадия техноса пусть уродуют друг друга сколько угодно…*

На частоте связи повисла тишина. Лоза ждала ответа на заданный вопрос, и Апостол вновь выглянул, осмотрелся внимательнее.

На перекрестке двух S-образных улиц с новой силой вскипела схватка. Ближайшее здание, вздымающееся к небесам, словно обломок исполинской древнегреческой колонны, огрызалось огнем: в стенах его цоколя располагались десятки узких бойниц, через которые по атакующим механоидам били лазеры и генераторы сверхвысокочастотного излучения, но исчадия техноса с потерями не считались. Захваченные ими кварталы пластались россыпями щебня, среди обломков величественных строений уже пробивалась молодая поросль металлорастений, туда отползали покалеченные лазерными попаданиями, обожженные плазменными вспышками механоиды. Что им до количества потерь, когда в зарослях автонов, пробившихся в ложбинах среди дымящихся отвалов, уже зреют н-

капсулы? Исчадия техноса, лишившиеся конечностей, оружия, сенсоров, инстинктивно заползали в самую гущу металлорастений, еще миг – и на поврежденного техномонстра начинала капать серебристая субстанция, затягивая ртутной пленкой пробоины в корпусе, восстанавливая поврежденные узлы…

Этот мир обречен.

Мысль, промелькнувшая в рассудке сталкера, не добавила ему оптимизма. Автоны захватывали территории с немыслимой скоростью, все новые и новые участки серебрящейся поросли возникали в разных местах.

Апостол еще пару секунд наблюдал за схваткой, затем вновь вышел на связь:

– Идет бой. Все строения превращены в укрепленные оборонительные точки, – передал он результат наблюдений. – Город явно готовился ко вторжению. Сталтехов мало, но они цепляются за каждый дом. Разрушения значительные. Механоиды атакуют, они не остановятся, пока не сломят последний очаг сопротивления.

– Особо не высовывайся. Следи за обстановкой. Мы выдвигаемся к тебе.

– Попытаемся уйти?

– Не сразу, – лаконично ответила Дарлинг.

Замечательно…

Апостол понимал, что Лоза и Аскет просто так не покинут подвергшееся атаке техноса пространство, но после всего пережитого за последние сутки необходимость использовать уникальный шанс, довести до логического завершения цепь поразительных открытий уже не казалась ему столь ясной и однозначной задачей, как прежде. «Что толку от приобретенного знания, если оно погибнет вместе с нами?» – зло подумал он.

Апостол чувствовал себя скверно. Он ни на секунду не забывал, что причиной сложившейся ситуации стала проявленная им беспечность. Еще в Пустоши, исследуя подбитого механоида, он демонтировал из техномонстра необычный кибернетический блок, исполненный в виде узкой длинной пластины с несколькими чипами. Техноартефакт следовало надежно изолировать, упаковав в специальный экранированный контейнер, но он просто сунул его в один из кармашков разгрузки.

Кто же мог предположить, что устройство является маркером[17], да еще и заранее настроенным на неизвестное сталкерам пространство!

Техноартефакт никак не проявлял себя, пока внезапно не грянула

очередная, очень мощная даже по меркам Пятизонья пульсация Узла. Маркер активировался и сработал, выполняя предначертанную функцию, и в результате четверо сталкеров оказались заброшены в неизвестное пространство…

Что делать теперь? Как вернуться? И есть ли вообще реальный способ вырваться отсюда?

Апостол не собирался сидеть сложа руки в ожидании, пока остальные выйдут разведанным маршрутом к его позиции.

Последние события, произошедшие в Пустоши, внезапно получили развитие: сталтехи, обороняющие город, знали о готовящемся вторжении механоидов и пытались его предотвратить, посылая в отчужденные пространства Пятизонья диверсионные группы. Апостол своими глазами видел, как их отряды появлялись в зоне тамбура, подле строений древней атомной станции. Значит, у них есть навигационные чипы, предварительно настроенные на отчужденные пространства Пятизонья? Не на удачу же они уповали?

Предположение необходимо проверить. Другой возможности исправить собственную ошибку, отыскать ключ к возвращению в Пятизонье он попросту не видел.

Апостол покинул укрытие.

Исполинский смерч, узкий, дымчатый в основании, располагался на одной из центральных площадей подвергшегося нападению города. Он был как две капли воды похож на аналогичные аномалии, возникшие на Земле после Катастрофы пятьдесят первого года. Вихрь постепенно расширялся, поднимаясь ввысь, застилая небо над городом седыми космами лениво вращающейся воронки.

Отличие заключалось лишь в том, что город не подвергся катастрофическому разрушению в момент формирования пространственной аномалии, как это случилось с несколькими мегаполисами Земли.

Очередная загадка не сильно взволновала сталкера. Он уже ничему не удивлялся. Нечеловеческое напряжение последних суток ощущалось в каждом движении, в каждой мысли. Временами казалось, что наступил предел, силы закончились, воля иссякла, а форсированный режим метаболического импланта вычерпал из организма весь запас жизненной энергии, досуха, без остатка. Так было, пока они шли через молчаливый жутковатый металлический лес, не похожий на привычные для сталкеров хаотичные заросли металлокустарников, а скорее напоминающий некую плантацию: древовидные автоны с тонкими клонящимися к земле

«ветвями» были высажены с одинаковыми интервалами.

Загадок тут – хоть отбавляй, но Апостолу не хотелось даже думать о них.

Вырваться, выжить любой ценой – вот единственная цель, имевшая значение в данную минуту.

Короткая перебежка привела его на другую сторону улицы, под основание похожего на колонну здания, где некоторое время отчаянно оборонялась группа низкорослых сталтехов.

Под ударом атакующей волны механоидов узкие бойницы, прорезанные в цоколе, превратились в уродливые, оплавленные дыры. Из полуподвального помещения наружу высачивался едкий дым.

Апостол прижался к закругляющейся стене, огляделся.

В глаза бросались устремленные ввысь здания, теряющиеся среди косм заслонившего небеса вихря: шпилевидные, закрученные в замысловатые спирали, соединенные между собой ажурной сеткой многоуровневых дорог, они казались нереально хрупкими, слишком изящными и непрочными, чтобы выстоять под напором сотен пульсаций Узла.

Туда еще не докатилась атакующая волна механоидов, и строения окраинных кварталов гордо возвышались над руинами. Апостол невольно задержал взгляд, рассматривая поистине фантастическую картину. Город выглядел абсолютно чуждым, но, что больше всего поразило сталкера, он не наблюдал признаков искажений – деформаций предметов и зданий, возникающих при прохождении волн зеленоватого свечения, – это настораживало, шло вразрез с накопленным в границах Пятизонья опытом. По идее в такой близости от исполинского вихря должны были располагаться лишь приземистые огрызки строений, исковерканные либо плавно искаженные ударами многочисленных пульсаций.

«Может, сюда по какой-то причине не проникает аномальная энергия Узла? – невольно подумалось ему. – Хотя стремительный рост автонов и быстрая подзарядка накопителей армгана свидетельствовали об обратном».

«Непонятно…» – Апостол еще раз обвел взглядом панораму не тронутой разрушениями части города, ведя запись на имплантированный чип памяти. «В Ордене разберутся, что к чему», – подумал он, решая таким незамысловатым образом проблему накопившихся противоречивых вопросов.

Из-за плавного поворота S-образной улицы внезапно появилась многочисленная группа механоидов. Изделия техноса (так называли их военные) не маскировались, не искали укрытий, видимо, сопротивление

сталтехов в этой части города было окончательно сломлено, и теперь механические твари перегруппировывались для новой атаки.

Апостол медленно двигался вдоль стены здания, удерживая противника в поле зрения. Вступать в схватку – бессмысленно. Задействовав импланты, он создал искажение, скрывшись в истекающем дымом широком проломе, уводящем в недра цокольного этажа полуразрушенной постройки.

То, что нужно… Где-то поблизости должна располагаться позиция сталтехов…

Двигаясь среди мрака и задымления, он задействовал все группы имплантов. Кибернетические расширители сознания позволяли Апостолу видеть контуры предметов, границы помещений и коридоров, а метаболический преобразователь – дышать отравленным воздухом, не ощущать жара, исходящего от иссеченных лазерами, размягченных ударами плазмы стен постройки.

Сориентировавшись, он определил нужное направление и через некоторое время вышел в полукруглый зал с высоким сводчатым потолком.

Позиции сталтехов располагались по периметру внешней стены. Безобразные оплавленные дыры и широкие трещины давали достаточно света, чтобы осмотреться.

Трудно сказать, в каких целях использовалось это помещение до его переоборудования в долговременную укрепленную точку. Мощные колонны подпирали местами обвалившийся свод, выступы стен образовывали отдельные сегменты помещения, но сталкера в данный момент не интересовали архитектурные подробности чуждой постройки.

Тела необычных (по меркам Пятизонья) сталтехов валялись повсюду. Низкорослые, лишь отдаленно напоминающие людей, они отличались особой формой черепов, вытянутых к затылку, и строением верхних конечностей, более гибких, чем у человека, имеющих по два сустава, оканчивающихся цепкими трехпалыми кистями рук.

Да уж…

Он присел на корточки подле одного из сталтехов. Скоргам не под силу создать совершенный носитель, и они беззастенчиво используют миллионнолетние наработки эволюции, заимствуя у природы или у созданного разумными существами механизма его основу, безжалостно отсекая «лишнее», – несовершенную, уязвимую плоть, например…

«Хотя несколько схваток в Пустоши показали, что с этими сталтехами все далеко не так просто», – продолжал размышлять Апостол. В отличие от нежити Пятизонья, они сохранили в своей структуре органические ткани, а

под их металлизированной черепной коробкой были скрыты не только управляющие колонии наномеханизмов, но и пронизанные серебристыми нитями участки коры головного мозга. Неожиданно сделанное открытие позволило классифицировать их как киборгов, но пока ни на йоту не приблизило к разгадке их возникновения.

Достав нож с мономолекулярным лезвием, способным разрезать самую прочную сталь, он точным, безжалостным движением вспорол грудь сталтеха, рассекая сложное плетение приводов и искусственных мышц.

Как он и ожидал, внутри грудной полости, защищенной ребрами эндоостова, располагалось «Сердце зверя», главный сервомоторный узел и еще несколько совершенно незнакомых устройств. Проследив за цепями питания, Апостол не нашел автономных блоков, имеющих собственный запас энергии.

Если маркер, добытый им в Пустоши, был встроен в механоида, то тут, к своему разочарованию, Апостол не обнаружил ничего схожего с необходимым ему устройством.

Что же делать? Он перевернул тело сталтеха, еще раз осмотрел его, но не нашел даже признака какой-либо экипировки – все оружие было встроенным, никакой одежды, никаких навесных приспособлений. Чистый функционал, без изысков. Ни одной лишней детали. Он включил сканер, провел им вдоль конечностей существа. Прибор показал замысловатое сплетение металлизированных мышц, некоторое количество органики, выявил несколько крупных кровеносных сосудов. Киборг. Без вариантов. Но где же у него маркер? Или те сталтехи, что вторглись в отчужденное пространство Пустоши, оснащались особым образом?

Закончив осмотр, он пришел к выводу, что единственной надеждой на возвращение являются несколько нераспознанных устройств, запитанных от «Сердца зверя». Придется вырезать их вместе с накопителем и частью приводов…

В этот момент заработал чип мью-фона.

– Апостол, ты где? Почему ушел с позиции?!

– Я в здании напротив.

– Чем ты там занят?! Вокруг механоиды!

– Уж потерпите минуту! – огрызнулся сталкер, орудуя ножом. Несколько раз брызнула кровь – в теле сталтеха действительно присутствовал изрядный процент живых тканей, очевидно, питающих мозг, сохраненный скоргами в качестве идеального природного компьютера.

Действительно, неисповедимы пути твои, господи… – невольно подумал Апостол. Люди, чтобы выжить в аномальных пространствах,

имплантировали себе колонии скоргов, научившись контролировать их, выявляя и фиксируя полезные свойства вездесущей «серебристой проказы», технос же, ведя эволюционную борьбу, постепенно стал заимствовать биологические компоненты, приспосабливая их под свои нужды…

Вырезав из груди сталтеха энергоблок с подключенными к нему устройствами, он упаковал свой трофей в прочный пластиковый пакет, накрепко приторочил его к поясу и собирался уходить из здания, когда мью-фон внезапно передал короткий приказ:

– Апостол, оставайся на позиции! Нас обнаружили! Отходим к тебе!

Сквозь проломы в стенах донеслись отзвуки нескольких взрывов, затем где-то в близлежащих руинах короткими очередями огрызнулся импульсный пулемет; освещая пространство улицы, снаружи здания зардели раскаленные язвы лазерных попаданий.

Апостол метнулся к одному из проломов, намереваясь прикрыть отступление группы, но короткая схватка уже завершилась – несколько подбитых механоидов дымили среди руин, остальные уклонились от боя, сбитые с толку внезапным нападением.

Сталкеров он не заметил. Видимо, Дарлинг поставила мощное маскирующее искажение – руины, расположенные по ту сторону улицы, просматривались нечетко, словно между ними и наблюдателем струилось знойное марево.

В глухой тишине послышались торопливые шаги, а через минуту в сумеречном помещении появилась Титановая Лоза, следом, прихрамывая, шел Аскет, за ним, прикрывая группу, двигался Саид.

Окинув взглядом разгромленную позицию сталтехов, Дарлинг, заметив препарированное Апостолом тело, повторила вопрос:

– Чем ты тут занят?!

– Наш обратный билет. – Сталкер коснулся уже отвердевшей пластиковой скорлупы, в которую запаковал свой жутковатый трофей.

– Уверен?

– Нет, конечно. Но надеюсь. Нужно в темпе уходить к основанию вихря. Неизвестно, как активируются устройства сталтехов и есть ли тут вообще зона тамбура.

– Я никуда не пойду! – категорично произнес Аскет, присев на выступ огромного непонятного устройства. Лазерный разряд задел его ногу, и он, морщась от боли, стягивал небольшими скобками края длинного бескровного пореза.

– Ну, конечно! – Апостол постепенно терял самообладание. – Мы же

должны узнать все тайны, прежде чем сдохнуть! Очнись, Егор! – обратился он к Аскету. – Тебе мало досталось за последние сутки?! У нас есть маркер, снятый с механоида, теперь, надеюсь, удалось заполучить аналогичное устройство сталтехов! Вовсе незачем участвовать в побоище, которое устроил здесь технос! Мы возвращаемся!

– Нет! – в тон Егору отрезала Дарлинг. – Прежде мы доберемся до противоположной окраины города!

Ее слова не на шутку разозлили Апостола.

– Дарлинг, я все понимаю! – Он попытался говорить спокойно, но не получилось. – Кто-то нанес тебе и Егору эти проклятые голографические отметины с тремя буквами, как на том здании, куда ты рвешься, но есть же предел разумному риску! Если маркер сталтеха сработает, мы сможем вернуться сюда в любое время!

– Мы никуда не уходим! – резким, не терпящим возражений тоном вновь произнесла Титановая Лоза. – Механоиды вскоре сровняют город с землей. Ускользнем сейчас – вернемся уже на руины. И ничего не узнаем, будет поздно!

– Приказываешь мне?! Потому что ты – приемная дочь командора? – Апостол покачал головой. – Нет, Дарлинг. Твое стремление умереть или узнать истину – уже перебор! Нам всем необходима передышка! Метаболические импланты едва держат нас на ногах! Боеприпасов нет.

– Есть боевые импланты. Здесь сильна энергия Узла, – упрямо настаивала на своем Дарлинг. – Ты прав, Апостол, я отказалась от командования капитулом. Простой разведчик Ордена действительно не может приказывать тебе. Уходи, раз так решил! – Она обернулась: – Егор, ты со мной?

Аскет лишь кивнул, продолжая «штопать» рану на ноге.

Молчавший до сих пор Саид укоризненно покачал головой.

– Дарлинг права, – произнес он, к немалому удивлению и досаде Апостола. – Вернувшись позже, мы найдем здесь еще одно городище скоргов. Сталтехи проиграли битву. Если рискнуть, то сейчас.

– И чем будем воевать? – Апостол исподлобья взглянул на остальных. – Видели, сколько механоидов переместилось сюда из Пустоши? По границе еще не разрушенных кварталов проходит натуральный фронт! Там, – он кивнул в сторону, откуда доносился рокот боя, – плотность изделий техноса на один квадратный метр превышает все разумные пределы. Не помогут ни искажения реальности, ни иные ухищрения! Только силовой прорыв, который – самоубийство!

– Теряем время. – Дарлинг оставалась непреклонна. – Пусть каждый

решает за себя. – Она рывком перевернула тело одного из сталтехов и вдруг резкими точными взмахами ножа отсекла его «руки», вместе со встроенным в них оружием. Не обращая внимания на капельки крови и обильно выступившую на срезах серебристую субстанцию, она изучила обе конечности, затем, придя к определенному выводу, соединила их, так что трехпалые кисти соприкоснулись, затем скрепила получившуюся конструкцию тонкой прочной полоской с клейкой поверхностью – при помощи подобных «прилипал» размножались некоторые редкие виды автонов.

– Мне нужно заряженное «Сердце зверя», – произнесла она.

Апостол встал, хмуро взглянул на Дарлинг.

– Держи. – Он протянул ей компактный энергоблок. – Еще «липун» есть?

Титановая Лоза кивнула. Подключить источник энергии к собранному из двух половин генератору сверхвысокочастотного излучения не составило особого труда для такого опытного мнемотехника, как Дарлинг, и через минуту она уже держала в руках готовое к бою оружие.

– Лоза, отойдем, поговорим.

– О чем? – Дарлинг критически осмотрела собранный и приведенный в боевую готовность СВЧ-генератор. «Дистанция эффективного воздействия около тридцати метров, – мысленно прикинула она. – Энергии примерно на двадцать выстрелов».

Заметив, что Апостол по-прежнему выжидающе смотрит на нее, девушка кивнула.

Они отошли в глубину помещения.

– Ну, что ты хотел сказать?

– Лоза, ты прекрасно знаешь, я не трус. Позволь хотя бы Саида отправить с донесением в Орден? Портал недалеко, большинство механоидов развивают атаку, сейчас самое время попытаться! Ну, услышь меня, на минуту отключи эмоции!

Дарлинг с вызовом взглянула на Апостола, а затем вдруг… кивнула.

– Хорошо. Вы с Саидом пойдете вдвоем. – Она присела на край непонятного устройства. На миг ее лицо стало прежним – спокойным, сосредоточенным, взгляд утратил лихорадочный блеск, и в нем прорвалась дикая, стирающая эмоции усталость. – Ты прав, и не смотри на меня так. В тебе говорит преданность Ордену, верно?

Апостол молчал.

Тяжелые мысли переполняли рассудок. Разум подсказывал одно, душа – другое, и не было мира внутри, все полыхало, как тот город снаружи.

Четыре года адепты Ордена пытались разгадать тайну Узла – пространственно-временной аномалии, оставившей на Земле след в виде пяти зон отчужденных пространств, где погибло все живое и процветал технос. Они рисковали, выходя навстречу пульсациям, по крохам собирали крупицы истинных знаний о непостижимых для человека структурах, но технос оказался на шаг впереди. Исчадия высочайших технологий, инициировавшие собственную эволюцию, раньше людей овладели сокровенными знаниями, создали устройства для адресного перемещения в недоступные для сталкеров пространства и уже вели тут свою, непонятную людям борьбу.

Устройство, демонтированное с механоида, перебросившее их сюда, в буквальном смысле жгло ладонь Апостола.

Дарлинг взглянула на него.

– Не отвечай. Я понимаю тебя. Кто-то из нас действительно должен вернуться. До зоны тамбура пойдем вместе. – Титановая Лоза встала. – Если твой план сработает, приведешь подкрепление.

– А вы? – вырвалось у Апостола.

– Мы с Егором попытаемся прорваться к зданию с логотипом «DRG». Это не обсуждается. – Она протянула адепту собранный СВЧ-генератор. – Осторожнее, он превращает материальные объекты в плазму. Стрелять лучше из-за укрытий, учитывая состояние нашей защитной экипировки. И не говори ничего. – Она, не оборачиваясь, пошла назад, к центру зала.

Саид, возившийся с трофейным оружием, поднял вопросительный взгляд.

– Вы с Апостолом возвращаетесь в Орден.

Аскет, снаряжавший магазин «ИПК» н-капсулами, промолчал. Ему и так все было очевидно. Компромисс между здравым смыслом и безумным желанием вырвать тайну этого аномального пространства неизбежно вел к разделению группы. Так должно было произойти.

Саид насупился, собираясь протестовать, но Дарлинг жестом остановила его.

– Апостол прав, – повторила она теперь уже для всех. – Я погорячилась. Кто-то действительно должен вернуться, рассказать обо всем, вызвать помощь. Мы вместе прорвемся к зоне тамбура. Там разделимся. Я и Аскет остаемся, вы уходите в портал. Если у кого есть возражения – говорите сразу.

Егор лишь пожал плечами – и так все ясно, план разумный. Апостол напряженно молчал, Саид подобрал два армгана, проверил заряд энергоблоков и ответил:

– Решили – значит, так тому и быть.

– Тогда вперед! – подытожила Дарлинг.

* * *

Город пылал.

Исполинский вихрь, скованный по периметру цепями ветвящихся высоковольтных разрядов, царил над разрушенными кварталами, подпирая хмурые небеса.

От здания, где недавно держали оборону сталтехи, до основания вихря, подле которого, как правило, срабатывают навигационные устройства маркеров, по прямой было не более двух километров.

Сталкеры перемещались короткими перебежками, постоянно прикрывая друг друга, – кто-то один находился в движении, трое контролировали обстановку, готовые открыть огонь.

Егор, заняв очередное укрытие, бегло осмотрелся.

Что-то тревожило, не давало покоя с того момента, как, миновав металлический лес, они увидели город, расположенный в долине между двух хребтов. Не чувство опасности – оно не истончалось ни на секунду, а какое-то другое ощущение, словно память постоянно пыталась вытолкнуть некое воспоминание, но оно тонуло в адреналине…

– Саид, пошел!

Фигура адепта появилась справа. Он бежал, пересекая пространство заваленной обломками зданий улицы. На фоне металлокустарников, проросших на открытых местах и уже карабкающихся по руинам, экипировка сталкера казалась черной.

– На позиции! – Саид присел.

Со стороны предполагаемого тамбура показалась стая гарпий.

Механоиды, эволюционировавшие из беспилотных летательных аппаратов, сновали хаотично, то сближаясь и образуя подобие строя, то поодиночке пикируя к земле, – в их повадках прослеживался неустойчивый синтез между наследием программ, когда-то руководивших поведением беспилотников, и начатками индивидуальности, появившимися в результате стремительного эволюционного развития ярких представителей техноса.

Опасные твари. Бывшие аппараты разведки оснащались наиболее продвинутыми комплексами сканеров, но скорги, захватывая носители, постоянно совершенствовали их – борьба примитивов, длившаяся в границах Пятизонья без малого пять лет, породила натуральных исчадий, а затем неведомая сталкерам сила подчинила их единым задачам –

большинство механоидов прошли систему апгрейдов в городищах Пустоши, получив не только новые вооружения, но и способность координировать действия, образуя локальные сети обмена данными.

Сталкеры затаились, Дарлинг прикрыла их позиции искажением реальности, но надолго ли хватит ее сил? Лоза уже сутки действовала на пределе человеческих возможностей.

Егор оперся спиной о крупный обломок бетонной конструкции, провожая стволом «ИПК» одну из механических тварей.

Мысль, что занозой таилась в подсознании, внезапно вырвалась из узилища памяти.

Сталь и бетон.

Строительные материалы земного происхождения.

Почему мы решили, что пульсация Узла перебросила нас в пространство, отдаленное на многие световые годы от родной планеты?

«Надо бы расспросить Апостола, – вскользь подумалось Егору. – Он у нас специалист по теории Узла… по крайней мере, дам ему пищу для размышлений.

Быть может, мы не так уж и далеко от «дома»?»

Воспоминание, упорно рвущееся из подсознания, так и не нашло выхода: одна из тварей, спикировав к земле, внезапно обнаружила цель, разрядив курсовые импульсные орудия двумя длинными очередями.

Вспышки разрывов наискось двумя трассами перечеркнули пространство улицы, в ответ серией одиночных выстрелов огрызнулся импульсный пулемет, и создание техноса, получив несколько попаданий в корпус, внезапно взорвалось, разлетаясь дымящимися клочьями металла.

Неожиданная схватка произошла в стороне от позиции сталкеров.

Стая механоидов тут же изменила поведение, они прекратили поиск, устремившись к конкретной цели.

Среди руин промелькнула фигура сталтеха, тот рванулся к новому укрытию, стремясь вырваться из-под массированного огня, но его попытка была заранее обречена: летающие твари четко зафиксировали цель, их огонь стал более точен, многочисленные снарядные трассы уже не вспарывали руины – разрывы гнались за человекоподобной фигурой, неумолимо настигая ее.

– Работаем! – хрипло приказал Егор.

Он понимал: пока над зоной тамбура барражируют механоиды, подобраться незамеченными к основанию вихря практически невозможно, значит, нужно переломить ситуацию сейчас, используя рывок обреченного сталтеха в качестве отвлекающего маневра.

Первым по исчадиям техноса ударил Апостол.

Дождавшись, пока летающие твари образуют подобие строя, пикируя на цель с одного направления, он разрядил по ним СВЧ-генератор.

В серых небесах полыхнула серия ослепительных вспышек. Пять или шесть беспилотников, попав под удар сверхвысокочастотного излучения, мгновенно превратились в сгустки плазмы, еще нескольких покалечило близкими разрывами, и они, хаотично вращаясь, рухнули на землю, выбив фонтаны огня в местах падения. Уцелевшие твари рванулись было в разные стороны, но их сканеры уже зафиксировали позиции сталкеров, и маневр уклонения плавно перешел в атаку: развернувшись на небольшой высоте, они перестроились и попарно устремились к целям.

Сталтех все же не добежал до укрытия. Егор видел, как его корпус, перерубленный очередями курсовых орудий двух гарпий, разлетелся на несколько фрагментов, а в следующую секунду стало не до него – исчадия техноса, резко изменив курс, устремились на позицию Аскета.

В подобных схватках раскрывается весь потенциал настоящего сталкера.

Метаболический имплант Аскета, воспринимая предельное напряжение каждого нерва, отреагировал на обострившуюся ситуацию мгновенным ускорением обмена веществ, расширитель сознания задействовал *весь* потенциал человеческого мозга, и восприятие мира резко изменилось – из реальности как будто вычеркнуло все лишнее, не относящееся к проблеме сиюсекундного противостояния.

Егор за время скитаний по Пустоши привык к подобным метаморфозам – его рассудок, будто боевой компьютер, «вел» обе цели, удерживая их в фокусе восприятия, дистанция стремительно сокращалась, механоиды первыми открыли огонь, но Егор постоянно перемещался от выпущенных по нему очередей, используя каждое укрытие, не позволяя тварям произвести роковой прицельный выстрел, одновременно его импланты генерировали встречное излучение, вызывая сбои в работе управляющих механоидами колоний наномашин.

Схватка с исчадиями техноса не предполагает *позиционной перестрелки* – большинство укрытий ненадежно, неподвижность – верная смерть, но многие узнают элементарные истины слишком поздно…

Еще секунда, и в нескольких метрах от Егора плеснуло пламя близкого разрыва – парализованная встречным излучением колония скоргов не справилась со сложным маневром, и управляемый ею техномонстр врезался в землю, вторая тварь, огрызнувшись из курсовых орудий, начала резко набирать высоту, проигрывая те самые роковые мгновенья, – вслед

ударил «ИПК» Егора; н-капсулы испятнали броню беспилотника ртутными кляксами попаданий, и тот мгновенно сошел с курса, перевернулся через крыло, задел огрызок стены и потонул в черно-оранжевом сгустке пламени.

Бешено молотилось сердце.

Сознание, мобилизованное в короткой схватке, на миг помутилось, Егор споткнулся, перед глазами все двоилось, он ударился плечом об угловатый обломок, но не ощутил боли, лишь запредельное напряжение медленно отпускало, пробегая по мышцам волнами бесконтрольной дрожи…

Он машинально схватился за подвернувшуюся под руку изогнутую металлическую балку, удержался на ногах, чувствуя, как возвращаются обычные человеческие ощущения – сквозь разорванную перчатку пальцы осязали шероховатую холодную поверхность, в горле першило, дыхательная маска сбилась набок, в полуметре от него истекала дымом цепь рваных воронок – выпущенная механоидом очередь вспорола землю так близко, что в ушах все еще стоял звон от разрывов…

Над руинами, тонко завывая двигателями, неслись две гарпии.

КТО?

– Дарлинг?!

Лоза не ответила, и Егор почувствовал, как внутри все похолодело, оборвалось.

Исчадия техноса начали синхронный разворот.

На частоте связи слышалась чье-то прерывистое дыхание, затем вдруг осипший голос Апостола отпустил проклятие в адрес «липуна» – видимо, оружие, собранное при помощи липкой артефактной субстанции, разъединилось на части в самый критический, неподходящий момент…

Егор крутанул магазин «ИПК», меняя тип боеприпасов. Механоиды атаковали позиции адептов – метрах в двухстах по направлению к зоне тамбура земля, поднятая разрывами, сгорала в черно-оранжевых всплесках пламени, в ответ дважды ударили лазерные излучатели Саида, одной из гарпий срезало фрагмент крыла, и механическая тварь, потеряв стабилизацию, ушла в крутой неуправляемый вираж.

Сканеры на дистанции в двести метров давали недопустимое количество помех, сказывалось близкое соседство чудовищного вихря энергий, контур механоида в мысленном восприятии казался расплывчатым, но тут выручила старая добрая оптика, Егор прильнул к снайперскому прицелу и выпустил короткую очередь на упреждение.

От корпуса механоида брызнули осколки, затем из пробоин вырвалось пламя, несколько секунд исчадие пыталось выровнять полет, но тщетно –

траектория его падения пересеклась с одним из холодных сгустков зеленоватого сияния, изобилующих подле основания титанического вихря, и в землю врезалось уже не изделие техноса, а бесформенный ком металла, змеящийся затухающими искажениями…

Путь к тамбуру был свободен.

* * *

– Дарлинг! – Егор перепрыгнул через нагромождение обломков и увидел ее. Титановая Лоза сидела, прислонившись спиной к фрагменту стены, ее глаза были закрыты, из-под крепления дыхательной маски по щеке сочилась кровь.

Рядом валялся покореженный взрывом корпус механоида, еще два летающих исчадия техноса дымили неподалеку, в руках у Дарлинг не было оружия, – СВЧ-генератор она отдала Апостолу, а значит, приняла бой, рассчитывая лишь на собственные импланты…

Пробежав несколько метров, Егор рухнул на колени, рванул с пояса аптечку, но тут же передумал. Зубами сорвав перчатки, он коснулся ладонями ее висков, дрожащие пальцы ощутили липкую кровь и холод…

В эти мгновенья Егор не задумывался о том, сколь смехотворны его способности бионика, да и пользовался он ими от случая к случаю, но ледяное ощущение холода, так испугавшее его, вдруг начало истончаться, кисти рук мгновенно онемели, но он не шелохнулся, зато веки Дарлинг дрогнули, она судорожно вдохнула, открыла глаза, несколько секунд ее взгляд оставался мутным, затем зрачки неожиданного сузились, и она внезапным, резким движением схватила Егора за руки.

Еще через мгновенье к ней окончательно вернулось сознание, пальцы Титановой Лозы, едва не сломавшие Егору запястья, разжались, она бессильно откинула голову, прошептав дрожащими губами:

– Извини… Вырубилась… Не выдержала…

Он с усилием отнял ладони от ее висков, сел рядом.

Жива…

Они молчали, каждый по-своему переживая секунды тишины, – два сталкера, давно и казалось бы – безнадежно забывшие, что, кроме ежедневных тягот выживания, диких, проходящих на грани потери рассудка схваток, в мире существует еще что-то…

Среди нагромождения руин появились Апостол и Саид.

Хрупкая тишина рассыпалась шорохом их шагов.

– В зоне тамбура появилась группа примитивов, – скупо сообщил Саид. Один армган, поврежденный попаданиями осколков, болтался на

оторванном креплении, на лице адепта запеклась кровь, но взгляд оставался жестким и непреклонным. Присев на корточки, он молча занялся поврежденным оружием.

Дарлинг встала, опираясь на плечо Егора.

– Много их? – спросила она у Апостола.

– Пять или шесть. Заняли позиции у самого основания вихря. Там сплошные искажения, точно не сосчитать.

– Больше никого не заметили?

– Нет.

– Тогда нельзя терять время. Саид, отдай мне армган. Мы с Егором отвлечем механоидов, прижмем их огнем, а вы прорветесь чуть в стороне. Если все получится, то в Пустоши подле портала оружия полно.

Адепт молча протянул Лозе лазерный излучатель.

* * *

На километровый рубеж они вышли без проблем, видимо, сбитые гарпии являлись основным заслоном, блокирующим зону тамбура.

Лоза и Аскет заняли позиции в сотне метров друг от друга.

Апостол с Саидом уже преодолели половину пути и сейчас приближались к одному из странно изогнутых зданий, похожих на исполинские, торчащие из земли когти. Шесть таких построек окольцовывали зону тамбура, их назначение пока оставалось неясным.

Механоиды, затаившиеся у самого основания вихря, внезапно зашевелились.

– Саид, Апостол, замрите! – раздался по связи приказ Дарлинг. – Егор, они что-то почуяли, начинаем!

Из-за укрытий по механоидам резанула очередь крупнокалиберного импульсного пулемета, одного из рапторов, неудачно пытавшегося сменить позицию, прошило несколькими попаданиями, остальные мгновенно зафиксировали направление стрельбы, обрушив на позицию Егора ответный удар.

Глыбы бетона разбивало в мелкий дымящийся гравий, но он уже находился метрах в пятидесяти от демаскированного укрытия, с левого фланга по группе механических исчадий полоснул лазерный луч – было отчетливо видно, как вишневые капли расплава брызнули по сторонам, оставляя в воздухе неровные сизые полосы дыма.

Огонь механоидов разделился. Теперь часть из них обстреливали позицию Титановой Лозы, остальных держал в постоянном напряжении Егор – он перемещался по цепочке заранее намеченных укрытий, огрызаясь

из «ИПК».

– Апостол, Саид, пошли!

Адепты Ордена устремились в прорыв.

* * *

Егор, в очередной раз сменив позицию, выглянул из-за укрытия, недоумевая, почему огонь со стороны механоидов внезапно стих.

Он успел заметить, как в центре зоны тамбура появились новые искажения, вспыхнуло и погасло зловещее зеленоватое мерцание, Саид и Апостол уже практически поравнялись с изогнутым зданием, он хотел крикнуть, предупредить их, но не успел…

– Пульсация! – Возглас Титановой Лозы также безнадежно опаздывал: сокрушительное катастрофическое явление развивалось стремительнее способности человеческого рассудка осознать происходящее.

Исполинский смерч, к основанию которого прорывалась адепты Ордена, внезапно начал разбухать, в его недрах зародился сгусток холодного зеленоватого света – квинтэссенция чудовищных энергий, несущих тотальные разрушения.

Еще мгновенье, и первая кольцевая волна искажения рванула во все стороны от эпицентра.

Среди распластанных в щебень руин найти укрытие практически невозможно.

Вокруг лишь пологие, истекающие дымами холмы, все здания окрестных кварталов разрушены, и лишь шесть исполинских построек, расположенных по периметру окружности, надменно царили над руинами, вонзались в низкую, кипящую облачность, вопреки всему.

Кольцевой вал аномальной энергии стремительно расширялся – вот он ударил в низкие, иззубренные огрызки стен, за которыми прятались защищавшие зону тамбура механоиды, взорвал несколько построек, выбрасывая на десятиметровую высоту фонтаны расплавленной массы, смешивая останки техномонстров с утратившими прочность обломками зданий; по земле рванулась судорога, кипящая почва вздымалась пологой волной, искажение в доли секунд докатилось до периметра окружности, образованной загадочными шпилевидными постройками, и вдруг…

Вал аномальной энергии как будто ударил в невидимую прозрачную стену.

Земля вновь содрогнулась, среди руин с оглушительных грохотом побежали трещины, вокруг разбухшего, искаженного, тысячекратно пронзенного высоковольтными разрядами вихря бесновались не

поддающиеся осмыслению силы: что-то остановило удар пульсации, два вала искажений смешались в ограниченном пространстве – первый отразился от незримой преграды, второй же только начинал расширяться, – они столкнулись, реальность лопнула, в небо ударил столб ослепительного холодного пламени.

Шпилевидные здания озарило напряженное фиолетовое мерцание, а внутри ограниченного ими пространства изумрудно-холодный свет внезапно начал густеть, беснующиеся энергии не нашли выхода, не смогли прорвать внезапно вставшую на их пути преграду. На несколько мгновений все застыло, а затем началась стремительная метаморфоза: холодный яростный свет вдруг стал угасать, будто энергия пульсации, остановленная на рубеже загадочных защитных устройств, трансформировалась в полупрозрачное вещество. На глазах потрясенных сталкеров в зоне тамбура возник цилиндрический столб нескольких километров в диаметре.

Саид потрясенно выругался.

Мысль о неминуемой смерти, парализовавшая рассудок, медленно отпускала, пронзая мышцы волнами дрожи.

Он выпрямился, не в силах оторвать взгляд от полупрозрачной зеленоватой колонны, похожей на мутное бутылочное стекло. Сотни локальных завихрений угадывались внутри, вдоль сплетающихся между собой, стремящихся ввысь, навек застывших спиралевидных нитей смутно прорисовывались контуры предметов, принесенных пульсацией, – обломки зданий, фрагменты техномонстров, несколько тел сталкеров, серебристые вкрапления скоргов, переломанные металлорастения, несколько смятых кузовов ржавых автомобилей, куски кирпича, фрагменты бетона, изогнутая арматура, различные осколки приборов и механизмов – все это причудливо перемешалось, частично совместилось и застыло, прочно впаянное в похожую на стекло зеленоватую субстанцию…

Вот это называется – вырвались!.. – шарахнула в рассудке одинокая мысль.

Он с трудом оторвал взгляд от многокилометровой «колонны», теряющейся в кипящем покрове облачности, обернулся, увидел встающего с земли Апостола, все еще сжимающего в правой руке вырванное из сталтеха ядро системы, и вдруг запоздалая нервная реакция на событие ударила испариной, смешала мысли, выплеснув в рассудок сонмище противоречивых чувств.

Саид сипло выдохнул.

Застывший вал аномальной энергии остановился в десятке метров от его позиции, незримый барьер, запечатавший зону тамбура, змеился

локальными искажениями, было реально *страшно* – он видел десятки пульсаций, сталкивался со всеми мыслимыми опасностями отчужденных пространств, но ни разу не испытывал ничего подобного…

Глухо стукнул о землю выпавший из руки Апостола окровавленный механизм сталтеха.

Звонкая тишина вновь начала дробиться на звуки, включившийся коммуникатор транслировал прерывистое дыхание – Дарлинг, потрясенная не менее, чем остальные, сделала несколько шагов, остановилась, затем вдруг порывистым движением подняла забрало боевого шлема, машинально смахнув мелкие капельки пота, выступившие на лбу.

Последним в поле зрения Саида появился Аскет. На обычно невозмутимом, худощавом лице сталкера читалось потрясение.

Они молча переглянулись.

Смерть остановилась в нескольких шагах от них. Но стало ли от этого легче?

Зона тамбура запечатана.

Выходит, они теперь вечные пленники чужого пространства?!

* * *

Леденящие эмоции, низвергающие рассудок в бездну отчаянья, осознания непоправимости произошедшего, постепенно отпускали.

– Что будем делать? – Апостол покосился в сторону высящегося неподалеку шпилевидного здания, по стенам которого пробегали волны напряженного фиолетового мерцания.

Вопрос повис в тишине.

Лишь отзвуки боя, возобновившегося на противоположной окраине города, рассыпались перестуком очередей да звонкими ударами взрывов.

– Идем к зданию с логотипом «DRG». – Голос Титановой Лозы прозвучал глухо.

Апостол как будто не слышал ее.

– Хороший был план… Чуть бы пораньше… – Он с досадой пнул оброненный фрагмент внутренней начинки сталтеха. Его взгляд вновь вернулся к исполинской постройке.

– Даже не думай, – предупредил Аскет.

– Я хочу вырваться отсюда! – огрызнулся Апостол. – Ясно ведь – перед нами защитная установка! Вырубить ее и…

– И освободить энергию пульсации? – Взгляд Титановой Лозы яростно обжег адепта. – Думай, что предлагаешь!

– Так! – Аскет встал между ними. – Оба успокоились! Если хотим

выбраться отсюда, нужно искать тех, кто создал защитную установку!

– А где их искать, умник? Посмотри вокруг! С кем разговаривать? У кого спрашивать?! У механоидов? У сталтехов?

– Возьми себя в руки! – Аскет не собирался терять время на пустые препирательства. – Тут есть единственное здание нашей, человеческой архитектуры!

– Если технос еще не сровнял его с землей! И вообще, откуда здесь могут взяться люди?! Все видели город! Он *чужой*!

– А здание?

– Да его занесло сюда пульсацией! Непонятно разве?! Как этот обломок московского небоскреба в Пустоши!

Дарлинг прикоснулась к плечу Апостола.

– Очнись.

Апостол внезапно замолчал, затем махнул рукой, подбирая с земли оружие.

– Проехали. – Он вновь покосился на исполинские башни. – Все решили, так пошли. – Развернулся и зашагал в сторону ближайшей улицы, рассекающей руины.

Саид лишь молча покачал головой, глядя вслед напарнику.

– Нервы. Сейчас пройдет. – Аскет кивнул Саиду. – Прикрой его. До ближайшего перекрестка по моим сканерам все чисто. Там остановимся, решим, как действовать. Дарлинг, – он обернулся, – пошли.

* * *

Бой полыхал в нескольких километрах от мрачного комплекса зданий, к которому пробирались сталкеры.

Широкий бульвар делил город на две неравные части – именно тут, где горная долина резко сужалась, превращаясь в ущелье, исчадия техноса внезапно встретили ожесточенное сопротивление: сталтехи организовали сплошную линию обороны, закрепившись в приземистых зданиях, похожих на цеха промышленного комплекса.

Сталкеры наблюдали за происходящим с небольшой возвышенности. Прошло четыре часа после неудачной попытки прорваться к расположенной в центре города зоне тамбура. За это время они миновали захваченные техносом кварталы руин, вышли к невысокому, лишенному растительности холму, поднялись по склону и остановились у подножия отвесных скал.

Отсюда панорама развернувшегося сражения была видна как на ладони.

Механоиды накатывались волна за волной, но их атаки захлебывались, исчадиям техноса приходилось передвигаться по открытому пространству широкого бульвара, где их в буквальном смысле выкашивало кинжальным огнем с заранее оборудованных позиций.

– Снайперы! – Дарлинг указала на крутые, почти отвесные стены сужающегося ущелья, на фоне которых в сумеречном освещении были отчетливо видны вспышки одиночных выстрелов.

– Вижу… – Егор мысленно намечал предстоящий маршрут. Здание с покосившимся логотипом на крыше возвышалось мрачной неосвещенной громадой в конце проспекта, рассекающего оборонительную линию сталтехов, делящего окраину города на две ассиметричные промышленные зоны.

Проспект (сталкеры пользовались привычными для человека названиями, характеризуя планировку и архитектуру города), с одной стороны, являлся слабым участком оборонительных сооружений, а с другой – вполне мог оказаться заранее подготовленной ловушкой.

– Что думаешь, Егор? – Апостол исследовал крутые склоны и пришел к выводу, что пробираться в обход кипящей внизу схватки будет сложно. – Может, все-таки прорвемся по проспекту?

Аскет отрицательно покачал головой.

– Поясни, – насупился Апостол.

– На месте сталтехов я бы заманил механоидов на проспект, продемонстрировав ложное отступление, а затем уничтожил перекрестным огнем из прилегающих зданий, – пояснил Егор.

– Думаешь, они такие умные?

Егор пожал плечами.

– Ты сам говорил, что лезть в пекло неразумно, – напомнил он адепту. – Мы не понимаем, что тут происходит. Портал блокирован. Устройства скорее всего сработали автоматически, но есть шанс, что существует механизм их дистанционного отключения.

– К чему ты клонишь?

– Я пытаюсь размышлять логически. Технос не в состоянии подтянуть подкрепления, но взгляни – механоиды рвутся вперед, невзирая на возрастающие потери. Город они разрушили, среди руин достаточно энергополей и зарослей автонов, так почему бы им не остановиться на достигнутом?

– Считаешь, перед ними стоит конкретная задача?

– Да, и она пока не достигнута. Если рассматривать уцелевшие постройки, то я вижу только одну достойную внимания цель – комплекс

зданий с логотипом «DRG». Возможно, что именно там базируется система, управляющая устройствами, заблокировавшими зону тамбура?

– Боюсь, ты все усложняешь.

– Нет, – спокойно ответил Егор. – Технос выстроил в Пустоши огромные городища, сформировал целую армию механоидов, бросил их сюда. Зачем? С какой целью?

– Не знаю, – нехотя признал Апостол. – Меня сейчас меньше всего волнуют разборки сталтехов и механоидов.

– Зря. Технос рационален. Организованное им вторжение потребовало не только серьезной подготовки, но и огромных ресурсов. Ни одна машина не станет заниматься бесцельным расточительством. Даже примитивы, управляемые дикими колониями скоргов, не склонны к тупой нерациональной агрессии.

– Ладно. Я соглашусь – у них есть цель. И механоиды ее достигнут, можешь быть уверен!

– А я и не сомневаюсь. Сталтехи обречены. Они грамотно обороняются, но технос хорошо организовал тылы. Сам же видел, как поврежденных механоидов реставрируют в зарослях автонов.

– Я не понимаю одного, Егор! Как нам выжить? Как выбраться из этой передряги?

– Опередить технос, – ответил Егор. – Первыми добраться до того таинственного комплекса, узнать, что именно в нем скрыто. – Он взглянул на отвесные стены ущелья. – Двигаться будем в обход.

– По скалам? Без снаряжения? Сколько времени потеряем?

– Проследи за снайперским огнем. Ничего не замечаешь?

Апостол на некоторое время умолк, затем ответил:

– Позиции вытянуты в линию. Примерно на одной высоте.

– Думаю, там проложена дорога, врезанная в горный склон. Нижний сегмент трассы наверняка выполнен в виде серпантина. На месте сталтехов я бы подорвал его, а осыпи заминировал.

– И как нам действовать?

– Подняться по скалам до позиций снайперов, – ответил Аскет. – Затем совершить марш-бросок, по уцелевшему участку дороги выйти в тыл обороняющимся сталтехам и спуститься вниз уже в районе интересующего нас здания. Сэкономим время, боеприпасы и нервы. Тросы у всех есть?

– Тросы-то есть. А со снайперами что станем делать?

– Постараемся проскользнуть незамеченными. Среди нас три метаморфа.

– Механоиды уже наверняка отследили схему огня, – высказал

сомнение Саид. – Не нарвемся на их попытку атаковать господствующие высоты?

– У изделий техноса есть один существенный недостаток, – ответил Аскет. – Отсутствие боевого опыта. Не забывай, основу сил вторжения составляют примитивы, модернизированные в городищах Пустоши. Нарвутся на засады, минные поля, откатятся, потом попытаются снова. Мы успеем проскочить.

– Симпатизируешь сталтехам? – не удержавшись, усмехнулся Саид.

Егор пожал плечами.

– Здесь у нас нет друзей. Значит, и симпатий быть не может, – отрезал он, затем внимательно осмотрелся и добавил: – Нам нужно пройти еще примерно километр. Бульвар, пересекающий город, упирается в горы. Думаю, там расположен участок взорванного серпантина. А в зданиях на ближней окраине промзоны сталтехами организованы засады. Просочимся между ними и начнем восхождение.

– Ну, посмотрим. – Апостол взглянул на Дарлинг, не принимавшую участия в споре.

Титановая Лоза пристально смотрела вдаль, туда, где высился загадочный комплекс зданий.

– Ждешь моего мнения?

Апостол кивнул.

– Я согласна с Егором. Доберемся до здания, проверим его, а там уже будем что-то решать, по обстановке.

* * *

Аскет оказался прав.

Под прикрытием мощного, сформированного Лозой искажения они пересекли широкий бульвар и вышли к приземистым промышленным зданиям, расположенным уступами, на выровненных скальных площадках, соединенных участками взорванного серпантина.

Внутри строений сканеры фиксировали многочисленные группы сталтехов.

– Впереди мины, – предупредил Егор. – Примитивные, скорее всего самодельные, но от сканеров хорошо защищены. Корпуса из пластика…

– Как ты их определяешь?

– Потом расскажу. – Аскет указал на выступ скалы, нависающий над взорванным фрагментом серпантина. – Взберемся на уступ, оттуда начнем восхождение к уцелевшему участку дороги.

– На скале снайпер, – предупредил Саид.

– Я сниму. – Егор достал нож. – Прикройте меня.

* * *

Аскет двигался бесшумно и осторожно.

Он поднимался без снаряжения и страховки, полагаясь лишь на собственную силу и ловкость. Оставшимся внизу сталкерам первая минута его рискованного восхождения показалась едва ли не вечностью.

Ему оставалось преодолеть всего пару метров, когда из-под ноги внезапно сорвался камушек, с отчетливым звуком ударился об осыпь и покатился вниз по склону.

Снайпер, засевший на скале, тут же насторожился.

Дарлинг не шелохнулась. Она хоть и ощущала внезапное обострение ситуации, но продолжала прикрывать Аскета искажением. Саид и Апостол, не сговариваясь, вскинули оружие.

Между группой сталкеров и ближайшим промышленным зданием всего метров двадцать. При внезапном огневом контакте отходить некуда.

Саид медленно повел стволом лазерного излучателя.

Апостол едва успел удержать напарника от рокового выстрела – голова сталтеха появилась на фоне светлеющего неба, тот выцеливал кого-то из странного (на первый взгляд) оружия.

Саид не опустил армган, лишь взглядом дал понять: все нормально, страхую, мало ли что?

* * *

Аскет, вовремя заметивший движение, распластался по скале, благо свежие сколы горной породы давали возможность быстро и надежно закрепиться, – метрах в полутора над ним появился силуэт сталтеха, вооруженного… «СВК»[18]!

Егор не успел метнуть нож. Над головой сухо ударил одиночный выстрел, в ответ по позиции снайпера щедро резанули очереди из импульсных орудий небольшого калибра.

Все произошло в считаные мгновенья. Тело сталтеха отшвырнуло от края обрыва, вниз с грохотом посыпались выбитые очередями камни, и вдруг оконные проемы окрестных здания щедро зачастили огнем: засевшие внутри группы сталтехов заметили отряд механоидов, пытавшихся совершить обходной маневр и выйти к участку подорванного серпантина.

Бой вскипел мгновенно и яростно.

Два десятка беспилотников обрушились на позиции сталтехов с воздуха – им потребовалось меньше минуты, чтобы обратить в руины

внушительных размеров здание, еще с полсотни механоидов, модернизированных в городищах Пустоши, передвигались по земле, пытаясь с хода преодолеть коварную каменную осыпь и ворваться на вырезанную в скалах площадку.

Глухо ударили взрывы. Передовые механоиды подорвались на минах, но это не остановило атаку.

Егор быстро вскарабкался на выступ, закрепил трос, сбросил вниз разматывающуюся на лету бухту, а сам, подобрав оружие, выпавшее из рук сталтеха, бегло осмотрел его и, признав годным, припал на одно колено, открывая огонь.

В начавшейся суматохе вскипевшего внизу боя никто не обратил должного внимания на внезапно ожившую позицию снайпера.

Аскет действовал решительно. Его сознание, несмотря на поставленные противником помехи, зафиксировало энергоматрицы механоидов, разум мгновенно проанализировал общую картину схватки, доли секунд потребовались, чтобы понять – позиции сталтехов не продержатся и нескольких минут – их уничтожат атакой с воздуха.

Исчадия техноса, внешне напоминающие стрекоз полутораметровой длины, действовали методично, не допуская ошибок, не обнаруживая себя, – они рассредоточились над зданиями, генерируя локальные искажения реальности, и вели избирательный огонь, целясь по показаниям сканеров. Очереди импульсных орудий пробивали стены построек, в буквальном смысле выкашивая оборонявшихся там сталтехов.

Тщательно прицелившись, Егор произвел еще несколько выстрелов.

В ночном небе внезапно вспухли три оранжевых сгустка пламени, по крышам цехов забарабанил дождь осколков, и защитники зданий наконец заметили парящих в небе металлических стрекоз, обрушив на них ответный огонь.

Аскет опустил оружие.

Дело сделано. Теперь заслон, защищающий подступы ко взорванному участку серпантина, просто так не собьют.

Над краем обрыва показались голова и плечи Саида. Ловко вскарабкавшись на уступ скалы, он тут же откатился в сторону, занял позицию и цепко обежал взглядом панораму разгоревшегося с новой силой боя.

– Зачем стрелял?

Аскет протянул руку, помогая Дарлинг подняться на скальную площадку.

– Много нам толку, если технос захватит дорогу? – вопросом на

вопрос ответил он.

– Будем защищать сталтехов? – гневно спросил Саид.

Егор промолчал. Адепты Ордена всем хороши, но вот к дисциплине, вне рамок группировки, не приучены. Много вопросов, ненужных препирательств, неожиданных, спонтанных и не всегда верных действий.

– Дарлинг, на два слова, – попросил он.

Саид насупился, вернувшись к своим прямым обязанностям, – наблюдал за обстановкой, пока Апостол завершал восхождение и сматывал трос.

– Ну? – Титановая Лоза вопросительно посмотрела на Егора.

– Дарлинг, мы должны хотя бы на время стать боевой группой. Иначе нам не выжить.

– Понимаю. – Она кивнула. – Что предлагаешь?

– Поговори с Саидом и Апостолом. Наступит момент, когда мне некогда будет отвечать на их вопросы и реплики. Каждая секунда любому из нас может стоить жизни.

– Предлагаешь себя в качестве командира?

Аскет кивнул.

– Хорошо. Дай мне минуту.

Она сделала шаг и как будто растворилась во мраке, а Егор, пользуясь вынужденной паузой, внимательно осмотрел трофейное оружие.

В его глазах отражались блики мятущегося внизу боя.

И еще – в них читалась боль. Тщательно скрытая, задавленная неимоверным усилием воли, но все равно гложущая изнутри.

Проверив количество зарядов в магазине, он попытался через мью-фон соединиться с микрочипом нанокомпа, встроенного в оружие, но тщетно – система снайперской винтовки на запрос не ответила.

Из темноты появился Апостол.

– Держи. – Он протянул Егору смотанный трос. – Дарлинг назначила тебя командиром группы.

– Есть возражения?

– Нет.

* * *

К прямому участку объездной дороги, проходящей выше уровня городских кварталов, вышли спустя десять минут.

Двигались быстро и молча. Дарлинг постоянно поддерживала искажение реальности, Саид и Апостол прикрывали ее, Аскет вел активную разведку, двигаясь во главе группы.

Широкая магистраль, вырезанная в скальном массиве, находилась в стадии незавершенного строительства. То и дело попадалась брошенная техника. Внушительных размеров машины незнакомой сталкерам конструкции стояли на специальных площадках технических паркингов, между ними угадывались силуэты сталтехов, – каждое скопление техники было превращено защитниками города в опорный пункт, отсюда открывались стопроцентные секторы обстрела, снайперы держали под контролем весь театр боевых действий, но в схватку вмешивались лишь в том случае, если замечали появление механических стрекоз или гарпий[19].

Егор, постоянно поглядывающий вниз, мысленно одобрил такую тактику сдерживания. Летающие механоиды представляли наибольшую опасность для обороняющихся, но те проявляли расчетливость, сбивая тварей только над нейтральной полосой либо над оборонительными укреплениями, тем самым нанося техносу невосполнимые потери. На бульвар и в два окраинных квартала еще не прорвались металлорастения, и, следовательно, подбитые изделия техноса лишались возможности быстрого ремонту и возвращения в строй.

Здание с покосившимся логотипом «DRG» на крыше приближалось, медленно, но неуклонно вырастая в размерах.

Из утреннего тумана, затопившего постепенно сужающуюся долину, вздымались массивные корпуса без окон.

– Странное сооружение… – не выдержав, заметил Апостол.

Они остановились у края обрыва.

– Действительно. – Дарлинг задействовала расширитель сознания. – Похоже на монументальное укрепление.

Саид включился в локальную сеть группы. Теперь, наблюдая за дорогой, он мог одновременно рассмотреть ближайшую постройку.

– Не похоже ни на жилой дом, ни на офисное здание.

– Может быть, это завод? – предположила Титановая Лоза. – Егор, что ты думаешь?

Аскет продолжал рассматривать массивное сооружение, окруженное периметром высоких стен. Мощные, наглухо задраенные люки вместо дверей и окон. Центральный корпус исполнен в виде пирамиды с широкими террасами, от него к другим строениям комплекса вели герметичные тоннельные переходы, позади загадочного сооружения виднелся обрыв – огромная трещина расколола скальный массив, над ней клубилась серая субстанция, словно из тектонического разлома постоянно поднимались газообразные продукты протекающих в глубине планетарной

коры вулканических процессов.

– Похоже на Барьер, – вслух, не используя чип мью-фона, произнес Апостол.

– Я не ощущаю гравитационной аномалии. – Дарлинг взглянула в сторону клубящейся преграды.

– Изменения силы тяжести слишком малы по сравнению с аномалиями Пятизонья. Возможно, перед нами и не Барьер вовсе?

Апостол посмотрел вниз, оценивая высоту обрыва.

– Длины четырех тросов должно хватить, – произнес он.

– Я пойду, – вызвался Саид.

– Добро, – кивнул Егор. – Мы будем прикрывать тебя сверху.

Глава 8

Неизвестная точка пространства…

Рассвет занимался в глухой тишине.

Бледные утренние краски легли на клубящуюся за зданиями преграду, четче обозначив ее, сделав плотнее и зримее. Бой, не утихавший всю ночь, постепенно угас, отсюда, с позиции, расположенной в глубоком тылу, сложно было понять, выдохся ли наступательный порыв техноса или оборонявшие город сталтехи все же не выдержали бесноватого натиска механоидов.

Егор неотрывно наблюдал за городом.

Вспышки выстрелов, хорошо заметные в ночи, с рассветом поблекли, а затем и вовсе стали неразличимы для глаза. Не выручали и сканеры имплантов – промышленные зоны протянулись на добрый десяток километров, к тому же с рассветом начал подниматься туман, густо окутавший строения.

– Саид?

– Закрепил второй трос. Половину спуска прошел.

– Апостол?

– Все спокойно.

Тишина. Нет ничего хуже.

– Егор, – раздался по сети голос Дарлинг.

– На связи, – мгновенно отозвался он.

– Объясни, что случилось.

– Не понял?

– Все ты прекрасно понял. Что произошло на позиции снайпера? Почему ты промедлил, не метнул нож? И потом – я видела твои глаза. Ты словно с призраком встретился. Хотя там ведь не было никого, кроме сталтеха, верно?

– Его оружие. – Егор не стал уходить от ответа. – Очень редкий образец. Им оснащались снайперы групп специального назначения.

– Ну, мало ли как могло оно попасть сюда…

– Нет, Дарлинг. Случайности исключены. «СВК» выпускались ограниченными партиями. На оружии сохранился серийный номер.

На секунду повисла гнетущая тишина.

– Хочешь сказать, что винтовка принадлежала кому-то из бойцов твоей группы?!

– Лейтенанту Терехину. Он был снайпером «Альфы-12».

– Но на скале был только сталтех!

– Я тоже об этом думаю, – сухо ответил Егор. – Но ответа не нахожу. Извини.

* * *

Саид преодолел две трети рискованного спуска и крепил последний трос.

До комплекса зданий с логотипом «DRG» на крыше оставалось еще метров пятьсот холмистого пустыря. Утренний туман, ограничивший видимость, постепенно таял, отдельные полосы еще плавали в распадках между щебневыми возвышенностями, стрельба в городе стихла, и это настораживало.

Спустившись до конца троса, сталкер прыгнул с пятиметровой высоты, но приземлился неудачно – вес бронированной экипировки не позволил сохранить равновесие, и он кубарем скатился по отлогому оползню щебня.

Хрупкая тишина давила на нервы. «Аскет, конечно, молодец, тут никто не спорит, провел в обход практически без боя, но что нам толку от исследования странной постройки? Людей мы здесь вряд ли встретим», – размышлял Саид, вставая на ноги. Наметив ближайшее укрытие, он резво припустил к строительному механизму, давно остановившемуся, уже вросшему в почву на склоне пологого холма.

Клочок чуждого пространства, по которому они блуждали уже вторые сутки, не вызывал у сталкера ничего, кроме чувства обреченности. Да и здания, к которым так упорно стремились Лоза и Аскет, в понимании Саида являлись объектами, принесенными сюда одной из пульсаций. Что за тайну они могли скрывать? За годы скитаний по Пятизонью он повидал десятки строений, вырванных из иных регионов планеты и перемещенных за тысячи километров прихотью периодически повторяющихся локальных катастроф.

Как правило, в таких архитектурных артефактах гнездилась всяческая дрянь, реже находили убежище сталкеры…

Он вновь осмотрелся.

Кромешная тьма сменилась бледными сумерками. В пепельно-серых оттенках занимающегося утра угловатые постройки странного комплекса выглядели давно заброшенными.

– Я на позиции. Можно начинать спуск, – доложил он по связи.

* * *

Среди медленно тающих полос тумана то и дело возникали легкие завихрения, похожие на слабые дуновения утреннего ветерка.

Саид напряженно следил за обстановкой, ему казалось, что импланты фиксируют каждую мелочь, каждый камушек, кибернетические расширители сознания работали на полную мощность, он видел, как испаряется сконденсировавшаяся за ночь влага, как зародившийся ветерок играет полосками серой хмари, но не замечал в движении воздуха ничего необычного.

Апостол преодолел спуск, спрыгнул, удержал равновесие, присел, осматриваясь.

Следом начал спускаться Аскет, наверху теперь осталась только Дарлинг.

Она внимательно следила, как над пустырем тает и рвется эфемерное покрывало, вот недалеко от позиции Саида тускло блеснул металл, и Титановая Лоза машинально отреагировала, послав в том направлении серию сложных сканирующих импульсов, рассчитанных на обнаружение метаморфа.

Мир лопнул.

Пространство пустыря, где среди щебневых холмов немо возвышались строительные механизмы, вдруг *ожило*. Туман мгновенно исчез, будто его и не было, десятки активных сигнатур, двигавшихся под прикрытием *глобального* искажения реальности, внезапно обозначились полыхающими в ее сознании контурами исчадий техноса.

Четыре группы механоидов двигались через пустырь по направлению к комплексу зданий. Сейчас они находились между позициями спустившихся вниз сталкеров и загадочной постройкой.

Доли секунд ситуация балансировала на зыбкой грани – сталкеры оцепенели от неожиданности, а исчадия техноса еще не определили, что вуаль искажения сорвана.

Группа из семи бронированных чудовищ, вырвавшись вперед, медленно приближалась ко входу в загадочный комплекс, чуть позади по ложбинам продвигались шипастые шары – усовершенствованные техносом варианты «перекати-зоны». Они окружали постройки с явным намерением организовать защитный периметр, а из темного разлома проспекта на границе промышленной зоны и пустыря двумя металлическими змеями выползали колонны механоидов помельче – десятки ЭРЗов, многочисленные рапторы и так называемые «новоделы» – механоиды, пока

еще не получившие конкретных названий, созданные техносом в исполинских городищах Пустоши.

Среди окраинных зданий смутно ощущалась сложная, не поддающаяся мгновенной идентификации сигнатура, скорее всего там затаился какой-то необычный механизм, обеспечивавший маскировку отрядам техноса.

Прорвались они через линию укреплений, обороняемую сталтехами, смяв защитников, или просто просочились через нее под прикрытием глобального искажения, имитирующего густой туман, оставалось лишь гадать.

* * *

Ситуация балансировала на грани лишь доли секунды.

Сорванная Титановой Лозой маскирующая вуаль больше не скрывала отряды техноса, и внезапно произошло непредвиденное: с вершины пирамидального здания по механоидам ударила батарея тяжелых импульсных орудий, массивные люки на верхних этажах комплекса вдруг начали открываться – зубовный скрежет работы застоявшихся без дела механизмов огласил окрестности, и…

Первая серия разрывов ударила по скоплению механоидов, зажатых тесниной проспекта, несколько десятков механических тварей разорвало, часть снарядов попала в здания, и те вдруг начали оседать, погребая под обломками стен множество исчадий техноса.

Бой вскипел мгновенно.

Оказалось, что в загадочном комплексе скрывалось немало защитников, они оставались настороже и, заметив надвигающуюся угрозу, тут же начали действовать.

Ответный удар техноса последовал мгновенно.

Пять захваченных скоргами планетарных танков, подобравшиеся к главному входу в исполинское здание, открыли ураганный огонь из башенных орудий. Тяжелые снаряды каким-то чудом сохранившегося штатного боекомплекта пробивали многометровые бетонные стены, взрываясь внутри помещений: земля содрогнулась, из огромных проломов наружу выметнуло ревущие столбы пламени, по стенам здания с оглушительным грохотом вдруг пробежали первые трещины.

Два потока механоидов мгновенно разделились на мелкие группы, они рассредоточились, занимая доступные укрытия, и тут же включились в схватку, ведя подавляющий огонь по обнаруженным узлам оборонительных позиций.

Перекати-зоны озарились частыми вспышками лазерных разрядов, они атаковали бетонное ограждение, выбивая целые секции, открывая бреши для прохода к стенам зданий.

Планетарные танки, израсходовав оперативный боекомплект, начали перезарядку, и тут со стороны объездной дороги по ним ударили стационарные генераторы СВЧ-импульса.

Тяжелые бронированные машины, способные выстоять под шквалом снарядов, не выдержали мгновенного нагрева – импульсы сверхвысокочастотного излучения раскаляли их *изнутри*. Пять ослепительных сгустков пламени вспухли на пространстве обширной парковки, чудовищной силы ударная волна рванула во все стороны, сметая ограждение, опрокидывая механоидов, превращая в руины мрачные неосвещенные здания на границе промышленной зоны.

Исчадия техноса, получив сокрушительный удар, ни на мгновенье не остановили атакующий порыв: они лавиной устремились вперед. Сверху их атаку прикрывали два десятка уцелевших в боях летающих механоидов, они обрушились на позиции снайперов, пытаясь выбить тех с господствующей высоты.

* * *

Аскет первым пришел в себя после секундного замешательства.

Прекратив спуск, он даже не попытался вскинуть оружие, слишком невыгодна позиция и велико неравенство сил.

– Дарлинг, ломаем их сеть!

Опыт выживания в Пустоши, где технос внезапно шагнул на новую ступень развития, подчиняя своей воле примитивных механоидов, организовывая их в *стаи*, мгновенно подсказал единственный возможный выход из критической ситуации.

Титановая Лоза прекрасно поняла замысел Егора. Перехватывать управление над отдельными механоидами в аду вскипевшего боя не имело никакого смысла, нужно нанести глобальный удар, сбить наступательный порыв исчадий техноса, дать защитникам комплекса зданий мгновенья передышки…

Она мысленно погрузилась в кипящее пространство, безошибочно определяя тонкие ниточки информационных каналов, и, скользнув по ним, вышла на главный узел локальной сети, где обрабатывались поступающие от сотен механоидов данные, а на их основе формировались директивы для отдельных изделий техноса или ударных групп.

Нашла!

Егор, получив четкие координаты, действовал со стремительной грубой силой – он нанес беспощадный удар, выигрывая для Титановой Лозы несколько секунд на более тонкое и осознанное мнемотехническое воздействие – формирование ложной сети, несущей пагубные для механоидов приказы.

Сознание Егора помутилось, реальность стала нечеткой, расплывчатой, но он чувствовал, что его удар достиг цели.

* * *

Саид, готовый открыть огонь, удержался от выстрела. Шипастый шар перекати-зоны, несущийся прямо на его позицию, внезапно вильнул в сторону, прокатился по инерции несколько метров и застыл, натолкнувшись на препятствие.

Адепт Ордена в эти секунды ясно ощущал, как Дарлинг, используя знание языка скоргов, вносит хаос ложных команд, меняя поведение механоидов.

Ее воздействие ограничилось всего несколькими секундами передачи данных, дольше поддерживать ложную сеть выше человеческих сил, но и этого оказалось достаточно.

Шар перекати-зоны покачнулся, некоторые иглы удлинились, другие, напротив, втянулись в корпус, и исчадие техноса, откатившись назад на пару метров, вдруг разрядило лазерные излучатели по ближайшему примитиву, бестолково карабкавшемуся на склон соседней возвышенности.

Раптор, не выдержав произведенных в упор разрядов, вспыхнул и внезапно взорвался, разлетаясь дымящимися фрагментами.

В небе десяток беспилотников атаковали друг друга, на пространстве пустыря вспыхнуло множество локальных стычек между механоидами.

Аскет соскользнул вниз по тросу.

Неуклюже приземлившись на кучу гравия, он откатился вбок.

– Дарлинг, спускайся!

Рядом с ним возникла фигура Апостола. Адепт Ордена помог ему встать.

Механоиды уже преодолели последствия мнемотехнической атаки, но темп их наступления замедлился, все больше таинственных защитников здания вступали в бой, группы снайперов отбили атаку летающих тварей, но темный разлом затянутого клубами пыли проспекта выталкивал все новые и новые группы исчадий техноса – выходит, линия обороны сталтехов все же не выстояла…

Ноги Дарлинг коснулись земли.

– Уходим! К зданиям! Егору помогите! Бегом! – Титановая Лоза уже скрылась в извилистом овраге, Саид и Апостол, поддерживая Егора, бросились вслед.

* * *

Через пару минут Аскет, вложивший все силы в единственный удар, дал понять, что в состоянии двигаться самостоятельно.

Бой на подступах к зданию взъярился с новой силой. Несколько групп механоидов ворвались внутрь исполинской постройки через огромные бреши в стенах, пробитые ураганным огнем планетарных танков, и сейчас ожесточенная схватка кипела внутри здания.

Еще сотня метров.

Огромную площадку перед комплексом покрывали свежие оспины воронок, фрагменты десятков разорванных взрывами механоидов усеивали все вокруг, бегущие на пределе сил сталкеры внезапно попали под перекрестный огонь – со стороны пустыря по ним били лазеры, верхние этажи здания огрызались огнем импульсных вооружений, а с дороги, господствующей над городом, работали снайперы.

Дарлинг едва не зацепило выстрелом из армгана, и она, уходя из-под огня, скатилась на дно свежей воронки.

Короткая очередь, выпущенная из импульсного орудия, полоснула по скату небольшого углубления.

– Сталтехи! Мы для них как на ладони!

Еще каких-то пятьдесят метров…

Вход в здание внезапно потонул в ослепительной вспышке. Удар СВЧ-импульса испарил несколько кубических метров постройки, внутри здания глухо рявкнули вторичные взрывы, несколько металлических люков, расположенных по периметру террасы, со звоном выбило наружу.

Уловив момент, Титановая Лоза рванулась к бесформенной дыре, образовавшейся на месте центрального входа в здание. Аскет прикрывал ее, отсекая механоидов, двигавшихся с фланга. Саид и Апостол сдерживали группу примитивов, пытавшихся прорваться к зданию со стороны пустыря.

Ситуация обострялась с каждой секундой.

Еще один разряд СВЧ-генератора превратил угол здания в пылающее облако раскаленного газа, ударная волна судорогой прокатилась по площади, Саид, перебегавший к очередному укрытию, внезапно споткнулся, словно его остановило и развернуло сокрушительным ударом.

Апостол рванулся к нему, Аскет, сменив «ИПК» на трофейную снайперскую винтовку, открыл ответный огонь по господствующей высоте

– он вынужденно выбил расчет сталтехов, не давая им произвести еще один выстрел из стационарного СВЧ-генератора.

Саид судорожно выгибаясь, пытался дотянуться рукой до рваного металлического осколка, пробившего броню и застрявшего в бедре.

– Терпи! – Апостол подхватил его, потащил к уродливой дыре, Аскет, отстреляв половину магазина «СВК», медленно пятился, прикрывая их.

Внутри здания заполошно ударили очереди нескольких импульсных орудий, затем дважды глухо рявкнули взрывы.

– Чисто! – Голос Дарлинг возвращал надежду, их безумный прорыв обошелся малой кровью, хотя впереди по-прежнему ожидала полная неизвестность.

Аскет последним взбежал по оплавленным ступеням, нырнул в пролом и остановился.

Перед ним открылось пространство сумеречного вестибюля, усеянного тлеющими обломками пластика.

Посреди высилась колонна, к которой крепилось несколько лифтов, две широкие лестницы вели на второй этаж, у их подножия искрил разорванный взрывом корпус механоида.

Апостол оттащил Саида подальше от входа.

В этот момент Дарлинг вынырнула из сумрака.

– Механоиды прорвались на второй этаж! – сообщила она. – Там идет бой!

– Саида ранило! Нам надо найти укрытие! – ответил Егор.

Лоза бегло осмотрелась.

Вокруг лишь дымящиеся обломки, закопченные стены, едкий дым, язычки голубоватого пламени, пляшущие по лужам расплавленного пластика…

Ее взгляд обежал обширное помещение и вернулся к Аскету.

– Егор, ты что?!

Он медленно повернул голову.

Во взгляде сталкера плескалось безумие, словно он только что заметил толпу призраков, обступивших его.

– Я вспомнил… – сдавленно произнес он.

– Что?

– Это здание… Я вспомнил!

– Егор, да говори же ты толком!

– Дарлинг, я уже был здесь!.. – Егор осекся, затем, ничего не объясняя, жестом указал в сторону приоткрытой массивной двери, расположенной в конце короткого отрезка коридора. – Туда!

* * *

Дарлинг первой перешагнула порог, оказавшись в следующем сегменте узкого коридора.

Здесь только что завершился бой.

Массивные блоки непонятной аппаратуры образовывали баррикаду, стены, пол, потолок – все посечено осколками, исполосовано энергетическими разрядами, в узком пространстве тела сталтехов, защищавших укрепление, и сожженные, развороченные остовы изделий техноса перемешались друг с другом.

Титановая Лоза невольно остановилась.

От напряжения зрение «плыло». Несколько секунд все двоилось перед глазами. Мимо проскользнул Аскет и тут же принялся растаскивать тяжеленные блоки сгоревшей аппаратуры, освобождая узкий проход. Он казался просто двужильным.

Вслед за ним появились Саид и Апостол.

– Сюда! – раздался из сумрака голос Егора.

Дарлинг чувствовала – еще немного, и она просто потеряет сознание от навалившейся вдруг нечеловеческой усталости.

Опоздали… – мысль гулко и отчаянно билась в рассудке.

Рука Аскета коснулась ее, поддержала.

– Идем.

За баррикадой задымленный коридор вливался в небольшое помещение.

– Это шлюз? – Дарлинг с удивлением заметила массивные герметичные двери, в данный момент распахнутые настежь.

– Да, и мы его закроем. Механоиды сюда не прорвались. Мы некоторое время будем в безопасности.

* * *

Через минуту массивные двери наглухо затворились.

Титановая Лоза уже осматривала ногу Саида.

– Потерпи. – Она рывком извлекла рваный осколок металла и тут же, не обращая внимания на глухой стон, вырвавшийся у адепта, прижала ладони к ране, останавливая кровь бионическим воздействием.

Толстые стены здания мелко подрагивали, передавая серии вибраций.

Вокруг постройки и внутри ее шел бой.

– Егор, что ты вспомнил? – не отнимая ладоней от раны на ноге Саида, спросила Дарлинг. Ее голос прозвучал тускло, едва слышно. Все

силы Титановой Лозы сейчас уходили на бионическое воздействие.

Аскет присел рядом с ней.

Рассказывать – долго и утомительно.

– Ты можешь принимать информацию через чип мью-фона?

Она кивнула.

– Апостол, подключи модуль прямой передачи данных.

Адепт Ордена напряженно всматривался во тьму уходящего в глубины здания коридора.

– Я готов.

Егор закрыл глаза, сосредоточился, вновь вызывая в памяти обрывок воспоминания, внезапно вернувшийся к нему.

* * *

– Так, еще один! Его нашли километрах в десяти от эпицентра пульсации!

– Надо же. Опять спецназовец. Сколько же он провалялся в металлическом лесу? Месяца четыре?

– Живой?

– А что ему сделается? На нем же бронескафандр с автономной системой поддержания жизни. У него ресурс на полгода, не меньше.

– Давай, снимаем с него броню, ставим клеймо, и в саркофаг.

Егор смутно помнил тот разговор. Слова двоих незнакомцев задержались где-то на периферии сознания. Гораздо отчетливее вспоминалось инстинктивное чувство опасности и рефлекторное желание ответить на угрозу.

Он ощущал, как с него сдирали экипировку, затем что-то выжгли лазером на плече и оно на некоторое время онемело.

Он лежал, собирая в себе крохи сил и мужества.

Возможно, его слабая попытка к сопротивлению окончилась бы плачевно, не вмешайся в ситуацию сила, которой он тогда попросту не знал.

Хлопнула дверь, и вдруг в тесное помещение ворвался чей-то истошный крик:

– Пульсация! Идет пульсация! Все в убежище! Прячемся! Защитная установка не сработала!

Егор смутно помнил, как незнакомые люди в одинаковых серых мешковатых комбинезонах выскочили прочь, а он, собрав силы, сел на узкой кушетке, пытаясь понять, куда он попал и что означает происходящее вокруг.

Рядом на полу валялись элементы бронескафандра.

Экипироваться и вооружиться. А там посмотрим…

Он действовал на полном автомате. Мышцы едва слушались, кое-как ему удалось водворить на место все части экипировки и запустить диагностику боевой брони.

Включившаяся система поддержания жизни слегка прояснила рассудок, он загерметизировал шлем и только сейчас обратил внимание на работающий терминал компьютера, расположенный в помещении.

Вмонтированный в стену экран показывал схему помещений огромного здания, с нанесенными на нее стрелками различных маршрутов движения. Очевидно, постройка была столь велика, что персоналу, работающему в ней, приходилось ориентироваться по специально созданным картам уровней.

Егор всматривался в экран, стараясь запомнить планировку здания, несколькими этажами уходящего под землю, он намечал путь отхода и не заметил, как в эти мгновенья сквозь исказившуюся, плавно деформировавшуюся стену прорвалось холодное зеленоватое мерцание – оно заполнило помещение, обволокло фигуру в боевой броне и потянуло прочь, в бездну, в черноту абсолютного беспамятства, от которой он очнулся уже в Новосибирской зоне отчуждения, незадолго до памятной встречи с Дарлинг.

* * *

Дарлинг с трудом села, переводя дыхание.

– Как ты?

Саид попробовал пошевелить ногой.

– Терпимо.

Она перевела взгляд на Егора.

– Значит, ты бывал тут раньше? Кто эти люди в серых одеждах?

– Понятия не имею. Главное, в моей памяти сохранились схемы помещений. Я для верности сейчас переписал их на чип.

– Что предлагаешь?

– Исследуем здание. Тут неподалеку зал, отмеченный как «хранилище». Рядом информационно-вычислительный центр. Обрати внимание, пометки на компьютерной схеме вполне читаемы. Они нанесены человеком! Саид, ты сможешь идти?

– Смогу.

– Тогда не станем терять время!

* * *

Они двигались по темному лабиринту коридоров на уровне первого этажа огромной постройки.

– Вот этот зал. – Егор остановился перед массивными дверями. – Информационный центр расположен выше.

– Заперто. Приводы обесточены, – с досадой произнес Апостол.

– У меня в армгане еще осталась энергия. – Саид выступил вперед. – Отойдите, я срежу крепления дверей.

После нескольких разрядов лазерного излучения одна из массивных плит рухнула на пол.

Дарлинг первой перешагнула порог и вдруг остановилась, почувствовав, как все замерло в груди. Сколько раз она рисковала жизнью, углубляясь в разрушенные бункеры Академгородка, действуя на территории Ковчега, иногда расходясь буквально в нескольких шагах с патрулями враждебной группировки, и все ради поиска затерянного под землей сегмента бункерной зоны с несколькими сохранившимися там, по воспоминаниям приора Глеба и командора Хантера, установками, похожими на саркофаги.

Свет, проникающий сквозь проломы в стенах, выталкивал из сумрака, навстречу взгляду, сегменты помещения, разделенные экранированными перегородками, у стен высились неработающие компьютерные терминалы, по полу и потолку змеились связки трубопроводов и кабелей, соединяющихся с устройствами, действительно напоминающими саркофаги, с прозрачными крышками из толстого пластика.

Дарлинг в этот миг вспомнилось все, что рассказывал ей командор Хантер. Если вырвать отсюда несколько секций и перенести их в реальность разрушенных бункеров Академгородка, то описание получалось точным, до мелочей.

Она обернулась.

Аскет стоял подле одного из саркофагов, напряженно вглядываясь в черты лица человека, помещенного внутрь.

Титановая Лоза подошла ближе. В камере лежал мужчина. Нагое тело выглядело неестественно худым, черты лица заострились, кожа обтягивала скулы, ребра выступали – он был похож на мумию.

На контрольной панели приборов, вмонтированной в изголовье, не горело ни одного индикационного сигнала.

В соседней камере, за тонкой перегородкой, лежал… сталтех, как две капли воды похожий на тех, что атаковали Пустошь, а сейчас защищали

город!

Два саркофага соединялись между собой оптическими кабелями, предназначенными для передачи данных.

Дарлинг почувствовала, как горят ее щеки. Процесс формирования сталтеха не завершился, кое-где виднелись мышцы, пронизанные прожилками серебра, из-за низкой температуры внутри саркофага плоть не разлагалась, и сочетание живого с неживым выглядело особенно жутким…

– Что это значит, Егор? – с дрожью в голосе спросила Титановая Лоза. Вспоминая рассказы командора, восстанавливая в памяти виденные однажды фрагменты аппаратуры, сохраненные в техническом депозитарии Цитадели Ордена, Дарлинг отчетливо понимала, что устройства данного зала как две капли воды похожи на загадочную камеру, внутри которой когда-то нашли ее…

– Да, за такую аппаратуру Хистер душу продаст… – внезапно раздался за их спинами хриплый от волнения голос Саида.

– У Хистера нет души, – машинально отреагировала Лоза. – Егор, ты знаком с ним? – Она указала на мумифицированное человеческое тело.

– Он из моей группы. Саша Юрко…

Дарлинг не выдержала, отвернулась.

– Почти все камеры пустые, – донесся из дальнего конца помещения голос Апостола. Тут в кучу свалены заготовки для оружейных систем. Везде клеймо «DRG».

* * *

На Аскета было страшно смотреть. Казалось, в его теле напряжена каждая мышца, каждый нерв. Словно внутри у сталкера нашелся источник дополнительной силы, и он под ее воздействием превратился в пружину, поставленную на боевой взвод…

– Егор… – Дарлинг подошла к нему, коснулась дрожащими пальцами щеки Баграмова.

– Не надо… Не говори ничего… Я справлюсь… – Он вздрогнул, будто прикосновение Титановой Лозы пронзило ударом тока. – Мы… – Он с трудом подбирал слова, хотелось кричать, а он выдыхал их сипло, надорванно: – Мы должны разобраться… Найти, кто это сделал…

– Здесь видны следы пульсации! – донесся из темноты зала голос Саида. – Тут несколько пустых постаментов. Крепления вырваны. Кабели будто обрезало. Есть следы от нескольких исчезнувших компьютерных терминалов. Перегородки тоже снесло…

– Сколько? – Затаив дыхание, Дарлинг сжалась в ожидании ответа.

– Что? – не понял Саид.

– Скольких устройств не хватает?

– Подожди. – Он включил фонарь. – Семь, если считать пустые постаменты.

– Егор, пойдем. Надо взглянуть.

Он покачал головой.

– Иди. Мне нужно побыть… Тут.

* * *

Дальняя стена зала носила явные следы искажения.

Дарлинг остановилась.

В глаза бросился след от креплений исчезнувшей камеры. Кабели, как заметил Саид, обрублены, словно ударом ножа. На полу, стенах, потолке – явные искажения – след аномальной энергии Узла, пробившей себе путь сквозь толщу железобетонных конструкций.

Рядом – неповрежденное устройство. В нем – тело сталтеха. И снова, чуть дальше, – пустое пространство, вырванные крепления, обрывки энерговодов, искаженные компьютерные терминалы.

«Неужели вот тут, в одной из загадочных камер, когда-то находилась и я? – обожгла разум Лозы внезапная догадка. – Что стало бы со мной, если б не пульсация, вырвавшая несколько саркофагов и переместившая их вместе с тоннами вещества в недра бункерных зон Академгородка?»

– Все камеры соединены попарно. – Из темноты появился Апостол. – Вот только я не понимаю смысла. Почему одни предназначены для людей, а другие для киборгов?

Дарлинг пожала плечами. У нее не было ответа на заданный адептом вопрос.

– Егор? – позвала она.

Аскет появился из темноты, словно тень.

– Нужно отыскать носители информации. – Он произнес это ровно и сухо, как будто за истекшую минуту задавил в себе все человеческое. – Пока механоиды не добрались до них первыми. Здесь мы уже никому не поможем. Поднимаемся уровнем выше, в вычислительный центр.

* * *

Цитадель Ордена

– Пульсация прошла, но маркеры, демонтированные с механоидов, не сработали, – произнес Хантер. Он сидел за столом. В кабинете, помимо него и Шепетова, присутствовал Приор Глеб.

– Еще не все потеряно, командор, – ответил генерал. – Спецы полагают, что мощность пульсации оказалась ниже необходимого минимума. Я пока не отзываю боевые группы.

Хантер кивнул. Первая неудача не сломила его, не уничтожила надежд. Он был готов пробовать снова и снова.

– Генерал, есть новая информация. Об эксперименте, затеянном Хистером, ты уже знаешь?

Иван Андреевич кивнул. За неделю, проведенную в Ордене, ему несколько раз становилось по-настоящему жутко. Оказывается, находясь за Барьером, во Внешнем Мире, сложно понять, какие чудовищные вещи происходят тут, в отчужденных пространствах.

– Сегодня речь пойдет о необычном существе, захваченном группой Приора Глеба в ходе преследования Максима, – продолжил Хантер.

– Я понимаю, он – сталтех? Один из тех, что атаковали прототип тоннельной установки в Пустоши?

– Не совсем. – Хантер сделал знак Приору: – Давай дальше!

Глеб кивнул.

– Благодаря анализу фрагментов, собранных военной разведкой, нам удалось полностью реконструировать облик и восстановить некоторые структуры существ, вторгшихся в пространство Пустоши. Их можно назвать сталтехами, но с определенными оговорками. Скажу больше: в нашем понимании они не являются изделиями техноса, а тот, что захвачен в Новосибирской зоне, вообще уникален.

Глеб включил голографические экраны.

– Как вы видите, генерал, справа – реконструкция, созданная на основе фрагментов, слева – существо, захваченное в Новосибирской зоне отчужденных пространств. Их облик идентичен, но во внутреннем строении мы нашли ряд существенных отличий. Киборги, действовавшие в Пустоши, несут в себе минимум биологических компонентов, их системы работают от энергии «Сердца зверя», управляют ими колонии наномашин, соединенных с живыми нервными тканями.

Теперь взгляните сюда. – Он указал на второй экран. – Сталтех, упорно преследовавший Макса, оснащен энергоблоками иного типа, наличие скоргов в данном образце кибернетического организма минимально. Мы тщательно исследовали его и пришли к выводу: наномашины нанесены тонким слоем на все детали и выполняют функцию защиты.

– По принципу скоргофагов? – уточнил Шепетов.

– Да. Защитный слой активируется при непосредственном контакте с

дикими скоргами и уничтожает их. То есть изготовители этого киборга знакомы с данным типом угрозы и нашли эффективный способ защиты от нее. Пока это вся информация.

– В каком он состоянии?

– Поврежден, – скупо ответил Приор. – У него иссякла энергия – блоки питания разряжены. Мы поместили его в специальный бокс. Живые ткани получают необходимые питательные вещества, но подавать энергию к ядру системы мы пока что опасаемся. Дальнейшее изучение внутренних структур подскажет нам способ реактивации его кибернетических компонентов. Мы будем предоставлять отчеты о проводимых исследованиях.

– А что с Максом? – спросил Шепетов.

– Он пришел в себя. Мнемотехническая операция прошла успешно. Скорги, внедренные в его мозг, обезврежены. С остальными изменениями Максу придется смириться. Главное – его разум не пострадал, он не подвластен ни Хистеру, ни техносу.

– И что с ним будет дальше?

– Посмотрим, – уклонился от прямого ответа Глеб. – С ним постоянно работает Антрацит. Он отличный мнемотехник, к тому же Макс его знает лично. Думаю, через недельку-другую вы сможете сами пообщаться с Максимом.

* * *

На самом деле Приор Глеб преуменьшил прогресс выздоровления и адаптации Макса.

Он пришел в сознание на второй день после мнемотехнической операции и уже пережил все самое страшное, связанное с осознанием произошедших в нем изменений.

Что осталось в нем от сталкера и человека?

Ответа Максим не находил.

Да и как его найдешь, находясь под постоянным наблюдением, в стенах лаборатории?

«Нужно вырваться отсюда, любым способом», – думал он.

Постепенно план обретения свободы обретал конкретные черты, но для его реализации требовалась помощь Антрацита.

Сегодня он наконец решился поговорить с ним.

– Антрацит.

Мнемотехник, следивший за показаниями приборов, обернулся.

– Хочешь встать?

– Пожалуй.
– Ну, давай сам.
Максим сел, затем опустил ноги, коснулся ступнями пола.
Было жутковато смотреть на себя. Каждый раз, замечая обширные участки металлизированных пятен на коже, чувствуя, как мышцами движет энергия «Сердец зверя», он начинал рефлексировать.
«Мне нужно вырваться отсюда, – вновь и вновь мысленно повторял он. – Иначе я сойду с ума, никогда не пойму: кем стал и смогу ли жить с *такими* изменениями?»
– Ну? – Антрацит подошел к койке.
Максим спросил, не глядя на него:
– Среди моих вещей было небольшое устройство. Размером с ладонь. Плоское, с экраном и несколькими сенсорами. Оно уцелело?
– Да. Есть такое.
– Ты включал его?
– Пробовал, но ничего не вышло. Ни один сенсор не реагирует на касание.
– Антрацит, скажи, а Титановая Лоза вернулась с задания?
Мнемотехник пристально взглянул на Макса.
– Она пропала. Во время последних событий в Пустоши. А почему ты спросил о ней?
– Послушай… Мне нужно встретится с командором. Это очень важно.
– Важно для тебя?
– Нет. Для него.
– Макс, ты же не думаешь, что командор…
– Антрацит, я все понимаю. Просто передай: у меня есть информация о Дарлинг.

* * *

Как и предполагал Максим, Хантер лично явился в лабораторию.
Осмотревшись, он отыскал взглядом Максима, сидящего за столом.
– Хотел меня видеть?
Максим не испытывал робости. Перемены, произошедшие с ним, стерли, вычеркнули из сознания многие страхи, комплексы, сильно осложнявшие жизнь в прошлом.
Дождавшись, пока Хантер сядет напротив, он поднял взгляд.
– Командор, я хочу предложить сделку.
Ни один мускул не дрогнул на лице Хантера.
– Мне нужна свобода. – Голос Максима звучал глухо. – Все

мнемотехнические проверки я выдержал.

– Хочешь уйти?

– Да. Я не опасен для Ордена. Я не раб Хистера. Но и не предмет изучения.

– Ты говорил о сделке.

– Моя свобода в обмен на информацию о Титановой Лозе.

– Ты ее видел?! Встречался с ней после событий в Пустоши?!

– Нет. Мы не встречались. Но я принимал передаваемые ею данные.

– Говори!

– Так не пойдет. Мне нужны гарантии. Я не хочу оставаться здесь. – Макс красноречиво обвел взглядом стены лаборатории.

Хантер не привык торговаться. Но в данном случае цена вопроса была слишком велика.

– Антрацит? – Он обернулся к мнемотехнику.

– Макс действительно не представляет угрозы. В том смысле, что он не находится под чьим-то контролем. Мы нейтрализовали колонии скоргов, внедренные в его мозг.

– Ручаешься?

– Да.

– Хорошо. – Хантер тяжело посмотрел на Максима. – Ты получишь свободу. В том случае, если информация действительно актуальна.

– Необходимо устройство, которое находилось среди моих вещей.

– Антрацит, где оно?

– Тут.

– Давай сюда.

Мнемотехник открыл один из сейфов, извлек оттуда загадочный прибор, молча положил на стол между командором и Максимом.

Максим понимал, что идет ва-банк. Он не был уверен, что устройство сработает, не имел ни малейшего понятия, жива ли Дарлинг. За неделю многое могло произойти.

– Сенсоры реагируют только на мое прикосновение. Почему, не знаю, – произнес он.

– Я пытался активировать прибор – безрезультатно, – подтвердил Антрацит.

– Не тяни! – Хантер повысил голос.

Максим коснулся сенсора.

Тускло вспыхнул оживший индикатор, и в наступившей тишине внезапно раздался голос Дарлинг, повторяющий один и тот же набор фраз:

– Всем сталкерам, кто меня слышит! Говорит Титановая Лоза! Нас

выбросило пульсацией в неизвестное пространство. Если кто-то принимает этот сигнал – зафиксируйте частоту и свяжитесь с Орденом! Повторяю…

Хантер внезапно напрягся, так что вздулись жилы на шее.

– Как я могу ответить?!

Макс коснулся второго сенсора, и тот послушно подсветился огоньком индикации.

– Говорите, командор.

* * *

Неизвестная точка пространства

На втором этаже исполинской постройки полыхал бой.

Механоиды прорвались внутрь, но лишь немногие представители техноса смогли свободно передвигаться по узким коридорам.

Оборонявших комплекс сталтехов становилось все меньше, они уже не контролировали ситуацию, создавая лишь отдельные очаги сопротивления.

Двери информационного хранилища разнесло вдребезги.

– Это была последняя «Фрич-граната»! – Апостол ворвался внутрь и внезапно остановился.

Огромных размеров зал поражал воображение – тысячи компьютерных блоков, выполненных в форме колонн из дымчатого пластика, вздымались от пола до потолка, миллионы контрольных огней ткали замысловатые световые узоры, стены, если верить данным мгновенного сканирования, состояли из нескольких слоев экранирующих материалов.

– В сторону! – Голос Титановой Лозы потонул в грохоте выстрелов. Из коридора в зал вбежали Саид и Аскет, пущенная им вслед очередь автоматического импульсного орудия вдребезги разнесла ближайшую компьютерную колонну.

Механоиды наседали.

Аскет и Апостол, вжавшись в простенки по бокам выбитого дверного проема, сдерживали их встречным огнем, но положение с каждой секундой становилось все хуже.

Дарлинг осмотрелась, затем выхватила из специального кармашка разгрузки тонкий цилиндр, резким движением встряхнула его, и тот вдруг стал удлиняться – телескопические секции выдвигались одна из другой, трансформируясь в длинный металлический шест.

Она вогнала его в пол, сорвала перчатки, обнажила запястья,

окольцованные пятнышками имплантов, затем прижала металлизированные подушечки пальцев к материалу воткнутого в пол уникального приемопередающего устройства, созданного мнемотехниками Ордена.

– Держитесь! Я снимаю информацию!

Саид, припадая на раненую ногу, перевернул разбитый выстрелами компьютерный блок, присел за укрытием, вогнав в гнездо лазерного излучателя последний энергоблок.

Дарлинг закрыла глаза.

Виртуальная реальность…

Она погружалась в сеть исполинского информационного хранилища, уже не слыша выстрелов, не реагируя на взрывы, не ощущая, как снаружи здания по стенам ударило что-то тяжелое.

Спустя мгновенье она поняла – скопировать или хотя бы прочесть открывшийся перед ней объем данных – нереально.

* * *

Исчадия техноса, окружившие комплекс зданий, пытались прорваться внутрь через пробитые в стенах бреши, но сопротивление последних групп сталтехов каждый раз останавливало их, а там, где удавалось подобраться к проломам, возникала иная проблема – ни ЭРЗы, ни перекати-зоны, ни рапторы из числа мобилизованных примитивов не могли передвигаться по узким коридорам, где с трудом разминулись бы два человека.

И тем не менее механоиды не собирались отступать. По какой-то причине техносу было крайне необходимо попасть внутрь комплекса. На некоторое время наступило неожиданное затишье, затем со стороны превращенных в руины кварталов послышался треск, и земля вдруг началась вспухать, будто под ней стремительно прорастала необычайно мощная корневая система…

Еще минута, и первые побеги вырвавшихся из-под земли металлорастений коснулись стен комплекса зданий.

Они проникали в пробоины, вползали в трещины, стремительной порослью заполняли коридоры, пятнали ртутными кляксами герметично закрытые двери и через минуту уже выбрасывали новые побеги внутри запертых помещений.

Тонкие, стремительно растущие, гибкие автоны вонзались в тела сталтехов, погибших при защите рубежей, и спустя некоторое время тех вдруг начинали бить судороги – скорги молниеносно захватывали носители, вдыхая в их изуродованные тела новую «жизнь», несущую

новый смысл.

Все происходило стремительно и необратимо – огромный комплекс зданий окружил разрастающийся прямо на глазах вал металлорастительности, и через некоторое время автоны вскарабкались до уровня крыш, переплетаясь между собой, замыкая постройку в непробиваемый, кишащий народившимися из н-капсул скоргами, купол.

* * *

Дарлинг все еще пыталась прочесть хотя бы часть информации, когда стены компьютерного зала внезапно покрылись трещинами и внутрь ворвались сотни побегов металлорастений.

Гибкие металлизированные ветви изгибались в воздухе, удлинялись, пронзая колонны компьютерных блоков.

Виртуальная реальность, куда погрузился разум Титановой Лозы, неожиданно и болезненно взорвалась, разлетаясь на миллиарды осколков.

Она приняла ошеломляющий удар, несколько секунд балансировала на грани потери рассудка, а затем ей показалось, что сознание все же не выдержало.

Этого не может быть…

Чип мью-фона, постоянно транслировавший в автоматическом режиме записанный ею призыв о помощи, внезапно заработал на частоте Ордена:

– Дарлинг!

Голос командора Хантера полыхнул в растерзанном рассудке, подобно еще одному взрыву.

– Лоза, если слышишь меня, молю – отзовись!

Она никогда не верила в чудеса, но ответила, скорее машинально, чем осознанно:

– Я на связи! Хантер! Я ТЕБЯ СЛЫШУ!

Ей потребовалось неимоверное усилие, чтобы поверить – внезапно заработавшая связь – это не бред ее разорванного, воспаленного сознания.

Рассудок все еще пребывал в границах распадающейся на фрагменты информационной вселенной, и Лоза вдруг отчетливо поняла – сейчас нет ничего важнее данных, которые выкачивал из хранилища технос…

– Командор! Портал блокирован! Нам не вырваться отсюда! Мне нужен немедленный доступ к чистым носителям для передачи информации!

* * *

Цитадель Ордена

– Дарлинг передала огромные массивы фрагментированных данных! – Приор Глеб не мог скрыть своего взвинченного состояния. – Мы не в состоянии немедленно их дешифровать!

– Разница во времени! – Хантер нервно расхаживал по кабинету. – Она передала, что с момента пульсации для них прошло около двух суток. У нас же истек месяц!

Шепетов понял мысль командора.

– Значит, у нас есть лимит времени на расшифровку?

– Я не знаю, сколько они продержатся! – резко ответил Хантер. – Теперь понятно, почему не сработали маркеры! Зона тамбура в том пространстве заблокирована! Но мы должны отыскать способ проникнуть туда! Сигнал мью-фона ведь проходит!

– Месяц… – вслух размышлял Глеб. – Семьсот сорок четыре часа… У них прошло примерно сорок часов… коэффициент разницы во времени при всех погрешностях примерно восемнадцать единиц… Сколько они в состоянии продержаться? Час? Два?

– Нужно исходить из худшего!

– Час. Значит, у нас на расшифровку огромных фрагментированных массивов данных и принятия решения – всего восемнадцать часов!

– Нет никакой гарантии, что среди переданных сведений есть информация о том, как разблокировать портал! – заметил Аргел.

– Замолчи! – Хантер яростно обернулся к нему, затем перевел взгляд на Шепетова. – Генерал, только ты сейчас можешь помочь! Нам нужны процессорные мощности. Ты понимаешь – гигантские вычислительные мощности!

– Я сделаю все что смогу. – Шепетов потянулся за своим нанокомпом. – Командор, передай Дарлинг, пусть продержатся еще час!

* * *

Неизвестная точка пространства…

Окрестности комплекса зданий постепенно принимали формы и вид городища скоргов, а внутри монументальных построек все еще продолжался бой.

Сталкеры отступали в глубины подземных уровней, куда еще не прорвались металлорастения.

Сталтехи, захваченные техносом, наседали.

Очередную герметичную дверь выбило ударом СВЧ-импульса, коридор после ослепительной вспышки заволокло едким дымом.

Дарлинг сбило с ног ударной волной. Во мраке едва угадывались тени противника, расширитель сознания и связанные с ним сканеры работали все хуже, имплантированные накопители энергии практически разрядились, силы организма были истощены.

Все, наступил предел.

Нечеткая фигура сталтеха выдавилась из тьмы всего в нескольких метрах.

У нее не осталось сил даже на слабенький удар с использованием боевых имплантов.

Титановая Лоза выхватила нож с мономолекулярным лезвием.

Во рту ощущался железистый привкус крови.

Сталтех шагнул к ней, и вдруг наперерез ему метнулась стремительная тень.

Короткая очередь импульсного автомата ударила в грудь Апостола, отшвырнув его к стене.

Сбоку возник еще один силуэт, схватка, происходящая во мраке, походила на стремительный танец теней.

Аскет коротким взмахом клинка перерубил позвоночник противника и, вырвав из трехпалых конечностей оружие, тут же открыл огонь, прошивая короткими очередями узкий, длинный коридор.

– Лоза, вставай! Саид, помоги Апостолу!

Среди горячки непрекращающегося боя в рассудке Егора уже не возникали мысли о спасении.

Он не видел выхода. Технос загонял их все глубже и глубже, но бункерная зона, расположенная под зданиями, не бесконечна.

Дарлинг, пошатываясь, встала. Если бы не Егор, они уже давно бы погибли. Он держался сам и не давал остальным рухнуть в изнеможении, признать, что сил больше нет…

Апостол тяжело дышал, повалившись на бок. Бронепластины на его груди разворотило несколькими попаданиями.

Вместе с Саидом они подхватили его под руки и потащили по коридору, прислушиваясь к редким звукам выстрелов, – Аскет отступал последним, сдерживая наступательный порыв новоявленных исчадий техноса.

* * *

Импульсный автомат вхолостую щелкнул электромагнитным затвором.

Отшвырнув в сторону разряженное оружие, Егор развернулся и

побежал вслед отступавшим сталкерам.

В его рассудке занозой застрял образ Сашки Юрко. Не к месту вспоминались бойцы «Альфы-12», сгинувшие в этом проклятом пространстве.

Зачем камеры соединялись между собой оптическим волокном?

Что за данные пытались скопировать эти твари из человеческих рассудков?

«Альфа-12»…

Его группа…

Егор не осознавал того, как, подчиняясь надрывным мыслям, имплантированный чип мью-фона переключился на иную частоту, посылая в эфир давно забытые всеми позывные.

* * *

Группа из трех сталтехов, еще не подчиненная техносом, отступавшая в глубины бункерной зоны, внезапно остановилась.

Три низкорослые фигуры обменялись между собой какими-то данными, затем свернули в тоннель, соединяющий два параллельных коридора.

* * *

Титановая Лоза и Саид с трудом дотащили Апостола до очередного помещения.

– Тупик!

Дарлинг осмотрелась.

Действительно, дальше отступать некуда. Коридор влился в обширный прямоугольный зал, сплошь заставленный каким-то контейнерами.

– Паша, ты как? – Она склонилась над Апостолом.

– Терпимо… – едва слышно отозвался он. – Оружие бы мне… Врукопашную уже не смогу…

В коридоре раздались приближающиеся шаги.

Аскет, – определила Дарлинг. – А за ним еще трое. Сталтехи!..

– Саид, помоги! Оттащим Апостола подальше от входа!

* * *

Егор вовремя заметил преследование. Единственным его оружием оставался нож. Расширитель сознания еще работал, и он пока что ориентировался во тьме.

Вбежав в просторное помещение, он вжался в стену сразу за дверным проемом.

Одного успею положить точно. А дальше – как судьба рассудит.

Первая фигура сталтеха показалась в проеме открытой двери спустя пару секунд.

Он ударил, но механическая рука неожиданно остановила клинок. Трехпалая кисть впилась в запястье Егора, он вырывался, но подобрать нож не успел, сталтех резко шагнул вперед и, прижав его к стене, внезапно произнес:

– Командир, остынь, свои.

* * *

Цитадель Ордена. Зал совещаний…

Хантер не находил себе места.

Лучшие бойцы Ордена ждут приказа. Сердце отсчитывает глухие удары невыносимо долгого ожидания.

Шепетов нервно молчит, он тоже ждет расшифровки полученных из пространства Узла данных.

Максим, допущенный в зал совета, притих – его волновала лишь обещанная командором свобода, но пока что он был вынужден выслушивать пояснения Антрацита, рассказывающего ему о Цитадели.

В рассудке командора, бесконечно повторяясь, пульсировали обрывочные фразы из сообщений Титановой Лозы:

Идет бой. Портал запечатан. Технос атакует…

– Командор.

Он обернулся, усилием воли заставив себя обратить внимание на Шепетова.

– Да, Иван Андреевич, слушаю.

– Ты действительно намерен отпустить Макса? – Шепетов намеренно завел этот разговор, пытаясь отвлечь Хантера от тягостного ожидания.

– А по-твоему, что я должен сделать? Убить его? Превратить в материал для исследований?

– Но тебе не кажется, что он опасен?

– Нет. Макс получил меньшую порцию изменений, чем я, например. Да, он выглядит… устрашающе, выращенные скоргами системы сделали его сильнее физически, приспособили к эффективному выживанию в аномальных пространствах, но он остался сталкером. У Ордена свой взгляд на подобные процессы. Я обещал Максу свободу и слово сдержу. Он волен сам решать, куда ему идти и что делать.

– А Хистер?

– Ты же понимаешь, Иван Андреевич, Ковчег более не властен над Максом. Девятерых сталкеров, ставших заложниками проекта «Сталтех», мы сейчас ищем. Что касается *лично* Хистера – я слишком долго тянул. Политика Ордена в отношении Ковчега будет изменена.

– Война?

– Да. Надеюсь, армия нас поддержит. Нет – значит, справимся своими силами.

Двери зала совещаний открылись. Приор Глеб быстрым шагом проследовал к расположенному в центре комплексу аппаратуры.

– Есть расшифровка?

– Массивы данных огромны и сильно фрагментированы. На их расшифровку, возможно, понадобятся годы.

Хантер смертельно побледнел.

– Нам удалось найти одну-единственную зацепку. – Глеб говорил сухо и сжато. – Среди фрагментов удалось выявить аудио-, видео – и мнемо записи[20]. Они принадлежат одному и тому же существу. Образы обрывочны, но нам удалось разместить их в последовательности, дающей некоторое представление о событиях! – Приор сунул микрочип в гнездо считывающего устройства и коснулся сенсора воспроизведения.

Сфера голографического монитора спроецировалась в центре зала.

Шепетов невольно вздрогнул.

– Это же кабинет директора института имени Курчатова! – вырвалось у него.

* * *

Москва. Институт имени Курчатова. 13 сентября 2051 года

Два человека сидели друг напротив друга в глубоких удобных кожаных креслах.

– Итак, Руслан Геннадиевич, я внимательно слушаю. Признаюсь, что поданная вами заявка поставила меня в крайне щекотливое положение. Речь идет о секретной программе военно-промышленного комплекса. Как вы узнали о новых источниках энергии, разработанных в нашем институте?

Драгомиров открыл кейс.

В углублении из мягкого материала покоилась сфера десяти сантиметров в диаметре.

– Это он.

– Не понимаю? Он? Кто?

– Первый на Земле искусственный интеллект. – Драгомиров коснулся

отливающей хромом поверхности сферы. – Он взломал защиту и получил доступ к информации.

– Но… это же преступление!

– Мы взрослые люди. Я очень сильно рискую, идя на откровенный диалог. Искусственный интеллект класса «А» – мое детище. Он полностью состоит из нанороботов, образующих нейроподобные структуры, аналогичные биологическим нейросетям человеческого мозга. Я создавал его на протяжении всей жизни.

– Позвольте… Вы хотите сказать, что внутри этой сферы заключен разум, подобный человеческому?

– Не совсем. Он способен развиваться, осознавать факт собственного бытия, но, чтобы стать человеком, ему следует еще многому научиться. Например, он пока не умеет чувствовать. Для этого ему необходимо тело. Биомеханическая оболочка, способная двигаться, осязать, видеть воспринимать запахи.

– Я правильно понял: речь идет о теле киборга?

– Да. Кибернетический организм. Синтез живого с неживым. Наше подобие, но намного более совершенное. К сожалению, наномашинный мозг искусственного интеллекта не удалось совместить с телом клона. Ему подойдет лишь биомеханический носитель. Элементы нервных тканей позволят ему ощущать мир так же, как воспринимаем его мы. Но в основе физической оболочки, разработанной мной для искусственного разума, все равно преобладают кибернетические и механические компоненты, а им для успешного функционирования необходим автономный источник питания, как раз такой, что недавно создан в вашем институте.

– Позвольте, господин Драгомиров… Я не вправе обсуждать подобные вопросы в приватной беседе… Речь идет о разработке государственной важности!..

– Понимаю. Но у каждого вопроса есть своя цена, верно? Подумайте – появление кибернетического организма, способного мыслить и чувствовать, перевернет мир! Наша цивилизация изменится! Мы станем равными богам, а затем…

* * *

Вспышка.

Чудовищной силы удар.

Чернота.

* * *

Драгомиров открыл глаза.

Нестерпимый свет. Гротескная тень, лишь отдаленно похожая на человеческую фигуру.

Не может быть!

Существо стояло подле кровати и смотрело на него неживым взглядом. Биомеханическое тело в точности копировало структуру и формы, что так тщательно разрабатывались сотнями инженеров и специалистов в лабораториях Берлинского центра биокибернетических технологий.

– Что со мной? Где я?

Он не узнал своего хриплого голоса.

Биомеханическое существо протянуло трехпалую руку.

– Я много трудился, – произнес синтезированный голос. – Произошла катастрофа. Мы выжили.

Мысли путались в голове. Драгомиров с дрожью коснулся трехпалой руки, с усилием встал.

Вокруг серые бетонные стены с закрепленными на них экранами. На одном – мрачное ущелье, в центре которого вращается исполинский вихрь. На другом – фантастический лес, состоящий из металлических деревьев. На третьем – огромные машины, возводящие непонятные шпилеобразные сооружения. Четвертый показывал ряды одинаковых камер, в которых лежали… люди!

– Где я? – с дрожью повторил Драгомиров.

– В ином измерении, – ответил скверно синтезированный голос. – На Земле произошла катастрофа. Образовалась пространственно-временная аномалия. Нас выбросило сюда. Вместе с различной техникой и микромашинными комплексами, предназначенными для преобразования планет. Они отыскали нас. Спасли твое тело. Дали мне источник энергии. Я довел работу до конца. Создал себя, таким, как замышлял ты. Подчинил себе другие машины. Объединил их.

Драгомиров едва верил услышанному.

– Что это за чудовищный вихрь? – невольно вырвалось у него.

– Червоточина пространства. Проекция аномалии, изменившей время. Она пульсирует, перемещая миллиарды тонн вещества между разными точками, изменяя скорость темпорального потока. Оттуда исходит энергия, уничтожающая все. Я нашел способ закрыть ей доступ в наш мир. Машины уже завершают возведение защитных устройств. Затем они построят город.

Страшная догадка промелькнула в сознании Драгомирова. Пространственно-временная аномалия. Документы. Неужели Сливко

действительно отыскал установку отца и запустил ее?!

– Кто эти люди? – Он взглянул на экран.

– Их принесло пульсацией. Здесь нельзя жить. Я сохраняю их. Новые тела изготавливаются. Я много работал. Создал модуль перемещения информации. Ты будешь перемещен первым. Твое тело станет совершенным. Как ты мечтал. Пока происходят пульсации, процесс начинать нельзя. Вместе с веществом сюда попадают неисправные комплексы наномашин. Они вредоносны. Когда червоточина будет закрыта, мы избавимся от них. Люди получат новые тела, способные функционировать здесь.

* * *

Страх.

Жуткий страх, неприятие произошедшей катастрофы…

Последние мгновения *человеческих* чувств.

* * *

Низкорослый сталтех сидел за столом.

Биологический мозг внутри биомеханического тела.

Сознание человека, помещенное в темницу. Он невыносимо страдал. Смысл жизни оказался утраченным раз и навсегда. Он получил вечность и потерял все.

Где-то в расчеты вкралась ошибка, или он оказался слишком самонадеянным, вознамерившись повторить промысел Создателя?

Теперь все равно.

Прекрасный город за окном. Столб энергии, запечатанный защитным установками.

Абсолютная пустота внутри.

Потерянный смысл жизни, минуты, часы, сутки, годы неподвижности.

Тени исполинских машин, созданных для преобразования далеких планет, выброшенных сюда первой пульсацией. Они движутся, выстраивая новые кварталы бессмысленного города, прокладывая дороги, создавая все, что необходимо людям… Но те, кто их создал, давно перестали быть людьми.

Лишь где-то глубоко внутри вспыхивает неистовое, сводящее с ума желание – отдать все, чтобы снова почувствовать себя живым. Все за единственный вдох. Все за один удар сердца.

Низкорослый сталтех встал, подошел к окну, взглянул на столб запечатанной защитными установками энергии.

Туда в порыве яростного, помрачившего рассудок безумия он скормил свое детище, – искусственный интеллект, который, спасая своего творца, превратил его в биомеханическое чудовище.

Теперь Он распылен.

Наномашины, составлявшие его мозг, никогда не соберутся вновь, не образуют устойчивой структуры, не принесут еще кому-либо этой чудовищной пытки *непрошеного спасения…*

Внезапно среди гробовой тишины помещения раздался шелестящий звук.

Сталтех обернулся и увидел, как миллионы микрочастиц собираются воедино, формируя нечто похожее на фигуру человека.

– Кто ты?

– Я? – Фигура угрожающе приблизилась. – Я его посланник.

– Он… уцелел?

– Он уцелел, но изменился. Он больше не подчиняется тебе.

– Мне все равно. Где бы он ни был и чем бы он ни стал.

– Этот мир принадлежит ему.

– Нет. – Сталтех равнодушно сканировал фигуру, состоящую из миллионов наномашин. – И все же, кто ты?

– Его изделие. Суперскорг. Он называет меня ТРОЯН.

– Как ты проник сюда?

– Это не важно. Ты откроешь портал?

– Нет.

– Тогда он откроет его сам. Извне.

* * *

Он сидел и смотрел на прямоугольное устройство, похожее на жесткий диск древнего компьютера.

Через него когда-то сознание профессора Драгомирова было перемещено в тело киборга.

Значит, возможен и обратный процесс?

Кровавый отблеск нового смысла зародился во мраке пораженного ненавистью сознания.

Я должен вернуться. Найти. Переместить.

Все меркло перед одной мыслью – я снова смогу дышать, чувствовать, ощущать боль, наслаждаться, изнывать от страха.

Я усовершенствую киборгов. Создам из них армию. С их помощью уничтожу установку отца, чтобы он не сумел пробить защиту и прорваться сюда.

Я проникну в отчужденные пространства и найду себе тело сталкера. Перемещу сознание. Начну все с нуля.

* * *

Низкорослый сталтех притаился подле мрачного, застилающего небеса вихря.

Операция провалилась. Сотни механических исчадий прибывали в ранее недоступный для техноса мир.

Их послал он, таящийся в недрах Узла искусственный интеллект, преданный своим творцом в минуту отчаянья, переживший бессмысленную *казнь*, но вновь собравший себя самого по микрочастицам.

Драгомиров понимал – его детище необратимо изменилось.

Сталтех медленно направился к порталу. Вокруг кипел бой, но он не обращал внимания на схватку.

Он знал, как следует поступить. При очередной пульсации защитные установки сработают вновь, остановив энергии Узла.

Драгомиров сжимал в трехпалых кистях небольшое прямоугольное устройство.

Я сотру этот мир, вместе с теми исчадиями, что вторглись сюда, освободив чудовищную энергию законсервированной пульсации. Сотру, уничтожу свое прошлое.

Никто и никогда не узнает, кем я был, кого породил и кем стану.

С этой мыслью он шагнул к основанию опоясанного молниями вихря.

* * *

Запись завершилась.

– Теперь мне все понятно! – в глухой тишине яростно произнес Хантер. – Макс, подойди. – Он достал прямоугольный прибор. – Ясно, почему сенсоры реагируют только на твое прикосновение?

Лицо Максима, не утратившее способность к мимике, исказила усмешка.

– Драгомиров собирался присвоить мое тело. Поэтому и спас, когда я насмерть замерзал после пульсации. Он готовил меня к перемещению сознания. – Макс вспомнил, как сталтех выхаживал его в сумеречном подвале. – Этот урод не был уверен, что после перемещения сознания он сразу все вспомнит. Потому сенсоры настроены на мои биометрические данные. Очнувшись, он бы нашел этот прибор и без труда воспользовался им.

– Зачем? Ты знаешь, какие еще функции «зашиты» в него?

– Догадываюсь. – Палец Максима коснулся края углубления, защищающего сенсор от случайного прикосновения. – Драгомиров безумен. Отчаяние не оправдывает его. Он бессмысленно и жестоко уничтожил свое детище… Думал, что уничтожил, – поправился Максим, – а на самом деле – показал искусственному интеллекту, кто такие люди и какова бывает их благодарность.

– Макс, что произойдет, если ты активируешь сенсор? – раздался за спиной требовательный вопрос генерала.

Максим обернулся, посмотрел на Шепетова и ответил:

– Дистанционная команда, посланная через Узел, отключит защитные установки. Освободит законсервированную ими энергию пульсации.

По щеке Хантера скользнуло искажение.

* * *

Голос Титановой Лозы прорвался сквозь пространство и время.

– Дарлинг… на связи…

– Лоза, доложи обстановку! – В голосе командора звучал металл. Он уже принял решение.

– Технос… полностью окружены… Сдерживаем…

– Лоза… – Он запнулся, – доченька… продержитесь еще немного! Найдите укрытие! Ты слышишь меня?! Мы вас вытащим!

Треск помех.

– Командор!

Хантер обернулся, взглянул на Шепетова.

– Ну?

– Что ты собираешься сделать?!

– А ты еще не понял, генерал? – Он обернулся. – Макс, ты идешь со мной! – Хантер крепко сжимал в побелевших пальцах устройство дистанционного управления защитными установками портала. – Боевым группам в зоне тамбура – готовность к началу операции!

– Командор! Подожди меня! – Шепетов догнал его и зашагал рядом.

* * *

Неизвестная точка пространства…

Три сталтеха стояли напротив Егора, глядя на него.

Сенченко, Данилов, Зарубин.

– Установки, которые ты видел, перемещают сознание. Нас насильно запихнули в эти тела.

– Кто?

– Мы не знаем. Память блокирована… Все как в тумане. Мы воевали. Сдерживали механических тварей, сколько могли. Пока не услышали позывной «Альфы».

Егор с трудом сглотнул.

Сейчас, за минуту до гибели, он верил их словам, понимал, что они не лгут.

Его подбородок дрогнул, но приближающийся по коридорам топот ног возвращал ощущение смертельной опасности, и он снова сглотнул подступивший к горлу ком.

– Оружие есть?

Они поочередно кивнули.

– Занимаем позиции. Нужно продержаться. Помощь придет.

Они не спросили, сколько нужно выстоять. Один из сталтехов протянул Егору «ИПК».

– Продержимся, командир.

* * *

Окрестности Цитадели Ордена. Зона тамбура…

Боевые группы Ордена, усиленные военными сталкерами, ожидали команды, рассредоточившись подле основания исполинского вихря.

Шепетов загерметизировал шлем бронескафандра.

Хантер поднял руку.

– Активировать маркеры! Бронемашины на исходную! После пульсации у нас будет ровно двенадцать минут, пока не очнется технос!

Он обернулся.

– Макс, ты свободен. Отойди подальше. Разблокируешь портал по моему сигналу. Потом отдашь устройство Аргелу. Все понял?

Максим кивнул, отошел за линию, отмеченную бетонными коробками блокпостов.

– Давай!

Он коснулся сенсора.

Исполинский вихрь внезапно запульсировал, исторгая слабое зеленоватое сияние, и зона тамбура вдруг опустела.

Полсотни бойцов и две бронемашины исчезли.

Их поглотил Узел.

* * *

Неизвестная точка пространства…

Столб энергии, законсервированной защитными установками,

внезапно подернулся рябью искажений, и вдруг зеленоватая субстанция утратила вид мутного стекла.

Чудовищной силы взрыв потряс окрестности, волна внезапно освобожденной пульсации рванулась во все стороны, ослепительное изумрудное сияние коснулось земли, и та вдруг вздыбилась, будто волна цунами: пологий вал искажающейся почвы вырвал шесть изогнутых построек вместе с фундаментами, опрокинул их, раскалывая на части, а судорога земли покатилась дальше, вслед за ней появился еще один вал искажения, затем еще, воздух пронзали ослепительные стреловидные росчерки – пульсация сметала все на своем пути, заново перемалывая руины города, перемещая миллионы тонн гравия, обломков, взрывая облаками серебристой пыли густые заросли металлокустарников.

Через минуту, докатившись до выросшего вокруг комплекса зданий городища, пульсация смяла его, вырывая огромные фрагменты металлизированных конструкций, затем вал искажений врезался в массивные бетонные стены, зияющие многочисленными пробоинами, и окрестности еще раз огласил чудовищный грохот: постройки пошатнулись, некоторые устояли, впитав искажения, другие начали разваливаться на куски, третьи попросту исчезли, будто растворившись в ослепительном холодном свете.

Три буквы, венчавшие центральную постройку, исказило до неузнаваемости, смяло в ком.

Через минуту буйство энергий пошло на убыль, лишь в руинах зданий еще метались сполохи зеленоватого света.

Вдалеке послышался рев моторов двух бронемашин.

Все частоты мью-фонной связи транслировали один и тот же запрос:

– Орден вызывает Титановую Лозу…

Эфир немо молчал в ответ.

Эпилог

Окрестности Цитадели. Зона тамбура…

Максим стоял подле опустевшего блокпоста.

Шло время, а он не сдвигался с места, ожидая какого-то события.

Отбушевала внезапно разразившаяся гроза, затем на минуту выглянуло солнце.

Исполинский вихрь медленно пульсировал, затем его объял сполох зеленоватого мерцания, и Максим увидел, как в зоне тамбура материализовалась опаленная бронемашина, пегая от многочисленных отметин, полученных в ожесточенном бою.

Сполох угас, открылась рампа, из бронированного чудовища начали выскакивать бойцы Ордена и военные сталкеры.

Едва ли половина отряда…

Они устало отходили в сторону, садились на землю, о чем-то переговаривались.

Максим ждал.

Вот в проеме показался Хантер, он спрыгнул на землю, помог выбраться Шепетову. Боевой скафандр генерала был обожжен плазменным разрядом.

Следом появилась фигура в потрепанной экипировке.

Импланты Макса резко укрупнили изображение.

* * *

Саид неловко выбрался наружу и вдруг опустился на колени.

Его обожженные ладони коснулись земли. Губы сталкера что-то шептали.

Следом показался край носилок.

Саид выпрямился. Тело Апостола бережно опустили на землю. Он дышал хрипло, прерывисто, к нему тотчас подбежали двое биоников, склонились над смертельно раненным адептом.

Дарлинг, выбравшись наружу, сняла оплавленный, пробитый в нескольких местах шлем, пошатнулась, устало прислонилась к опаленной бронированной шкуре боевой машины.

Аскет, спрыгнув на землю, встал рядом с Титановой Лозой.

Последними из бронемашины выгрузили тела трех изуродованных в какой-то чудовищной схватке сталтехов.

Максим несколько секунд пристально смотрел на них, затем развернулся и зашагал прочь.

Он был свободен.

Огромный мир Пятизонья больше не вызывал в нем страха.

Никто не провожал Максима, не следил за ним взглядом – вернувшиеся из смертельных пространств Узла сталкеры медленно приходили в себя, едва ли осознавая, что остались живы.

Максим не знал, что ждет его впереди.

Не оглядываясь, будущий лидер клана кибернаемников скрылся в пелене вновь зарядившего дождя.

notes

Примечания

1

Механоиды – сленговое название, бытующее в среде сталкеров. На языке военных – «изделие техноса».

2

Сигнатура, или энергоматрица, – характерная карта распределения побочных излучений, возникающих при работе устройства, механизма либо элементов энергопотребляющей экипировки.

3

Скорги – микроскопические частицы, способные образовывать сложные структуры. Основа всего техноса Пятизонья.

4

Н-капсула – плод металлорастения, содержащий дикую колонию скоргов, готовую к дальнейшему развитию.

5

ИПК – импульсный пулемет системы Карташова. В просторечье – «карташ».

6

Барьер – граница гравитационной аномалии, внутри которой расположена зона отчужденных пространств.

7

Армган – сленговое название лазерного излучателя.

8

Скоргофаги – особые колонии скоргов, созданные мнемотехниками. Базируясь в метаболическом импланте, они реагируют на попытку проникновения в организм сталкера «чуждых» микрочастиц. Используя кровеносную систему человека, скоргофаги быстро локализуют очаг поражения, уничтожая зародыш колонии своих «диких» собратьев.

9

О том, кто действительно застрелил торговца, смотри роман «Черная Пустошь».

10

В Сосновом Бору расположена база изоляционных сил.

11

Вторая пульсация была спровоцирована техносом Пустоши.

12

Зона тамбура – условная территория, около километра в диаметре, непосредственно прилегающая к основанию вихря, уплотнению воздуха, образованного аномалией пространства. При наличии маркера из границ зоны тамбура возможен переход в то пространство, на которое настроен навигационный чип.

13

Для подзарядки артефактного накопителя энергии «Сердце зверя» достаточно приблизиться к границе энергетического поля на десять-двадцать метров. Большинство сталкеров не рискуют идти дальше.

14

Здесь подразумевается примитивная модель поведения механоидов, отсутствие в составе управляющей колонии скоргов модулей искусственного интеллекта. При этом в рамках ограниченного круга задач они достаточно сообразительны.

15

«Пугало», «Нытик» – просторечные названия роботов-охранников.

16

Смотри роман «Титановая Лоза».

17

Маркер – навигационное устройство, позволяющее совершать переход из одного аномального пространства в другое.

18

Снайперская винтовка системы Карташова. Импульсный вид оружия, которым оснащались только группы специального назначения.

19

Механические стрекозы относятся к так называемым «новоделам» – механоидам, созданным в городищах Пустоши. Гарпии, в отличие от них, являются «примитивами» – механоидами, существовавшими до появления городищ и прошедшими лишь незначительную модернизацию, подчинившую их общим задачам эволюционировавшего техноса.

20

Мнемо – в данном контексте означает запись мыслей.